

М. МАМАКАЕВ

МЮРИД РЕВОЛЮЦИИ

Annotation

Автор этой книги Магомет Амаевич Мамакаев (1910–1973) — известный чеченский поэт и писатель.

Сын крестьянина-горца, он рано лишился отца. Ему довелось перенести все тяготы, связанные с гражданской войной и разрухой. Октябрьская революция, открывшая всем ранее угнетенным народам путь к просвещению и науке, дала возможность и Магомету Мамакаеву учиться в школе, а потом окончить Московский коммунистический университет народов Востока.

С той поры Мамакаева можно было увидеть в самых различных учреждениях республики, на разных должностях. Кипучая натура призывала его туда, где было трудно, где требовались знания, а образованных людей в Чечено-Ингушетии было тогда еще очень мало.

Но на протяжении всей жизни главным делом для Магомета Мамакаева оставалась литература. Им написаны поэмы и стихи, его поэтические сборники известны и за пределами республики.

Книга «Мюрид революции» посвящена жизни и подвигу известного чеченского революционера Асланбека Шерипова, отдавшего жизнь за народное счастье.

-
- [Магомет Мамакаев](#)
 -
 - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 -
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)

- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)

○ [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

-
- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)

○ [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)

-
- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)

- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Магомет Мамакаев
МЮРИД РЕВОЛЮЦИИ
Роман

*Первым комсомольцам Чечено-Ингушетии
посвящаю*

Автор

М. Манакаев

Р о м а н

Чечено-Ингушское книжное издательство
Грозный — 1976

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Создать документальную повесть или роман из недалекого исторического прошлого — задача весьма нелегкая. Стоит появиться книге, и тут же против вас встают не только некоторые новые документы, но главное — живые свидетели, которые вопрошают: почему в книге не «так, как видели» мы, и даже не «так, как слышали» мы?

Персонажи в художественном произведении располагаются не по рангам, как должностные люди какого-нибудь учреждения. Художника в избранном им герое интересует не его должность, а прежде всего человеческий тип, его место в жизни, его деяния. Вот почему, внося поправки к этому изданию с учетом критических замечаний, высказанных после выхода книги, я, к сожалению, не смог выполнить все пожелания читателей.

В жизни мне не довелось видеть героя своего произведения, но светлый образ его никогда не оставлял меня в покое. Еще на школьной скамье я искал и вызывал его силой своего мальчишеского воображения, и первый вариант этой книги был написан мною в 1936 году. Рукопись погибла при сложных обстоятельствах моей личной жизни. Но пропажа эта меня не слишком огорчила, потому что писал я тогда, излишне увлекаясь экзотикой, совершенно не вязавшейся с образом моего героя.

Чем больше я знакомился с жизнью Асланбека Шерипова, тем яснее он рисовался мне самым обыкновенным человеком, но с твердым характером и сильной волей, храбрым и правдивым.

Этому человеку я посвятил свое первое стихотворение, о нем сложена и первая песни. О нем же написан и этот пространный, иногда отрывочный, а кое-где, вероятно, и не гладкий мой рассказ. В нем — юность героя, революционная борьба, трагедия и счастье сильных духом. Я старался создать книгу о человеке, который ярко взлетел на короткое время и горел, словно падающая звезда. Да, он действительно сгорел, но не упал. Он остался жить в сердцах потомков как пример замечательной жизни, отданной народу.

Мне трудно судить, что в этой книге хорошо и что не совсем удалось. Об этом лучше всего скажет мой взыскательный читатель,

которому я заранее благодарен за внимание и на суд которого отдаю свой труд.

В данном издании роман печатается с некоторыми сокращениями.

Автор

1968

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мы вам покажем, как надо умирать за свободу! В нас вы не увидите мюридов газавата, но найдете мюридов революции!

Асланбек Шерипов

Асланбек принес в дом свежие запахи альпийских лугов и полевых цветов. Весь день он бродил по горам, разговаривая то с чабанами, то с крестьянами, которые мотыжили свои скудные кукурузные посевы.

Мать приготовила ужин, но он не захотел есть, взял книжку с полки старой этажерки и бесшумно прошел в соседнюю комнату. Скоро в доме затихло: видно, взрослые улеглись спать. Асланбек убавил пламя керосиновой лампы, чтобы не тревожить сон младшей сестры, лежавшей в углу на тахте, и, осторожно пододвинув скрипучий гнутый стул, присел у окна, распахнутого настежь. В мутном небе собирались тучи. С горы, постепенно усиливаясь, дул ветер. Юноша раскрыл книгу. Это был Коста Хетагуров. Взгляд отыскал знакомые строчки:

Как долга беспросветная ночь,
Как еще далеко до восхода!
Но и днем не могу я помочь
Безысходному горю народа.

Асланбек задумался. Из окна приятно тянуло прохладой. Ему захотелось еще, побольше этого освежающего и упругого, как струи Аргуна, ветра. Он потянулся к нему, но стул предательски скрипнул. Асланбек опасливо оглянулся на сестру. Девочка не спала.

— Почему ты не спишь, Айна? — тихо опросил он.

— Нога болит.

— Сильно?

— Конечно, сильно! — Она говорила капризно, обиженным тоном. — Ты же видишь, не могу уснуть от боли.

— Вижу. — Асланбек невольно улыбнулся.

— Еще издеваешься!

— Что ты, Айна! Не обижайся, я ведь не нарочно!

Он вспомнил, что утром, когда сестра несла воду, он попытался помочь и нечаянно ушиб ей ногу медным кувшином.

Айна дулась недолго.

— А ты вот возьми, да и расскажи мне, о чем читаешь, — попросила она, с готовностью усаживаясь в постели. — Ну, Дакаш, пожалуйста!..

Дакаш — так звали Асланбека близкие.

Он снова улыбнулся. Маленькие хитрости сестренки была ему известны. Не так уж болела у нее нога, как хотелось послушать книгу. Он не сомневался, что и не спала она специально из-за этого.

Асланбек взял со стола томик Лермонтова и раскрыл его на поэме «Мцыри». Девочка так и впилась в него глазами, слушая о тяжелой судьбе шестилетнего мальчика-горца, о том, как он попал в руки победителей, заболел и по пути в Грузию генерал отдал его на излечение монахам, где он и вырос. О тоске юноши по родине, о смерти его и о том, как, умирая, поведал он монаху о своем единственном желании: вернуться в родимую страну, где он будет свободен, как ветер. Дивные строки пронзили Асланбека знакомым волнением. Голос его зазвенел, окреп:

Скажи мне, что среди этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы, краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?

— А скажи, Дакаш, раз мальчик этот был нашим, горцем, зачем же его украл генерал? — донесся до него взволнованный шепот Айны.

Но тут тихо отворилась дверь, и в комнату заглянула мать.

— Дакаш, пора ложиться, — сказала она. — Ты ведь завтра хочешь выйти засветло. — Она сказала это ласково, но такая твердость прозвучала в ее голосе, что возражать было нельзя.

Асланбек закрыл книжку и, расстегивая ворот гимнастерки, молча направился к постели.

Широкоплечий юноша, выше среднего роста, с задумчивыми светло-кариыми глазами, всем, кроме матери, казался старше своих лет. Все в нем было по-взрослому: походка, и рано появившийся бас, и суждения о жизни. Всем это нравилось в юноше, одной только матери хотелось, чтобы ее любимый сын всегда оставался мальчиком. С материнской ревностью наблюдала она за сыном, и в сердце у нее рождалось тревожное чувство за судьбу Дакаша. Нет! Она знала сына как умного и честного мальчика, который не позволит себе ничего дурного. Но вот говорит-то он и мечтает о чем-то непонятном. Такое, видимо, под силу только особым людям.

Воспитанная в простой крестьянской семье, Баянат не привыкла задумываться над тем, что выходило за пределы ее жизни, мудрость ее была проста. «Будь в доме гостеприимной и верной женой своего мужа», — вот чему учили ее родители. Этим заветам она была верна. Баянат знала своего мужа, детей. Только их скромные нужды тревожили ее. А сын, ее Дакаш?.. Как смиренная крестьянка, она была благодарна судьбе, «данной людям самим аллахом». По ее понятиям, победить зло мог только всевышний. Ее же мальчик страдает за чужую боль, пытается вступить за слабых, хочет, чтобы все было справедливо. А так ведь в жизни не бывает. Вот и сейчас, услышав его звенящий в ночи голос, увидев его освещенное каким-то внутренним светом лицо, Баянат почувствовала, как тревога подступает к сердцу. Уже убедившись, что сын лег и лампа погашена, она задержалась в дверях: может быть, поговорить с ним? Но что она скажет своему мальчику? Отец может поговорить с ним, но он так гордится смелостью Дакаша! Оглянувшись на спящего мужа, она неслышно притворила дверь и, тяжело вздохнув, опустилась на постель.

Некоторое время в комнате брата и сестры царил тишина. Но вот раздался еле слышный шепот Анны:

— Ну, Дакаш, так расскажи, почему генерал увез мальчика.

— Ты слышала, что сказала мама? Завтра чуть свет я должен уйти, — так же тихо отозвался брат.

— А куда ты пойдешь?

— В Борой. Это далекий аул.

— Зачем?

— Хочу познакомиться с Решидом Газиевым. Он тоже учится в Грозном, а сейчас, наварно, гостит у отца. — Асланбек помолчал. — Мы с ним могли бы вместе вернуться к началу занятий... Разве ты не помнишь, что послезавтра мы возвращаемся в город?

Сестренка как будто успокоилась, но вскоре опять напомнила о себе:

— Отец рассказывал, что в японскую войну с ним вместе воевал какой-то Гази. Это он?

Асланбек усмехнулся:

— Это старик Гази, отец Решида. Решид мне ровесник... Да спи ты наконец!

На этот раз тишина, как видно, установилась окончательно. Юноша прислушался к ровному дыханию сестры. Уснула, решил он. Но нет, через некоторое время до него снова донесся ее шепот:

— А я знаю, зачем тебе Решид. Тебе нужны храбрые люди... Ты хочешь стать абреком.

— Чего? — Асланбек даже приподнял голову. — С чего ты взяла?

— Я слышала... Ты во сне Зелимхана называл...

Шепот ее как бы погас. Брат напрасно ждал продолжения. Уснула. Он опустил голову на подушку и задумался.

Вот уже второй год, как он, Асланбек, бывший воспитанник Полтавского кадетского корпуса, перевелся на учебу в Грозненское реальное училище. И без того не проявлявший к военному делу особого рвения, он и вовсе возненавидел военных и военную муштру, с тех пор как до Полтавы докатился страшный слух о гибели легендарного Зелимхана из Харачоя.

Асланбек жадно ловил те немногие сообщения о Зелимхане, которые просачивались в газеты. В представлении юноши, даже судя по этим скудным сообщениям, Зелимхан из Харачоя был не обычный абрек. Он устраивал набеги на имения богатых помещиков да купцов, убивал полицейских чиновников и прочих ставленников царя.

Награбленное он отдавал бедным и сиротам, отчего простые люди горой стояли за него. Среди народа Зелимхан находил своих верных сподвижников, в этом и была его сила. Действия Зелимхана поражали не только своей ловкостью, но и подчас прямо-таки невиданной смелостью. Так, задумав налет на какое-нибудь правительственное учреждение, он сообщал об этом в полицейский участок, называя место и час, а когда воинская часть прибывала туда, оказывалось, что зелимхановцы уже побывали здесь и только что скрылись, а их вожак даже оставил записку: «Опоздали. Мне некогда, спешу. Зелимхан».

Народная молва о Зелимхане подхватывала самые фантастические слухи о его смелости и ловкости. То он будто бы в форме гвардейского офицера заявился к начальнику Веденского округа полковнику Добровольскому и разговаривал с ним, а уходя, оставил на столе записку: «Был у вас. До свидания. Зелимхан». То в парадном мундире поручика пожаловал на бал в офицерский клуб на Дундуковском проспекте в городе Грозном и чокался с начальником карательного отряда полковником Кибировым, который как раз охотился за ним.

Говорили, что на одном из расклеенных по городу объявлений начальника Чеченского округа с обещанием денежной награды — десять тысяч рублей за голову Зелимхана — появилась собственная приписка абрека: «Читал внимательно, с ценой не согласен. Добавлю от себя еще десять тысяч рублей тому, кто меня поймает. Зелимхан».

Разумеется, слухи эти будоражили прежде всего молодые умы: еще бы, вот он, герой, который ничего не боится, все может! И не выдуманный, а самый настоящий, живой — из аула Харачой. И вдруг такого человека предательски убили, а на убийцу его в награду за подлость надели офицерскую форму. Нет, он, Асланбек, не мог примириться с этой мыслью, он возненавидел офицеров и потому уговорил отца забрать его из кадетского корпуса. Но и в реальном училище, где учащиеся чувствовали себя несколько вольготней, Асланбек не нашел покоя: слишком много притеснений, бесправия, обид видел он в Грозном, а еще больше бросались они в глаза здесь, в горных аулах, куда вместе с семьей приехал на каникулы.

Вот и сейчас, терзаемый этими беспокойными мыслями, Асланбек еще долго не мог уснуть и лежал с открытыми глазами, переворачиваясь с боку на бок.

За окном тихо дремали дубы и могучие чинары, в густой листве которых приютились птицы, охраняемые яркими звездами. Душистые травы благоухали. Откуда-то снизу доносился протяжный и жалобный рокот реки... «Среди безмятежной природы стонут одни лишь обездоленные люди», — подумал Дакаш, вспомнив жалобы крестьян, которых слышал в ауле, и невольно всплыли в памяти строки поэта:

Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем...

— Нет, неправ ты, поэт, не всем хватает места под небом, — прошептал Асланбек.

А в это время за стеной, в соседней комнате, так же ворочалась, не в силах заснуть, мать. «Мой мальчик! — неслышно произносили ее губы. — Ну конечно, пусть отец, как только вернемся в Грозный, поговорит с ним... Ах, Дакаш, Дакаш! Аллах да защитит тебя!» А сердце упорно твердило свое: «Такие долго не живут!»

II

В стороне от больших и оживленных дорог, среди суровых гор, на узкой террасе с незапамятных времен стоял чеченский аул Борой.

По вечерам боровские старики рассказывались на больших плоских камнях у старинной мечети и начинали нескончаемые разговоры о былых временах и нынешних горестях.

— Не унывайте, односельчане, нам бояться нечего. До наших седых вершин не доберется никакая вражья сила. Горы надежно охраняют наш аул. Разве не так было со времен наших далеких предков?

— Да благословит тебя, Элса, сам аллах! Нам не о чем тревожиться, живем спокойно, — отвечали ему внимательные слушатели, скручивая сигарки крепкого самосада.

Но жизнь у боровцев не всегда была спокойной.

Как-то однажды после бурного схода они решили не платить непосильные налоги и даже изгнали из аула старшину Гишлако. Тогда начальник Чеченского округа полковник Свистунов прислал сюда карательный отряд с приказом: обстрелять аул чугунными снарядами и усмирить непокорных.

Боровцы не поверили, что это злодеяние совершено с ведома самого сардала^[1] Грузии. Они собрали целый мешок чугунных осколков и с этим мешком отправили в Тифлис делегацию к наместнику Кавказа. Но тот, даже не выслушав жалобы, велел отправить посланцев в тюрьму. Продержав их две недели в тюрьме, он отпустил делегатов домой со строгим наказом: никогда впредь не жаловаться на свое начальство...

С тех пор боровцы вели себя довольно тихо, но между собой решили: ничего хорошего для царя и его помощников не делать, но также и от них ничего доброго не ждать.

Чуреков с солью как будто бы хватало, а в том, что баранину одни ели здесь в день три раза, а многие не видели ее месяцами, боровцы не усматривали особой беды. «Так уж положено самим аллахом», — говорили они. Конечно, случалось, они ссорились между собой из-за земли или лесных угодий, но мулла твердил им, что жить надо мирно, с надеждой на «милостивого аллаха».

Так и жили из года в год, довольствуясь немудреными благами, стараясь и спичек не покупать, раз они изготовлены на фабриках белого царя.

Однако за последние годы тихая жизнь этих мест была нарушена новыми, непривычными волнениями. Сначала по аулам поползли тревожные слухи о войне, некоторых мужчин призвали и отправили в город. Люди строили по этому поводу различные догадки. Поговаривали, что где-то убили какого-то великого князя, а за это Германия начала войну с Россией. Но время шло, и вот то в один, то в другой аул стали возвращаться из госпиталей раненые горцы из тех, что сражались на германском фронте. Новости, которые они приносили, были потрясающие. Солдаты-чеченцы рассказывали, что рабочие в России бастуют, что в русских деревнях бунтуют мужики, жгут помещичьи усадьбы, убивают особенно ненавистных старшин и урядников.

Слухи эти летели с быстротою молнии. Гонцы добирались до самых далеких аулов, с трудом пробираясь между скалами, тряслись на ухабах торных дорог, так что и рассказы их приходили сюда в измененном виде. Сельские старшины хранили подозрительное молчание и все неувереннее держали себя с народом, а изредка наезжавшие сюда чиновники в основном говорили по-русски, так что крестьяне их не понимали.

Тревожно становилось в Чечне. Поэтому молодой путник, подходивший в то утро к Борою, не слишком удивился, заметив движение на улицах обычно тихого аула.

В этот день утром бороевцев поднял крик глашатая:

— Эй, люди, спешите к мечети, спешите к мечети!

— Что еще там стряслось? — спрашивали люди, выходя со дворов.

— Начальник едет, начальник...

— Чей же труп он везет? — невесело пошутил кто-то.

— Не знаю, ему виднее, — отвечал чернявый и худенький, как высохший чурек, глашатай.

Продолжая выкрикивать свой призыв, он обошел всю главную улицу; весь вид его говорил, что он знает не больше того, что произносит.

Люди направились на площадь, кто с топором, а кто с вилами, — словом, так, как они собирались на работу. Женщины, опешившие по

воду, останавливались и в знак почтения к мужчинам опрокидывали свои кувшины. Они сходили с дороги и робко поглядывали вслед идущим.

Когда упомянутый нами путник вошел в аул, площадь перед мечетью постепенно наполнялась встревоженными людьми. Юноша остановился в стороне от толпы, живые его глаза перебежали с одного лица на другое. Взволнованные предстоящим событием люди даже не обратили на него внимания.

Наконец на холеном коне появился старшина Гишлако с рыжей квадратной, коротко стриженной бородой. На шее у него болталась длинная медная цепочка с эмблемой старшинской власти. Боровцы не любили своего старшину за жестокость, а еще больше за то, что не сами выбрали его — он был назначен царской администрацией им назло.

Старшина тяжело выпрямился на стременах и крикнул:

— Ждите, люди, ждите, сейчас он прибудет!

Наезжая конем на людей, старшина теснил толпу, расчищая дорогу для знатного гостя. Добравшись так до мечети, он повернул назад и поскакал навстречу чиновнику. Боровцы молча глядели ему вслед.

Но вот на краю аула поднялась пыль.

— Едут! Едут! — закричал глашатай, выбегая на площадь.

Вслед за ним выехало еще несколько всадников. Впереди скакал старшина.

— Расступись, народ, расступись! — покрикивал он, замахиваясь плеткой.

У мечети он ловко соскочил с коня. Около него, придерживая вздуваемые ветром полы халата из зеленого сукна, стал белобородый кадий. Он оперся на длинный крашеный, цвета халата, посох.

Наконец появился и сам высокий гость, по всем признакам — большой начальник — тучный полковник с позолоченными погонями на широких плечах. Он спешил у дома старшины и, постукивая концом серебряной шашки о ступеньки, поднялся на крыльцо. Извлек из кармана синего кителя белоснежный платок и отер потное лицо.

— Дорога к вам очень трудная... и узкая, — не обращаясь ни к кому, проговорил он.

Толмач громко перевел собравшимся эту фразу.

— Да будет воля аллаха, он еще больше сузит ее! — крикнул кто-то из толпы.

Слова эти, разумеется, никто не перевел, и полковник, принимая их за приветствие, важно кивнул в ту сторону, откуда они раздались. В толпе послышались смешки.

— Как живут, что думают боровцы? — бодро обратился полковник к старшине, который стоял, вытянув шею, славно гусь: он пытался увидеть того, кто бросил высокому гостю дерзкую фразу.

Старшина Гишлако мигам повернулся к начальнику. Он едва владел русским языком, но ему очень хотелось выразить свою преданность власти.

— Господин полковник, боровский народ царю хорошее делать хочет, — с трудом произнес он.

Выслушав эту, не совсем понятную фразу, полковник повернулся к толпе.

— Я преодолел этот нелегкий путь, потому что имею к вам весьма важное дело, — сказал он. — Вот уже скоро два года, как Германия напала на нас. Война, которую ведет наш государь, приближается к победному концу. Государь обращается к вам, храбрые жители Борова, за помощью. Вам надо послать в нашу победную армию пополнение из своих молодых джигитов-добровольцев, дать им коней, вооружить их и снабдить продовольствием...

Когда толмач перевел эти слова полковника, по толпе словно пробежала волна. Потом вперед протиснулся высокий горец с седящей бородой. Сдвинув на затылок потрепанную папаху из черной овчины, он оперся на суковатый посох и заговорил спокойно, но твердо:

— Здесь в горах люди живут очень бедно, в большой нужде. То, что требует этот начальник, едва ли мы можем выполнить. Людей еще можно дать, но где взять для них коней, оружие и прочее? Смотрите, люди, уж сами подумайте, — закончил он многозначительно.

— Нет у нас ничего, кроме бедности!

— Элса правильно сказал!.. — раздались голоса.

Но старик поднял руку и продолжал, как бы отвечая за всех:

— Многие семьи остались без кормильцев, некому сеять и убирать посеянное. Самые сильные наши юноши еще в прошлом году ушли служить царю. Им мы дали коней и оружие. А теперь где и что мы

можем взять? Правильно я говорю, люди? — снова опросил Элса, обращаясь к собравшимся.

И в ответ со всех концов стали выкрикивать:

— Правильно, Элса!

— Верно говоришь! Нет у нас больше ничего!

— Подождите, люди, подождите! Нельзя так отвечать гостю! Что это вы? — закричал старшина. — Это же полковник из самого пороода Грозного, нельзя, стыдно нам так разговаривать с ним.

— Ну и что ж, Гишлако, что он полковник? — возразил какой-то сутулый старик. — Не можем же мы ему дать того, чего у нас нет! Если даже придут двенадцать полковников! Пусть даже явится сам Бетерсултан из Чеберлоя, все равно не можем мы дать то, чего у нас нет!

— Замолчите, Касум, — перебил его старшина, — ведь я же говорю вам, что это полковник Беликов, который распоряжается многими десятками таких, как Бетерсултан.

— Для нас он не выше Бетерсултана, а если бы Бетерсултан был здесь, ты бы не посмел так говорить! Лучше тебе помолчать. Что скажешь ты ему, если не сегодня, так завтра он нагрянет сюда?

Полковник нетерпеливо обратился к старшине:

— О чем эти люди говорят? Почему они поминают имя Бетерсултана?

Старшина еле слышно выдавил:

— Они думают, что пристав Бетерсултан самый большой начальник на земле. Не надо слушать, что говорит такой дикий народ...

Полковник с трудом удержал улыбку, но счел не лишним пригрозить:

— Тогда я вызову и Бетерсултана из Чеберлоя, пусть поговорит с вами!

Толмач перевел народу эту угрозу, в толпе зашумели, и Гишлако, приблизившись к полковнику, умоляющим голосом зашептал:

— Немного время давай нам, говорит народ, все сделаем, говорит: налог дадим, баран дадим, солдат дадим...

Полковник важно кивнул, и старшина поспешил увести его со всей свитой в свой дом, где уже было приготовлено обильное угощение: две целиком зажаренные бараньи туши и лучшие вина.

После их ухода страсти на площади закипели с новой силой. Чего здесь только не было: и опасения, и угрозы, и проклятия, и моления. Особенно горячился Элса. Как бы люди ни проклинали белого царя, а жестокая рука его давно дотянулась до борюевцев, и они хорошо знали, как тяжело прикосновение этой руки. Должно быть, в силу этого страсти постепенно сменились опасениями, и то один, то другой из стариков начинал называть имена джигитов, которых можно послать в солдаты, чтобы не ссориться с полковником.

Уже обсуждали, каких коней брать для будущих воинов, так чтобы не совсем разорить семью, на которую падет бремя солдатчины.

Старый Элса спорил до хрипоты, но в конце концов зло махнул рукой и пошел прочь. Когда он проходил мимо молодежи, скромно стоявшей в стороне и ждавшей, какое решение примут старики, взгляд его невольно остановился на незнакомом юноше в ладно сшитой черкеске. Незнакомец смотрел на него горящими глазами.

Элса невольно остановился. Потом поманил молодого человека пальцем.

— Ты откуда, джигит? — спросил он. — Ведь ты не здешний? Может быть, ты приехал с полковником?

— Нет, я пришел из Шатоя, — ответил тот. — А к полковнику я не имею никакого отношения.

В его голосе прозвучала нотка презрения, и старик внимательно посмотрел на него. «Совсем еще мальчик, — подумал Элса, — но какой-то серьезный. И взгляд горящий и тревожный. Из таких вот рождаются большие люди...» Он на минуту закрыл глаза и почему-то сразу увидел перед собой Зелымхана, каким довелось увидеть его однажды... «И великие абреки», — добавил про себя старик.

— Вы очень хорошо сказали, отец! — донесся до него взволнованный голос.

Элса открыл глаза. Юноша глядел на него с восхищением. Во всем его облике было какое-то напряжение.

— Ни одного человека, ни коня, ни гостеприимного очага этим людям, приносящим в аулы одни только беды! — произнес он звенящим голосом.

— Ты чей? — намного помолчав, спросил Элса.

— Я из Шериповых... Меня зовут Асланбек.

— Не сын ли ты Джамалдина Шерипова, того, что живет в Грозном?

— Да.

— Твой отец уважаемый человек, — серьезно и с почтением оказал Элса. — А зачем ты пришел к нам в Борой?

— Я хотел повидаться с Решидом, сыном вашего Гази. Мы могли бы вместе вернуться в город к началу наших занятий.

— Ты тоже учишься в школе? — поинтересовался старик.

— Нет. — Асланбек смущенно опустил глаза — он боялся показаться нескромным. — Я в реальном училище.

— Это хорошо, — сказал Элса с уважением. — Но Решид в это лето не приезжал в аул. Старый Гази уже начал беспокоиться. Вчера он ушел в Грозный, чтобы повидать сына... Быть может, будь он сегодня здесь, старики не решились бы посылать белому царю джигитов, — добавил он как бы пре себя. — Гази много видел в жизни, и все у нас очень уважают его.

Асланбек почтительно простился со своим новым знакомым, но старик остановил его.

— Скажи, джигит, — задумчиво спросил он, — вот ты ученый, может быть, ответишь мне. Придет ли время, когда станет легче жить крестьянину и пастуху? Или так будет всегда, потому что так положено от века?

— Я думаю, такое время обязательно придет! — горячо ответил Асланбек. Ему так хотелось передать старику свою уверенность, что он приложил руку к груди.

Но старик только печально улыбнулся. На прощание он, словно отпуская его, махнул рукой и побрел к дому.

Взволнованный и задумчивый, возвращался Асланбек в Шатой.

III

Элса правду рассказал Асланбеку, что Гази ушел. Однако не только беспокойство заставило больного старика отправиться в город — у сына там, в Грозном, много своих дел. Но за последнее время односельчане так часто задавали бывалому воину мудреные вопросы про все происходящее в стране, что он решил узнать обо всем подробнее у своего просвещенного сына.

Решид учился в начальной горской школе, окончив которую он мог стать в лучшем случае переводчиком пристава или сельским писарем. В горской школе занимались дети разного возраста: вместе с малышами в первых классах сидели и взрослые юноши, лет по шестнадцати-семнадцати. В таком положении был и Решид, в свои восемнадцать лет обучавшийся в третьем классе.

После двухдневного путешествия Гази с трудом добрался до Грозного, но сына своего в школе не застал. Классный наставник, которому передали, что пришел какой-то крестьянин и спрашивает о своем сыне, выйдя на крыльцо, сообщил Гази:

— Ваш сын больше у нас не учится.

Удивленный Гази встревоженно спросил:

— Как — не учится? Куда же он девался?

— Не знаю, — отрезал наставник.

— А кто же знает, где мой сын?

Наставник помялся и после небольшой паузы сказал:

— Он в тюрьме.

— В тюрьме?

— Да.

Гази даже изменился в лице.

— За что же его?

Наставник некоторое время молчал, а потом тихо сказал:

— Арестовали его две недели назад, а за что — должен знать полицейский пристав. — Он еще минуту постоял, словно собираясь что-то добавить, и вдруг решительно захлопнул дверь перед самым носом горца.

Еще лет десять назад Гази и подумать не мог устроить сына в школу, у него не было средств, чтобы хоть раз в год съездить в Грозный.

Это бедность погнала его в свое время на русско-японскую войну, откуда, трижды раненный, Гази вернулся с двумя медалями и одним Георгиевским крестом за храбрость, проявленную им в ратном деле. Однако, бесхитростный и прямодушный, он не умел ладить с начальством и потому не смог добиться хотя бы места помощника сельского старшины. Медленно умирая от туберкулеза, жил он, никому не нужный, с одной надеждой увидеть счастливые дни своего единственного сына. «Пусть я, ходивший на смерть за царя, так и не увидел счастья, зато Решид должен стать хотя бы сельским писарем», — решил как-то Гази и после упорных хлопот по канцеляриям царских чиновников устроил мальчика в грозненскую горскую начальную школу. И вот теперь все надежды сразу рухнули.

«Единственного сына потерял! Кто поможет мне?» — думал Гази, направляясь через рынок в персидскую чайную на Дворянской улице.

Войдя в чайную, Гази устало опустился на стул за маленький неприбранный столик.

За соседними столами какие-то чиновники шумно обсуждали «успешные операции» войск императора всея Руси на фронтах, с завистью толковали о дворцах, которые, соперничая друг с другом в роскоши, строили внезапно разбогатевшие нефтепромышленники и купцы. Но больше всего говорилось о несметных богатствах Тапы Чермоева.

Сыну царского генерала Тапе Чермоеву за особое усердие, проявленное его отцом в борьбе против чеченских крестьян, было разрешено обучаться в пажеском корпусе. Окончив его, он был оставлен во дворце в личном конвое государя. Здесь ротмистр Чермоев вызвал на дуэль какого-то важного сановника, после чего был уволен в отставку и вернулся на родину. И когда на землях, смежных с землями его родителя, ударил первый нефтяной фонтан, Тапа проявил великую энергию дельца. Путем обмана он за какие-то гроши скупил нефтеносные земли у крестьян и теперь наживал миллионы.

Гази не интересовали эти разговоры. Он слишком хорошо помнил грязь и ужас солдатских окопов, чтобы придавать какое-нибудь значение болтовне тыловых офицеров и чиновников.

За одним из соседних столиков усердно играли в домино. Перед игроками стояли недопитые стаканы с чаем. Вошел какой-то крестьянин-горец, с узелкам в руках, но, постояв немного, вышел.

Гази глянул на изрядно украшенный мухами потолок чайной, а затем тяжело опустил голову на руки. Вероятно, он долго просидел бы в этом положении, если бы не подошедший официант.

— Что прикажете подать, чаю или поесть? — спросил он.

Гази не ответил, он не слышал.

— Вы что, заснули? Может быть, возьмете чаю?

— Спасибо, ничего не надо, — сказал Гази и, тяжело поднявшись, направился к выходу.

Официант удивленно посмотрел ему вслед. Затем, недовольный, слегка махнул по столику полотенцем.

Выйдя из чайной, Гази побрел по главной улице. Он вспомнил прошлое, войну. Только отправили в госпиталь Лозанова, как ранило его самого. Гази лежал в луже крови, слушал свист японских снарядов... Ночь прикрыла поле боя. Где-то вдали перекликались санитары, видно, подбирали раненых. Гази попытался подзвать их, но не смог... В сознание он пришел уже в полевом госпитале. Во рту все пересохло, колото в груди, при кашле боль становилась невыносимой... Потом его лечили. Стало лучше, но кашель и недомогание с тех лор уже не покидали старого солдата. Последнее время он худел с каждым днем, силы оставляли его, а тут еще такая беда... Память... О чем это он подумал?.. Ах да, верный друг Лозанов! После войны Гази редко приходилось видеть его. Он живет где-то здесь...

Дойдя до угла, старик остановился, огляделся по сторонам, потом неуверенно свернул в узкий переулок.

IV

По возвращении в Грозный семья Шериповых собралась за обеденным столом.

Отставной прапорщик царской армии Джамалдин Шерипов имел в городе небольшой домик. Пенсия у него была мизерная, и жили они очень скромно. На лето семья уезжала в аул Шатой к родственникам.

За обедом мать ласково наставляла сына. Ее Дакаш должен быть прилежным, слушаться учителей, не вмешиваться в скандалы. Она нарочно делала это при муже, чтобы он разделил ее беспокойство.

Баянат не баловала детей, но у нее был удивительно ровный характер, вносящий в жизнь семьи покой и сердечную нежность, которой вовсе не было у отца.

Асланбек с улыбкой выслушивал наставления матеря, и казалось, что он во всем будет следовать ее советам. Конечно, он мог сказать, что, если к нему пристанут, он любому даст сдачи. Но зачем расстраивать мать, лучше молчать и не тревожить ее доброе сердце. Да и мысли его были заняты другим...

— Мада^[2], скажи мне, разве земля не мать для всех людей? — неожиданно спросил он у отца.

— Конечно, — ответил тот.

— А если у всех людей одинаковое право на землю, то почему одним ее дают так много, а другим не хватает даже на посев своего клочка?

Отец внимательно посмотрел на сына. Он впервые подумал, что сын его уже совсем не тот, каким он привык представлять его. Перед Джамалдином сидел не мальчуган, а юноша, пытающийся повзрослому ответить на вопросы жизни.

— О какой земле ты толкуешь, Асланбек?

Джамалдин впервые назвал сына настоящим именем, а не детским прозвищем. И тон его был серьезный, даже какой-то настороженный. Асланбек понял тревогу отца, но промолчал, боясь, что не сумеет выразить свои мысли.

Отец снова принялся за еду, но вдруг решительно положил ложку.

— Зачем тебе думать об этом? И о чем ты хотел спросить меня? — Он смотрел на сына поверх очков в белой металлической оправе, и

Асланбек видел в глазах его беспокойство.

— Да так просто, — смутился юноша.

— Ну, а все же, скажи, кого ты имеешь в виду? — добивался старший Шерипов.

— Да вот вчера в Борое я слышал разговор крестьян, — Асланбек заговорил уже более уверенным тоном, — они жаловались, что им не хватает земли, что у них отняли ее и они должны или умирать с голоду, или драться...

— За что драться?

— Как — за что? За землю! Они говорят, что земля должна принадлежать тому, кто трудится на ней. И они правы, ведь это же справедливо, отец!

Удивленный твердостью, неожиданно прозвучавшей в голосе сына, Джамалдин помолчал, потом, слепка усмехнувшись, произнес:

— Драться-то можно, да стоит ли? Можно ли выиграть в этой драке, об этом ты подумал?

Ответить на подобный вопрос Асланбек пока не мог и, чуть подумав, сказал уклончиво:

— Есть же такие люди, которые умеют драться за справедливость.

— А где они, кто они такие? — Джамалдин и вовсе встревожился.

— Я сам их пока что не знаю, — просто ответил Асланбек.

— Вот что, сын мой, — сказал Джамалдин, слепка повысив голос, — мне уже не раз жаловался на тебя инспектор, господин Родионов.

— Этот инспектор из кожи вон лезет, чтобы выслужиться! — сердито бросил Дакаш.

— Помолчи, когда с тобой говорят старшие! — перебил его отец. — Так вот, господин инспектор жалуется, что ты уклоняешься от прямых учебных занятий, читаешь посторонние книжки и бываешь в обществе людей, которые по возрасту и положению тебе не друзья. Я приказываю тебе заниматься твоим прямым делом — учением. А кончишь учиться, там уж как хочешь: хочешь дерись, хочешь мирись.

Встав из-за стола, Асланбек отошел к окну. Он стоял, опустив голову, иногда поглядывая на мать. Слегка сутулящийся, но еще молодцеватый Джамалдин также встал из-за стола и, нервно поправив свои длинные, пышные рыжеватые усы, прошел в другую комнату.

— Дакаш, не надо перечить отцу, — сказала мать.

— Мама, ты же не знаешь, в чем тут дело!

— Да и знать не хочу. Мне нужно одно: чтобы ты слушался отца, — отрезала мать.

Неожиданно из соседней комнаты вернулся отец.

— Дакаш, — сказал он, остановившись в дверях, — ты не должен обижаться на мою резкость. Пойми, я не против твоих мыслей, но в молодости желания всегда опережают возможности. Мне хочется, чтобы в трудном, да и в любом деле ты поступал со сдержанным спокойствием и осторожностью.

— Мада, — ответил сын, твердо взглянув в глаза отцу, — а не ты ли говорил мне, что жить самому в довольстве и не видеть горя и нужды других — это не мужественно. А ведь тот, в ком нет мужества, — не человек, а низкий раб?

Джамалдин молчал, словно зачарованный открытым взглядом сына, а еще больше — его такими простыми и гордыми словами.

— И об этом хорошо помню, сын мой, — сказал он наконец, но продолжать разговор не стал. Окинув Асланбека внимательным взглядом, он ушел к себе..

А мать так и осталась стоять на месте, и вид ее, казалось, говорил: «Что бы мы ни внушали тебе, сынок, все равно ты уже готов улететь из-под нашего крыла».

Неподалеку от здания реального училища еще сохранились бывшие солдатские казармы, заросшие бурьяном рвы старинной городской крепости. Из широких окон училища был виден земляной вал, окружавший когда-то крепость Грозную. По валу молча расхаживал угрюмый часовой в поношенной серой шинели, с винтовкой за плечом, а позади мрачной глыбой возвышалась городская тюрьма. Это приземистое здание, обнесенное высокой каменной стеной, было и первым каменным зданием в Грозном. Его построили из бесцветного камня и железа, когда еще сами строители крепости — солдаты гарнизона — ютились в глиняных мазанках. Говорят, что возвели эту тюрьму по указу самого императора всея Руси, «дабы прочно запереть недовольных волей великого самодержца».

С той поры тюрьма никогда не пустовала. В полусырых и полутемных камерах ее всегда томились вольнодумцы и государственные преступники, осужденные на казнь или каторгу.

Воспитанники училища почти ежедневно видели, как конвойные загоняли туда арестованных, чтобы через несколько месяцев тумаклами и пинками выгнать их, закованных в кандалы, из ворот и отправить по этапу. Редкий день у ворот тюрьмы не происходила какая-нибудь драма. Много женских и детских слез пролито у этих стен. Словно тени, маячили тут родные и близкие, провожая взглядами молчаливых узников.

Избавившись от казарменного режима кадетского корпуса, Асланбек жадно пользовался каждым мгновением относительной свободы, царившей в реальном училище. Теперь молодой Шерипов с меньшим риском мог делать почти все, что ему вздумается. Хочет — убежав с занятий, просидит целый день в библиотеке за книгой, а хочет — часами наблюдает за тем, что творится у стен тюрьмы. И прошлой зимой Асланбек часто слонялся около тюрьмы, с юношеским любопытством вглядываясь в бледные лица заключенных, которых выводили солдаты в серых шинелях. Арестанты несли тяжелый кандалный звон. Перед отправкой этапа конвойные обычно кричали: «Шаг вправо, шаг влево — оружие применяется без предупреждения». И юноша всегда побаивался, как бы кто-нибудь из заключенных не

уклонился случайно в сторону, а то возьмут, да и застрелят беззащитного. Но теперь, после лета, полного мрачных открытий и трудных размышлений, тюрьма и то, что происходило вокруг нее, приобрели для него особый смысл, особую притягательную силу. Ему ужасно хотелось подойти и поговорить с этими людьми. Ведь, может быть, именно они-то и есть те самые «смелее люди, которые знают, как драться, как помочь безысходному горю народному». Но нет, солдаты зорко охраняют их.

С этими мыслями в один из первых дней после начала занятий стоял Асланбек в толпе людей у ворот тюрьмы. Конвой собирал узников в этап. Заключенных стояло уже больше двух десятков, а из ворот тюрьмы выводили все новых и новых людей.

Жены прощались с мужьями, отцы — с детьми, молча, со слезами, они не имели права разговаривать с заключенными.

— Сынок, скажи, ты не знаешь, куда это их гонят? — вдруг услышал Асланбек.

Голос за спиной был незнакомый.

Обернувшись, он увидел старого горца в поношенном коричневом бешмете, с трудом опирающегося на суковатую палку. Лицо у горца было бледное, высохшее. Маленькие помутневшие глаза его с глубоким страданием разглядывали заключенных, которых уводили все дальше от ворот тюрьмы.

— В Сибирь их отправляют, отец, — сочувственно сказал Асланбек. — Но вы не беспокойтесь, очень может быть, что они скоро вернутся! — Он сказал это просто так, желая поддержать старика. Никаких оснований для такого утверждения у него не было, и все-таки...

— Да, да, — невнятно пробормотал старик, невидящим, взглядом провожая заключенных. — Но где же тут мой сын? — вдруг с отчаянием воскликнул он.

— Ваш сын в тюрьме? — спросил Дакаш.

— Да. Он учился в горской школе, а теперь вот посадили-неизвестно за что... — глухо ответил старик.

Неожиданная догадка пронзила Асланбека. Минуту он внимательно вглядывался в старика, потом спросил:

— Вашего сына звали не Решидом?

— Да.

— Тогда я знаю вас. Вы Гази из Бороя, — уверенно сказал Асланбек.

— Да, это я. — Теперь старик с робкой надеждой смотрел на юношу.

— А ну-ка, проваливайте, чего тут не видели? Марш отсюда, да побыстрее! — гаркнул внезапно подошедший к ним городской, левой рукой придерживая длинную шашку.

Асланбек вскипел от ярости: этот городской постоянно торчал то перед зданием реального училища, то около тюрьмы.

— А потише не можете? — угрюмо спросил Асланбек.

Городской, как бык, уставился на юношу. Казалось, он собирается боднуть его.

— Старик приехал из аула Борой. Он ищет своего сына. Парня недавно арестовали, — сказал Асланбек, еле сдерживая себя. Но, как всегда, выдавали глаза — с таким гордый презрением смотрели они на городского.

— Арестовали — значит, по делу, — невозмутимо ответил тот. — Порядок требуется. Давай, давай отсюда! — И он махнул на них рукой.

— Уйдем отсюда, отец, а то это чучело боится, как бы мы его не сглазили, — предложил Асланбек.

Они медленно побрели прочь от тюрьмы. Юноша старался сдерживать шаг, чтобы старику было легче поспевать за ним.

— Я тут разыскал своего старого друга. Воевал с ним еще в ту войну, в японскую, — сказал Гази, — так вот, он и посоветовал навестить к тюрьме. Я и пришел сюда... А теперь не знаю, куда и деваться. Может, сходить к полицейскому приставу...

— Это зачем? — спросил Асланбек с явным недовольством.

— Как — зачем? Ведь сына-то моего он арестовал. Хочу объяснить ему, что сын не виноват ни в чем. Так что если уж ты знаешь Решида и тебе не очень трудно, проводи меня к этому приставу, — попросил старый горец.

— Пойти к приставу мы можем, только вряд ли от него можно ожидать добра, — сказал Асланбек. — А впрочем, пойдете! Скорее!

И они направились в сторону Дундуковского проспекта.

— Что добра от них мало — это я знаю, — говорил Гази. — Но что делать? Ведь нельзя же сидеть сложа руки, пока нас не добьют... Надо искать правду, требовать.

«Надо искать правду, требовать... Не сидеть сложа руки, пока нас не добьют», — мысленно повторил Асланбек, с уважением взглянув на старика.

А тот думал свое:

«В ауле бродят тревожные слухи, царь-то, говорят, непрочен. Да вот сейчас и этот, видно, знающий джигит сказал — арестованные скоро вернутся. К чему все это? И откуда он знает Решида? И меня узнал?..»

— Ты чей же будешь, молодой человек? — осторожно спросил он. — Что-то я тебя не знаю.

— Я сын Джамалдина Шерипова. Вы еще не видели меня.

— Значит, ты сын Джамалдина?

— Да.

— Дай аллах тебе здоровья! Ведь твой дядя из шатоевских Шериповых, брат твоего отца, — мой большой приятель. Как Джамалдин сейчас, здоров ли?

— Ничего. Держится.

— Пусть аллах продлит его годы! Ну а тебя как зовут?

— Асланбек, — ответил юноша.

— Асланбек. Хорошее имя. Но скажи мне, Асланбек, ты что, дружишь с моим Решидом?

— Пока еще нет. Просто летом мы обычно гостим в Шатое, и мне часто говорили, что сын ваш учится здесь. Но я так его ни разу и не повидал. А несколько дней назад я добрался До Бороа, однако ни Решида, ни вас там не оказалось. Мне сказали, что вы поехали к сыну в город.

— Поехал, поехал, — грустно сказал горец, вглядываясь в лицо Асланбека.

— А вот и полицейское присутствие, — неожиданно сказал Асланбек, останавливаясь напротив красивого особняка. — Тут и проживает господин пристав.

Когда они пересекали улицу, мимо них с гулким цокотом кованых копыт прокатил богатый экипаж. Пассажир его горделиво развалился на

мягких кожаных подушках, а рука его небрежно играла изящным кинжалом.

— Это Тапа Чермоев, — сказал Асланбек, тронув старика за рукав ветхого бешмета. — Денег у этого человека много, девать некуда.

— Да, — махнул рукою Гази, — что ему до нашей беды.

VI

У дверей полицейского присутствия Асланбека и Гази остановил часовой.

Возмущенный тем, что его не пропускают к приставу, старый горец начал кричать, взывая к аллаху. На его крик из дома вышел длинный, как жердь, кавалерийский офицер с черными, закрученными кверху усами.

— Заткни глотку, а не то пристрелю, как собаку! — наседал на Гази часовой.

Но тот не сдавался, потрясая у его носа своей палкой.

Увидев офицера, солдат вытянулся по стойке «смирно». Воспользовавшись минутным затишьем, Асланбек сдержанно обратился к офицеру:

— У этого крестьянина арестовали сына. Он приехал издалека и желает поговорить с приставом...

— Как зовут его сына? — спросил офицер, чуть приподнимая сдвинутые брови и оглядывая Асланбека.

— Решид.

— Фамилия?

— Газиев.

Офицер повернулся к Гази, сурово оглядел его и снова обратился к Асланбеку:

— Передай ему, — он показал пальцем на Гази, — что господин пристав знает, что делать и как поступать с государственными преступниками. Пусть он едет к себе домой и ведет себя тише воды, ниже травы.

Старик, стоявший в отдалении и надеявшийся услышать слова утешения, вдруг сорвался с места и заговорил на ломаном русском языке:

— Наша молчать не будет, господин офицер, тише не будет!

— Ну, все! Поняли? — отрезал офицер, бросив презрительный взгляд на медали, которые сверкали на груди горца.

— Так что же, теперь и пожаловаться, выходит, нельзя, — заметил Асланбек.

— Сейчас не время разбирать ваши жалобы. Есть дела поважнее и более срочные, — ответил офицер. Потом он строго взглянул на часового, давая понять, что разговоры с посетителями окончены, и направился в помещение.

— Что же, видать, и вам теперь стало трудно, — язвительно бросил Асланбек ему в спину.

Офицер чуть задержался в дверях, подозрительно глянул на Асланбека и, ничего не сказав, скрылся в здании. Часовой последовал за ним и, закрыв широкие двустворчатые двери, застыл на своем месте, поглядывая через стекло.

— Вот мы и побывали у пристава. Я же говорил, что он не поможет, — сказал Асланбек, оборачиваясь к Гази.

— Собаки! — отозвался горец, горестно покачав головой.

Убедившись, что делать ему здесь больше нечего, Гази выразил желание снова пойти к своему старому другу Лозанову. Асланбек попросил разрешения проводить его туда.

Дом, где жил Лозанов, находился на рабочей окраине, и Асланбек невольно вспомнил слова инспектора училища о людях, которые не могут быть его друзьями по возрасту и положению. Он только усмехнулся. Но чего действительно опасался Асланбек, так это, что мать узнает о том риске, которому он подвергает себя, вступая в столкновение с полицейскими властями. Мать тут ничего не поняла бы.

Конон Лозанов был и обрадован и взволнован неожиданным приездом своего фронтowego товарища. Несмотря на разницу в годах, они крепко подружились в степях Маньчжурии. Последние годы они виделись очень редко, так что им было о чем вспомнить. А встревожило Конона появление Гази потому, что Решид был арестован по подозрению в принадлежности к подпольной организации, в которой Лозанов играл не последнюю роль.

Встретил гостей Лозанов тепло. Дружески пожал руку Асланбека, так что молодой человек сразу почувствовал себя просто. Тем не менее первое время он больше слушал, чем говорил. Сама атмосфера этого дома была для него нова.

Дочь Конона, Нина, приготовила ужин, хозяин принес четверть молодого вина.

Старый Гази пить вино отказался, а попросил у Нины крепкого чая.

Конон уверил Гази, что вино — это чистый виноградный сок, что оно полезно для здоровья. Нет, Гази все равно не стал пить.

— Так ты же пил его на фронте, — не унимался Конон.

— Тогда я молодой был, крепкий. А теперь старый стал, больной. Нельзя пьяным идти в могилу, — твердил свое Гази.

— Брось, Гази, еще поправишься.

— Да я-то что, Конон, только вот Решид...

— Ничего, Решид скоро выйдет на свободу... Обязательно выйдет, вот увидишь.

Старик поднял глаза на своего друга.

— Ты это верно знаешь, Конон?

— Верно.

Гази задумчиво покачал головой.

— Вот и молодой человек, — он кивнул в сторону Асланбека, — то же самое говорит.

Лозанов с интересом посмотрел на своего молодого гостя и встретил его глаза — напряженные, ожидающие. Лицо юноши дышало искренностью и какой-то одухотворенностью. Рабочий чуть заметно кивнул ему, и тот сразу вспыхнул от этого знака доверия. Но Гази не заметил ничего, так был занят своими мыслями.

— А скажи, Конон, — спросил он после некоторого молчания, — это правда, что мой сын выступил против царя?

— Должно быть, — уклончиво ответил Лозанов, и снова они обменялись с Асланбеком понимающими взглядами.

— А правда, люди говорят, — старик упорно шел за своими мыслями, — что скоро царя не станет? Ты, Конон, наверно, знаешь об этом.

— Вот если все мы дружно скинем его, тогда, может, не станет, — улыбнулся Лозанов. — А так, сам он не уйдет.

— Вы же сами, отец, только сегодня оказали, что нельзя сидеть сложа руки! — неожиданно вмешался Асланбек. Он даже от волнения встал с места.

Но рабочий заговорил о другом. Он попросил Гази рассказать о том, что нового в горах и как там живут люди.

— Плохо живем, очень плохо, — ответил старик. — Народ бедный стал. Старшина Гишлако со своими стражниками вконец замучил людей всякими поборами. Из дворов наших не вылезают, все как есть забирают.

Асланбек рассказал о приезде в Борой полковника и о спорах, которые потом разгорелись на площади. Гази добавил о слухах, приносимых солдатами, вернувшимися из госпиталей. И так сидели они, разговаривая, дотемна, а когда прощались, Лозанов крепко пожал руку Асланбеку и просил его заходить. Старик остался у своего друга в ожидании каких-нибудь вестей о Решиде.

VII

В эту же ночь Решида Газиева этапом перевезли из Грозного во владикавказскую тюрьму и водворили в самую тесную, сырую камеру. Надзиратель принес тускло мерцающую лампу, поставил ее в отверстии над дверью камеры и, угрюмо взглянув на Решида, вышел. Тяжелая железная дверь захлопнулась, прочно отгородив арестанта от внешнего мира.

В камере у самого потолка было одно узенькое окошко с толстой тройной решеткой. Под этим окошечком стояла маленькая тумбочка, рядом — топчан, сколоченный из трех узких досок. Топчан скрипнул под Решидом так сильно, что он встал, боясь, как бы тот не сломался. Фитиль в лампе горел неровно, все слабее и слабее, как видно собираясь совсем потухнуть, отчего и без того бледное лицо арестанта становилось еще бледнее.

— А ну, ложись спать! — раздался за дверью голос надзирателя. Он заглядывал в камеру через глазок.

Решид снял суконный пиджак, укрылся им и попытался заснуть. Тупая боль в животе напомнила, что он не ел уже много часов. Он был измучен с дороги, но сон не шел. Тревожные мысли, как он ни отгонял их, не хотели покидать его.

Сегодня в этой мрачной тюремной камере Решид встречал день своего рождения — ему исполнилось восемнадцать лет. Позади месяц допросов с побоями, а сколько их впереди? Прямых улик против него, как видно, не было, и следователь в Грозном старался получить от него как можно больше сведений о Лозанове. Юноша объяснил, что бывал у него как у фронтового друга своего отца.

Но вот однажды, на очередном допросе, следователь упомянул имя Николая Гикало...

Вспоминая вопросы следователя, он старался составить ясную картину того, что известно и что не известно полиции. Да, как видно, внимание ее сейчас направлено на Гикало. Возможно, он скрылся, и вот теперь допытываются от Решида, где Гикало, чем занимается, знает ли Лозанова.

А может быть, Николай уже арестован и теперь полицейские хотят установить его связь с Лозановым. Они, видимо, решили, что Решид

очень молод и поэтому его легко можно запугать или запутать. Они ошибаются — и у юноши чувство долга и воля могут быть такие же, как у зрелого человека. Эту фразу однажды услышал Решид от Ивана Радченко. Пожилой человек, отравленный свинцовой пылью типографии, на взгляд шпика казался и тихим. Это последнее качество немало способствовало тому, что руководитель грозненских большевиков оставался вне подозрений полиции. Как-то он сейчас? Не нащупало ли его полицейское око? Не навел ли Решид каким-нибудь неосторожным словом на его след? Или на след Гикало?

Как важно было бы сейчас быть на воле, предупредить Николая о сжимающемся вокруг него кольце слежки! Когда он выйдет отсюда, — а держать его здесь бесконечно не станут, — ему будет очень не просто установить связь с организацией — ведь за ним будет наблюдение. А теперь самое время работать!

VIII

По возвращении из Шатоя новые интересы, знакомства и, главное, все крепнущая дружба с Лозановым так захватили Асланбека, что он не находил времени встретиться с городской родней и друзьями семьи. Была уже зима, когда однажды у деревянного моста над Сунжей он встретился с Хавой Билтовой. Девушка стояла с матерью перед ювелирной лавочкой, очевидно намереваясь купить какие-то женские безделушки.

За последние годы семья Абдул-Муслима Билтовой сильно разбогатела. Война потребовала много нефти, и Билтов, следуя примеру Тапы Чермоева, занялся скупкой нефтеносных земель. Два-три новых источника, открытых на этих землях, превратились для него прямо-таки в золотой дождь.

Но все это нисколько не изменило Хаву. Она осталась такой же простодушной и доброй, какой была в первые годы знакомства с Асланбеком, сыном бедного офицера. Вот и сейчас она радостно улыбнулась, увидев молодого человека.

Падам, мать Хавы, тоже еще не привыкла к неожиданному богатству, которое неузнаваемо переменяло самого Билтова. Падам все еще относилась к сыну отставного офицера как к возможному и вполне достойному жениху и не осуждала привязанность дочери к Асланбеку. Ей и самой нравился этот начитанный, серьезный юноша. За последний год Асланбек особенно возмужал. Нарядная черкеска бордового цвета и легкие сапоги из черного сафьяна подчеркивали его изящество.

— Дакаш, — тихонько окликнула его Хава и поспешила спрятаться за спину матери, покраснев от смущения.

Падам, с мраморно-белым красивым лицом, в дорогом черном платье, шутливо набросилась на юношу:

— Куда же ты пропал, Дакаш? Ну посмотри на него, чем не жених? И какой бравый стал! Тьфу, чтоб не сглазить! Ну, когда же свадьбу сыграем?

Асланбек покраснел, как стручковый перец. Он стоял молча, смущенно опустив глаза, теребя свою мягкую папаху из серого каракуля. Поняв смущение юноши, Падам тут же увела дочь.

Через несколько дней, возвращаясь из городской библиотеки, Асланбек снова встретился с Хавой. Молодые люди посмотрели друг на друга, и оба сдержанно улыбнулись. Молча пошли рядом. Хава уголком глаза лукаво глянула на своего спутника — так смотрела она на него, когда маленькими они играли в их саду, — и тут же прикрыла лицо тонкой кремовой шалью. Черные переливающиеся волосы оттеняли ее лицо. Преодолевая робость, Асланбек заговорил:

— Ты, Хава, совсем взрослая стала. Скажи, сколько тебе лет?

— Семнадцать скоро.

— А верно ли, что ты бросила учиться?

— Да.

— Почему?

— Отец настоял, — виновато ответила она.

— А мать? — спросил Асланбек.

— Она заодно с отцом, — сказала Хава упавшим голосом.

— Да-а, — произнес Асланбек, — я за то, конечно, чтобы родительская воля была для нас законом, все мы обязаны с нею считаться, но вот когда родители советуют неумно, как быть тогда? — спросил он не то у девушки, не то у самого себя.

— Не слушаться, — ответила Хава, весело засмеявшись.

— Я тоже так думаю, — серьезно подтвердил он.

Чуть прищуренные черные глаза Хавы ласково смотрели на него. Асланбек тоже не мог отвести от нее глаз. После первой встречи он долго придумывал, что скажет девушке, но сейчас, когда она была рядом, все слова вылетели из головы.

Встречные, глядя, как они идут рядом по аллеям городского сада удивленно переглядывались и покачивали головами.

Такие прогулки у молодых людей из чеченских семей были не в обычае.

— О чем ты так долго думаешь? — спросила Хава. — Мы идем уже второй круг, а ты все молчишь...

— О чем я думаю? Право, не знаю. Удивительное дело, Хава: когда я с тобой, у меня костенеет язык, — признался он.

— Почему?

— Не знаю.

— Разве я такая страшная?

— Для меня ты самая красивая!.. — Он не договорил.

У дома Азово-Донского коммерческого банка, построенного в пышном восточном стиле, напротив входа в городской сад их обогнали двое мужчин и девушка. Девушка оглянулась и приветливо кивнула

Хаве. Асланбек узнал Нину Лозанову. Одним из спутников ее был сам Конан. Третьего Асланбек не знал. Это был человек лет двадцати пяти, худощавый, широкоскулый. Одет он был в изношенную шинель и грубые солдатские сапоги.

Нина что-то сказала отцу, и все трое остановились, поглядывая в сторону Асланбека. Как видно, они поджидала его.

Со странным чувством юноша простился со своей нареченной: первый раз соприкоснулись для него эти два мира — мир его, в общем, благополучного детства и мир новых его друзей, мир борьбы, к которой так тянулась его душа.

Догнав Лозанова, Асланбек поздоровался с ним и с Ниной. Человек в шинели тоже протянул ему руку.

— Николай, — сказал он.

Рукопожатие у него было крепкое, а взгляд пристальный и умный. Асланбек почувствовал, что все трое чем-то озабочены.

— Я хотел оказать тебе, чтобы ты пока не заходил к нам.

— Почему? — удивился юноша.

— Понимаешь... — Конон чуть помедлил с ответом, как бы прикидывая, что можно сказать ему, — арестовали моего друга Ивана Радченко, и дом мой, как видно, находится под наблюдением.

— А куда же мне? — чуть не закричал Асланбек. — Я же с вами!

— Конечно, с нами, — невесело улыбнулся Лозанов. — Мы дадим тебе один адрес, и ты через некоторое время наведайся туда.

Вместе с Николаем Лозанов отошел в сторону, и они начали о чем-то тихо разговаривать. Оставшись с Ниной, Асланбек поймал на себе ее внимательный взгляд.

— Ты знакома с Хавой? — неожиданно для себя спросил он.

— Да, — ответила она чуть сдержанно, — мы учились в одной гимназии, пока она не ушла отсюда. А я... я тоже вынуждена теперь уйти.

И опять Асланбек почувствовал, насколько отличается жизнь Хавы от жизни этих людей, его новых друзей. И, как бы в ответ на эти его мысли, Нина сказала:

— Она теперь богачка.

Хава богачка! Он как-то не задумывался над этим. Но тут подошли мужчины, и Николай быстро сунул ему в карман бумажку с адресом.

— Только этак через неделю, не раньше, — сказал он.

Они пожали Асланбеку руку и пошли прочь, но Николай вдруг вернулся.

— Ты «Терек» читаешь? — спросил он.

— Иногда, — неуверенно ответил Асланбек.

— Читай, — деловито посоветовал Николай и дал ему газету. Он лукаво подмигнул ему и пошел догонять Лозанова.

А в это время Хава приближалась к дому, вспоминая о том, с кем когда-то играла в прятки.

Как-то незаметно, за одно лето, Асланбек изменился — стал выше ростом, раздался в плечах. И голос совсем не тот: его гортанная речь звучала теперь совсем по-мужски, а складки, легшие между черными бровями на лбу, придавали крупному лицу суровое выражение. И только в больших светло-карих глазах осталось что-то детское.

Этот учебный год в реальном училище был для Асланбека трудным и тревожным. Он и раньше проявлял слишком много самостоятельности в суждениях, и это неоднократно вызывало столкновения со школьным начальством. Так, по утрам, после молитвы, ученики должны были петь «Боже, царя храни», Асланбек же всеми силами уклонялся от этого, и инспектор даже установил за ним особое наблюдение. К тому же кто-то еще донес, что однажды Асланбек, вместо «Боже, царя храни», спел «Боже, царя схорони». Это еще больше ухудшило положение молодого Шерипова в училище. В этом поду непокорность Асланбека стала носить особенно резкий характер. Возможно, его просто исключили бы из училища, если бы не директор, который питал к Шерипову некоторую слабость, считая его самым способным из своих учеников. Эти «поблажки» бесили инспектора Василия Ионовича Родионова.

Однажды, задержавшись в классе, Асланбек копался в своей парте. В этот момент вошел Родионов. Серdito оглядев пустой класс, он прямо направился к Асланбеку и, отстранив его от парты, сам принялся рыться в ней. Скоро он вытащил оттуда сложенную вчетверо газету. Это был свежий номер «Терека». Инспектор повертел находку в руках, как бы недоумевая, каким образом эта крамольная газета могла оказаться в парте его воспитанника.

— Шерипов, что это такое? Каким образом этот бульварный листок оказался в вашей парте? — строго спросил Родионов.

— Василий Ионович, — отвечал Асланбек, как бы удивленный вопросом инспектора, — это не бульварный листок, а одна из лучших наших газет.

— Ах, вот оно что? — взорвался инспектор. — А я что-то не слышал об этой «самой лучшей газете». Придется мне, Шерипов, взять у вас эту «лучшую газету» и почитать на досуге. А если там окажется что-нибудь крамольное, я вынужден буду показать ее господину директору. Пусть его превосходительство знает, что читают его подопечные та-лан-ты...

Последние слова он произнес самым ироническим тоном, стараясь подчеркнуть, что отнюдь не разделяет отношение начальства к этому

строптивому ученику.

Асланбек молча вышел из класса. В коридоре его поджидали товарищи. Все они слышали разговор и были взволнованы.

— Наверно, кто-то донес.

— Уж не без этого!

— А ведь он устроит тебе неприятность, — сказал Асланбеку Вадим Кунов, близкий его приятель.

— Он давно Асланбека поймать хочет, — высказался один.

В этот момент в коридоре показался Родионов, и учащиеся разошлись. С Асланбеком остался только Вадим.

— Послушай, а арестовать тебя за эту газету не могут? — шепотом спросил он.

— Пустяки, — отмахнулся Асланбек.

Однако по тому, как начался следующий день, кое-кто из юношей ожидал грозного для Асланбека развития событий.

В это февральское воскресное утро ученики, как обычно, должны были идти на молебен в церковь рядом с училищем. Они вышли на улицу, привычно построились в ряды и тут с недоумением обнаружили, что перед училищем собралось несколько десятков полицейских. Тут же пополз зловещий слух, что собираются арестовать кого-то из учащихся. Все поглядывали в сторону Асланбека. Непонятно было, зачем их пригнали так много. Но время шло, а полицейские мирно сидели на скамейках перед зданием училища или молча расхаживали вдоль забора. На улице чувствовалось какое-то необычное оживление: сновали люди в серых шинелях, разъезжали конные казаки.

Часов в десять утра со стороны Красных ворот, у выезда из города на Старый-Юрт, показались ряды демонстрантов. Над их нестройными колоннами развевались красные знамена. По булыжникам мостовой сухо стучали костыли, у некоторых демонстрантов на головах белели марлевые повязки: тут было много раненых, вернувшихся с фронта. Одноногий солдат с изнуренным, бледным лицом, опираясь на грубый деревянный костыль, ковылял рядом с колонной, делая неловкие прыжки.

Дойдя до Греческой школы, демонстранты повернули направо и мимо реального училища с пением «Варшавянки» двинулась на Дундуковский проспект.

Прохлаждавшиеся до этого полицейские сразу повскакали со скамеек. Они выстроились перед зданием училища, загородив парадный вход и ворота. Однако многие учащиеся уже перебрались со двора училища в садик церкви и теперь оттуда пристраивались к колонне демонстрантов.

Присоединились к ним и Асланбек с Вадимом. Переглянувшись, они бодро подхватили знакомые слова песни:

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священы миллионам людей.

В стоптанных сапогах, в заплатах пальто и телогрейках шагали нефтяники и металлисты, солдаты и кустари. Впереди колонны, высоко подняв развевающийся красный флаг, шел знакомый Асланбека, Николай, которого он встретил с Лозановым и Ниной. Рядом с ним шатал кудрявый блондин с едва пробивающимися усиками, Дмитрий Халов, молодой рабочий Новых промыслов, ранее исключенный за «неблагонадежность» из владикавказской гимназии. Был тут и Конон Лозанов. А рядом с Лозановым Асланбек вдруг заметил старого Гази. Он не выдержал и, расталкивая людей, пробрался к нему.

— Да будет добрым день ваш, Гази! Вы все еще здесь? Что-нибудь узнали о Решиде?

Старик оглянулся, узнал юношу и, видимо, очень обрадовался ему.

— Да полюбит тебя аллах, Асланбек! День, как видишь сам, у нас добрый. О Решиде еще ничего определенного не знаю. Говорят, что его арестовали за распространение каких-то запрещенных книг.

— Не унывай, Гази, теперь, может быть, все обернется по-другому и станет лучше, — заверил его Асланбек.

— Я не унываю. Ты посмотри, что происходит! Это же удивительно! — Гази показал рукой на толпу. Старый горец вряд ли когда-нибудь видел такое скопление народа.

На Дундуковском проспекте демонстранты обогнули городской сад и остановились перед высоким двухэтажным домом. Это была штаб-квартира начальника округа полковника Свистунова.

Огромное красное полотнище клочкотало на древке. Оно то хлестало по нему, то раздувалось парусом. Толпа шумела, гудела, нестройно кричала. На тротуарах топтались притихшие полицейские. Никто не мог толком разобраться, что же все-таки происходит. С одного конца доносились слова песни:

Долго в цепях нас держали...

А чуть подальше, в переулке, собрались черносотенцы. Хрипловатыми голосами они тянули свое:

Боже, царя храни...

Но вот все лица повернулись в одну сторону. На высокое дощатое крыльцо небольшого дома духанщика Цинцадзе поднялся Конон Лозанов.

— Товарищи, твердыня русского царизма пала! — выкрикнул он, взмахнув зажатой в кулак папашой. — Со вчерашнего дня Петроград в руках восставшего народа! Но прихвостни царизма не хотят сдаваться. Они сколачивают отряды палачей народа, чтобы подавить революционный Петроград.

Люди взволнованно зашумели:

— Ур-ра-а! Да здравствует революция!

Шапки полетели вверх. Гази тоже высоко подбросил свою папашу.

В этот момент из-за угла духана показались конные казаки с обнаженными шашками. Со свистом и гиканьем ринулись они на собравшихся.

Полицейские, которые до сих пор вели себя тихо, воспрянули духом и тоже бросились на демонстрантов.

— Разойдись! Разойдись! — орал во всю глотку офицер, скакавший впереди казаков на сером коне.

Народ, будто под напором ветра, покачнулся и отступил на несколько шагов. Люди сгрудились вокруг красного знамени, собираясь защищать его. А со стороны Каменного моста на толпу мчался новый отряд казаков.

Один из всадников подлетел к старому горцу, мирно стоявшему в своей поношенной коричневой черкеске, и замахнулся на него шашкой. Но в тот же миг какой-то изувеченный солдат с поднятым костылем заслонил Гази.

— Свинья, и ты заодно с этим дикарем! — выругался казак и повернул коня.

Казаки вертелись на взмыленных конях вокруг грозно молчавших рабочих, но чувствовалось, что им не хватает храбрости пустить в ход оружие. Офицеры уже знали, что власть пошатнулась, что начальник округа уехал в Тифлис за указаниями и его канцелярия пуста. Наконец начальник отряда подал команду, и казаки с руганью унеслись прочь.

Теперь на крыльцо дома Цинцадзе взошел Николай.

В толпе послышалось:

— Гикало!

— Николай!

— Товарищи! — заговорил оратор. — Революция одержала первую победу! Но буржуазия не хочет считаться с требованиями рабочего класса и крестьянства!

Гикало стал рассказывать о том, что происходит в центре России и в окопах на фронте, о том, чего будут добиваться революционеры-большевики.

Асланбек вместе с другими жадно слушал Николая Гикало. Только теперь начинал он понимать, с каким замечательным человеком познакомил его в свое время Лозанов. Он стал пробираться поближе к оратору и вдруг почувствовал, что кто-то трогает его за локоть. Это был Вадим.

— Чего тебе? — спросил он товарища.

— Ты хочешь связаться с большевиками, Асланбек? — спросил тот.

— Я буду с теми, кто будет сражаться за свободу моего народа, — резко ответил Шерипов, — а к какой они партии принадлежат, мне безразлично.

— Я всегда буду с тобой! — горячо сказал Вадим.

Но товарищ уже не слышал его: вовсю работая локтями, он пробирался поближе к трибуне.

Уже вечером, когда возбужденные люди толпами расходились с митинга, Асланбек пошел проводить Гикало. По пути они много и

горячо разговаривали. Николай объяснил своему новому товарищу, что революция потребует вооруженной борьбы. Узнав, что Асланбек раньше учился в кадетском корпусе, Гикало полушутя-полусерьезно намекнул, что разбирающийся в военном деле человек мог бы организовать в помощь рабочим дружину из молодежи. Что ни полиция, ни казаки не собираются складывать оружие, а дел серьезных много: надо разоружить контрреволюцию, организовать защиту рабочих митингов, охрану Грозненского Совета, только что созданного и, в сущности, безоружного.

Асланбек слушал молодого большевика и всем существом почувствовал, что время столь долгожданного для него действия настало.

На следующий день у входа в общежитие реального училища Асланбек сидел со своими одноклассниками. Вечер выдался спокойный, тихий. Высоко в ясном небе плыла холодная луна, а на западе еще догорала заря. Учащимся было не до красот природы: перебивая друг друга, они горячо обсуждали последние волнующие события.

— Революция — это дело людей, у которых чистая душа и сильная воля, — говорил Шерипов. — Во всех революциях главной силой всегда была молодежь! вспомните, сколько лет было Робеспьеру, когда он стал народным трибуном Франции?

— Да, Робеспьер — вот был человек! — откликнулся кто-то.

— Это он, Робеспьер, говорил, что человек рожден для счастья и свободы, но повсюду он закабален и несчастен. Общество имеет целью сохранение его прав и улучшение его существования, но повсюду оно унижает и угнетает его.

— Ну и память у тебя, Асланбек! — восхитился один из юношей.

Но тот даже не обратил на похвалу внимания.

— Эту речь Робеспьер произнес, когда ему было немногим больше двадцати, — продолжал Шерипов. — А вы видели оратора, который выступал вчера последним?

— Гикало?

— Вот-вот! Ему тоже всего двадцать лет. А он уже один из организаторов революционного выступления в нашем городе.

— А ты разве знаком с ним, Асланбек?

— Николая Гикало все знают, — уклончиво ответил Шерипов. — Дело в том, что он ненамного старше нас, а уже активно участвует в революции.

Хотя поначалу разговор носил довольно отвлеченный характер, Асланбек гнул свою линию.

— Мы должны быть готовы к действию! — сказал он.

Товарищи опешили.

— Что же мы должны сделать? — спросил кто-то.

— Нам надо создать свою боевую дружину, — решительно заявил Асланбек. — Вот тогда мы действительно будем участвовать в

революции.

— Я первый записываюсь в дружину! — воскликнул один из товарищей Шерипова, Виктор Земцов. — И Вадима Кунова прошу записать...

— Вадима записывать в дружину нельзя, он жаден и скуп! — резко сказал чернявый невысокий реалист. — Посуди сам, Асланбек, какой из него выйдет революционер? Отец привез ему полную корзину яблок, а он, скряга, дал нам несколько штук и закрыл корзину на замок...

Асланбека разбирал смех: боевая дружина — и яблоки! Но он не мог пренебречь правилом: все, что принесено в коллектив, дели поровну. В пансионате жило много учеников из необеспеченных семей, они съехались сюда из казачьих станиц и горских аулов и часто жили впроголодь.

— Скажите, где Вадим прячет свою корзину? — спросил Асланбек.

— Под кроватью. Где же еще он может ее прятать!

— Тогда пошли! — Шерипов решительно двинулся в общежитие.

Остальные последовали за ним. Мимо дремлющей сторожихи поднялись по узкой, скрипучей лестнице. Гурьбой вошли в большую комнату — спальню старшего класса.

Все здесь напоминало солдатскую казарму. Вдоль стен стояли черные железные кровати, накрытые серыми суконными одеялами. Деревянный пол давным-давно не крашен, доски — ссохшиеся и неровные, словно здесь гоняли лошадей. Посреди комнаты возвышался большой, длинный, ничем не покрытый стол.

Асланбек заглянул под одну из кроватей и вытащил из-под нее большую плетеную корзину. На ней висел замок. Корзину облепили мухи. Решительным жестом Асланбек поднял корзину и поставил ее на стол.

— Что ты собираешься делать? — спросил один из реалистов, столпившихся вокруг стола.

Вместо ответа Асланбек резко дернул замок, открыл корзину и перевернул ее, высыпав яблоки на стол.

— Ешьте, — пригласил он товарищей. — Подходите смелее и берите на здоровье! Я угощаю! Это яблоки моего друга!

Пиршество было в разгаре, когда в комнату вошел Вадим Кунов, владелец корзины.

— Что это? Кто тут посмел хозяйничать? — двинулся он к непрошеным гостям, заглянул в пустую корзину и молча уставился на заваленный яблоками стол.

Ребята, жуя яблоки и улыбаясь, отступили от стола.

— Как же ты можешь прятать от друзей добро и без пользы гноить его? — Асланбек взял со стола испорченное яблоко и протянул его Вадиму.

— А тебе какое дело? Мои яблоки, что хочу, то и делаю с ними! — раздраженно ответил Вадим. — Сгною и сам выброшу.

— О нет, мы тебя избавим от хлопот и возни с ними, — насмешливо заметил кто-то из ребят.

— Чем ему трудиться выбрасывать их, мы справимся сами! — заметил другой.

Вадим молчал, опустив голову.

— Ну, будет, будет тебе! — сказал ему Асланбек. — Надеюсь, ты не обиделся?

Вадим продолжал молчать.

— Да что ты, на самом деле! — нахмурился в свою очередь Асланбек. — Я сделал это, потому что верил в нашу дружбу, в тебя, думал, что ты не придашь этому никакого значения. Мы же с тобой всегда все делили: твое было моим, а мое — твоим. И с такими замашками ты собираешься идти в революцию! Помнишь, что ты сказал мне вчера на митинге?

Вадим Кунов был хорошим парнем, но что касается вещей, то тут он любил свое считать своим, а чужое — чужим. Поэтому поступок товарищей ударил его по больному месту. Но от слов Асланбека ему стало стыдно. Он отошел к окну, сделав вид, что происходящее в комнате больше не интересует его. Слыша, как похрустывают товарищи яблоками, и чувствуя их осуждающие взгляды, он готов был провалиться сквозь землю. Некоторое время царило неловкое молчание.

Вдруг Вадим резко повернулся. Лицо его выражало недоумение и растерянность, как у внезапно разбуженного человека.

— Асланбек, посмотри! — дрожащим голосом произнес он.

Шерипов бросился к окну. Посредине улицы вели арестованного. Рядом с ним шагал офицер с наганом в руке, а сзади громко топали подкованными сапогами два солдата. Штыки их винтовок упирались в

спину арестованного. Асланбек узнал Николая Гикало. На нем была та же поношенная солдатская шинель.

Шерипов стремглав бросился вниз. Уже на улице услышал топот реалистов за спиной.

Догнав арестованного, на ходу крикнул:

— Николай, куда ведут?

Гикало только повел плечами, словно собираясь оттолкнуть офицера.

— Военная тюрьма, — процедил он сквозь зубы. — Обвинили в том, что нет увольнительной.

Бросив на Асланбека свирепый взгляд, офицер замахнулся на него наганом:

— Ишь, паршивец, устал, видно, гулять на воле! Пшел вон!

— Ничего, дубина! — Асланбек плюнул ему вслед. — Рано вам радоваться: долго он у вас не засидится.

Офицер шагнул было назад, желая схватить за компанию и юного крамольника, но, прикинув, что в этой возне можно упустить более важного преступника, зашагал дальше, еще раз пригрозив Асланбеку наганом.

Шерипов побежал обратно к училищу, где толпились взволнованные реалисты.

— Ну, товарищи, кто в дружину записался? — крикнул он.

— Я!.. Я!.. Я! — со всех сторон послышались голоса. Ребята тесным кольцом сомкнулись вокруг Шерипова.

— Есть настоящее боевое дело. Для революции!..

— Какое?

— Давайте освободим Гикало.

— А как?

Асланбек на минуту задумался, соображая что-то.

— Его ведут в военную тюрьму, — наконец сказал он. — Это по дороге через базар. Там еще толпится народ. Если мы затеем там свалку, в толчее Николаю, может, удастся ускользнуть. Солдаты побоятся стрелять в толпе... Ну как?

— Пошли! — живо откликнулся чернявый реалист.

— И я!

— А ты, Вадим?

— Я тоже пойду...

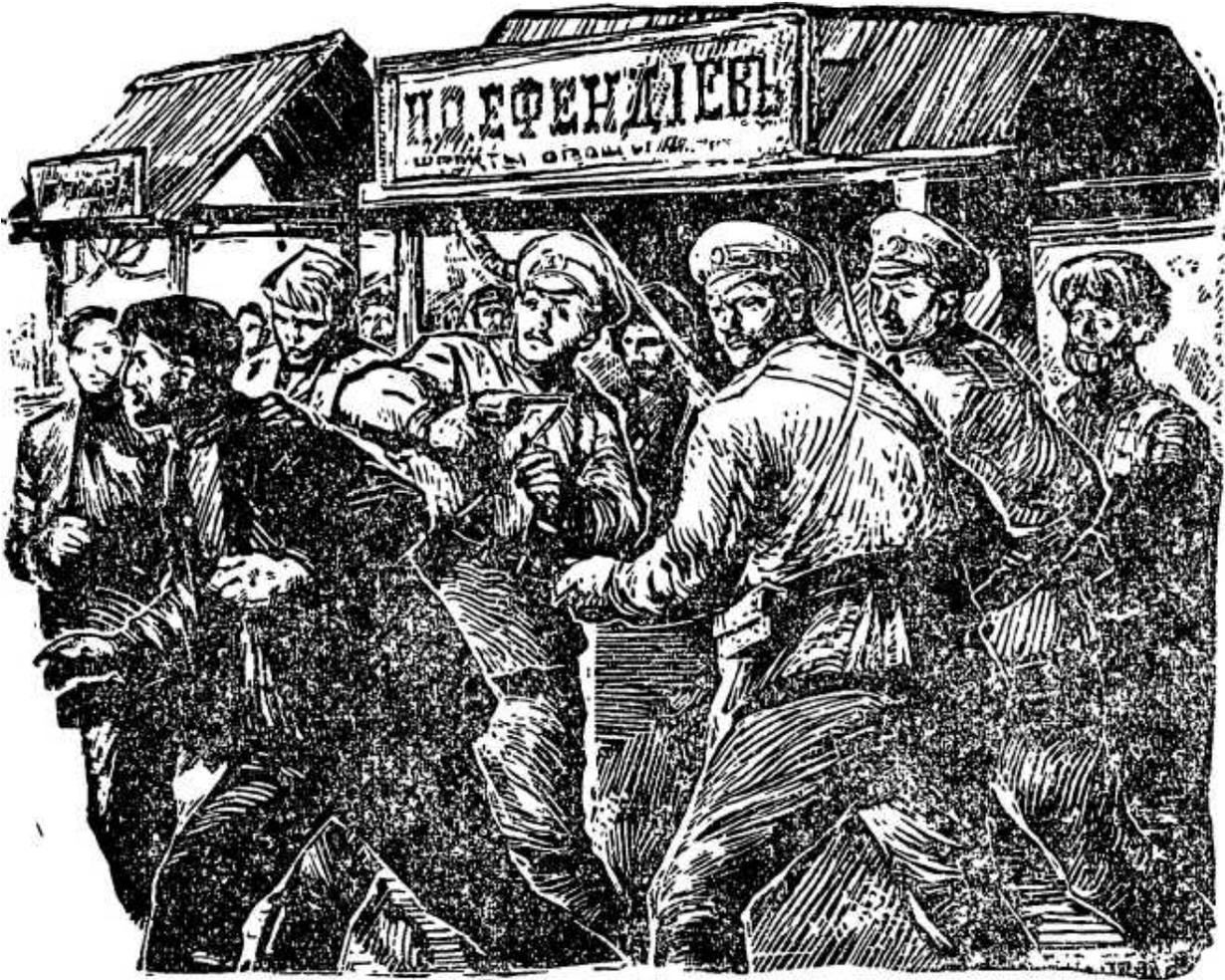
— Идемте все. Значит, так: мы обгоняем их по переулку. Как только они выйдут на базарную площадь, у лавки Абаса мы начинаем свалку. Хорошо бы сбить с ног офицера, а то у него наган... Быстрее!

Оставив во дворе фуражки с кокардами и записанными на подкладке фамилиями, снимая на ходу широкие кожаные ремни с медными бляхами, на которых стояли буквы «Г.Р.У.», ребята понеслись на базар. Они бежали так быстро, что прибыли на место раньше арестованного.

Едва показался Гикало, как в проходе между лавками Абаса и ювелирной закипело сражение.

Офицер, размахивавший наганом, так и не понял, что произошло. Кто-то, покотившись по земле, свалил его с ног. Медная бляха ударила по руке, наган упал. Солдаты, опасаясь задеть кого-нибудь штыками, прижались к стене ювелирной лавки.

Воспользовавшись суматохой, Гикало юркнул в узкий проулок между фруктовыми лавками. Кругом слышались вопли опомнившихся торговцев:

— Полиция! Полиция! На помощь!

Подоспевшая полиция сумела схватить трех зачинщиков драки. Среди них оказался и Шерипов, до конца защищавший узкий проулок, в котором скрылся Гикало...

Приближался вечер, когда в Борой вернулся старый Гази. У небольшой мечети, что стояла как раз напротив дома Гази, собрались люди. Эта тесная площадь испокон веков была главным местом, где узнавались и обсуждались новости. Люди несли сюда свое горе и обиды, свой вечный спор с бедностью и беззаконием. И тесной-то площадь стала из-за человеческой жадности: каждый из владельцев домов, выходявших на площадь, переставляя ограду, старался присоединить к своему участку хоть четверть вершка общественной земли. Сейчас здесь было не протолкнуться. Все жадно слушали Гази.

— Царя свергли, — рассказывал старик, — в Грозном теперь есть Совет, там солдаты, рабочие и крестьяне обсуждают, что делать дальше. Есть справедливые люди, их зовут большевиками. Так вот, эти большевики на промыслах и заводах устраивали сходки и говорят, чтобы все бедные люди объединялись. Главный штаб этих большевиков сейчас там, где жил начальник округа полковник Свистунов. А сам Свистунов, говорят, сбежал в Тифлис к сардалу.

— Пусть аллах унесет его дальше! — крикнули в толпе.

— Окажите, Гази, а большевики эти — не те ли самые, которые против аллаха?

— Нет, нет, это коммунисты не признают аллаха. А большевики народ хороший, — отвечал Гази, и сам толком не знавший, кто же эти большевики и какие-такие есть коммунисты.

— Гази, а на базаре зерно есть? — спросил его высокий, худощавый горец, стоявший позади других. — Почем пуд?

— На базаре не бывал, но в магазинах хлеба много и цена недорогая, — отвечал Гази. И вдруг запнулся. — А помнишь, Элса, Асланбека, сына Джамалдина? Он говорил мне, что был в нашем ауле. С тобой разговаривал.

— Помню, помню, — чуть подумав, ответил горец.

— Так вот, его арестовали и посадили в тюрьму.

— За что?

— Толком не знаю, — ответил Гази, — но говорят, был на базаре какой-то скандал. Асланбек заступился за арестованного большевика, а полицейские избили его и увели в тюрьму.

Элса сокрушенно покачал головой.

— Это смелый юноша и горячий. Я тогда же подумал, что не сносить ему головы, — сказал он как бы про себя.

— Побывал я в городе и у своего приятеля Конона Лозанова, — продолжал между тем Гази. — Он советует всем нам быть готовым для защиты.

За разговором никто не заметил, как из мечети вышел мулла, невысокого роста старик с коротко остриженной седеющей бородой. Первое время он молча стоял позади толпы, но тут, видно, не выдержал и стукнул о землю своим посохом.

— Скажите нам, Гази, кто такой этот ваш друг Конон и как этот гяур стал вашим приятелем? — спросил он, сверля старого горца злыми глазами, как будто тот принес в аул чуму.

— Конон — честный человек, живет своим трудом. Пусть он и не верит в аллаха, но он большой защитник правды, — ответил Гази вежливо, но неприязненно оглядывая муллу.

— А-ха, защитник правды, значит?

— Да.

— Так какую же правду он для вас защитил?

— Как — какую? Когда арестовали моего сына, он первым поддержал меня советом. Он, почтенный мулла, а не кто-нибудь другой! — уже резко произнес Гази.

На площади стояла тишина. Все ждали, что вот-вот выльется наружу вся злоба, за многие годы накопившаяся у муллы против старика Гази.

— Сын ваш был бы сейчас дома, а не в тюрьме, — выкрикнул он, — если бы вы, послушав меня, оставили его в медресе.

— Мой сын попал в тюрьму не как конокрад, а за справедливое и честное дело.

— За честное дело в тюрьму не сажают! — отрезал мулла.

Гази с трудом сдерживал себя, чтобы не наговорить мулле резких слов. Помянув о конокраде, он намекал на сына муллы, о котором ходила такая дурная молва. Старик уже собирался решительно возразить на последние слова муллы, но давно знакомая боль пронзила грудь. Он внезапно почувствовал слабость и молча присел на камень.

А мулла, видя, что противник не отвечает ему, продолжал:

— Люди, не верьте этим разговорам! Царя свергли, это на самом деле так, но всюду должен быть порядок, и он будет. Всего два дня назад я вернулся из Владикавказа, там уже есть новое правительство, во главе его поставлен Тапа Чермоев. Это будет наше правительство, а все остальные не наши, и нас это совсем не должно касаться.

— Нет, мулла, нас должно все касаться, — неожиданно вмешался Элса, пробираясь сквозь толпу и становясь рядом с Гази. — Мне кажется, что Гази прав, — продолжал он. — Настало тревожное время, когда люди сами должны постоять за себя. Этот ваш Тапа думает о своих промыслах и заводах, а не о том, как улучшить жизнь бедных горцев.

Высокий, прямой Элса выглядел гораздо моложе своих лет. Морщин на его сухощавом, цвета бронзы лице было мало, но они были глубокими, словно рубцы от кинжальных ударов. Аккуратно подстриженная волнистая борода уже серебрилась густой проседью.

О едва заметной хромоте Элсы в ауле рассказывали, что как-то в молодости в горах он встретился с медведем. Его шомпольное ружье дало осечку. Схватив ружье за ствол, он ударил зверя по голове, но оно переломилось надвое. Тогда Элса воткнул в открытую пасть медведя ствол ружья. В борьбе и человек и зверь оба свалились в пропасть. Медведь погиб, а Элса уцелел, отделавшись переломом ноги. Вот с тех пор горец стал прихрамывать. Теперь старый Элса редко появлялся на мечетной площади, но среди борюевцев он пользовался большим уважением, и редко кто не хаживал к старику за советом по любому важному житейскому делу. Поэтому и теперь вмешательство Элсы оказалось очень важным.

— Правильно Элса говорит, правильно! Мы сами должны решать свои дела! — раздались голоса.

Мулла с тревогой посмотрел вокруг.

— Куда вы толкаете людей? — крикнул он, обращаясь к Элсе. — Разве не сказано в коране: «Если бы аллах не заставлял сдерживать одних людей другими, то земля наша давно низверглась бы в пропасть».

— И то сказано, — перебил его Элса, — «Если не будешь бороться за свое, то и сам аллах ничего не сможет тебе дать». Будем сидеть сложа руки — останемся ни с чем.

— О аллах, о аллах! О пророк твой Магомет! Спешите к нам на землю в эти тревожные минуты, чтобы поддержать нас в защите веры! — забормотал мулла, воздев руки к небу.

— Аминь! Аминь... — произнесли вслед за ним многие.

— Мулла, — сурово остановил его Элса, — ты говоришь так, словно объявляешь газават!^[3]

— Можно, можно объявить и газават. На все есть воля аллаха, — ответил мулла, не глядя уже на старика. — Гяурам надо объявить газават.

Все это время Гази молча сидел на камне, прижав к груди руки, чтобы хоть немного сдержать нарастающую боль. Теперь он поднял бледное, без кровинки лицо.

— И среди гяуров, мулла, есть хорошие люди, — сказал он тихим голосом. — Они хотят, чтобы мы владели землей. Чем же они враги нам?

При упоминании слова «земля» по толпе пробежал шепот. Мулла сразу уловил опасность и заговорил мягче:

— Ты, должно быть, не понял меня, Элса. Я хотел сказать, что теперь все перемешалось на белом свете и лучше нам дома сидеть, пока там все не успокоится. Мы маленький народ, зачем нам лезть в драку?

Многие порывались вступить в спор, но сдерживали себя из уважения к старикам. Поэтому Элса оглядел присутствующих, затем повернулся к мулле и оказал:

— Это верно, мулла, мы — народ маленький, потому-то нам самим надо драться за землю. А то, если маленький будет молчать, большие его просто раздавят! — Он энергично запахнул полы своей овчинной шубы, обдав муллу кисловатым запахом шерсти, и пошел к площади, но вдруг остановился и оглянулся, кого-то отыскивая.

Следя за его взглядом, все тоже повернули головы и увидели Гази.

Старый горец все еще сидел на камне, положив голову на колени, и алая струйка крови текла у него изо рта.

Все бросились к Гази. Начался шум, люди размахивали руками. Воспользовавшись суматохой, мулла тихо скрылся в мечети, а Элса с помощью многочисленных помощников под руки повел Гази в его дом.

XII

В отношении Хавы к Асланбеку было много непосредственности. С годами детская дружба незаметно переросла в теплую привязанность, и потому, вероятно, девушка несклонна была придавать значение тем условностям, которые обычно сковывают влюбленную горянку. Однако за последнее время мысли о ее суженом все неотступнее занимали ее.

Последний раз они виделись в городском саду. Хава до сих пор вспоминала каждое слово Асланбека. Ей все казалось, что чего-то главного они не досказали друг другу. И вот девушка уже заметила, что тоскует по нем.

«Какой он смелый, сильный! Как не похож он на щеголяющих офицериков или на самодовольных барчуков, слоняющихся по городским улицам! — думала она. — Офицерики и барчуки эти из кожи вон лезут, чтобы понравиться девушкам, и в то же время разговаривают с ними так высокомерно, словно считают их ниже себя... Нет, Дакаш не такой. Он честный и прямой. Что на душе, то и на языке. Правда, он, наверно, бывает горяч и резок, но со мной он не будет таким... Со мною он нежен и ласков».

Вспомнила Хава и один случай из детства. Когда они были маленькими, часто играли на берегу Сунжи. И вот однажды один из взрослых мальчиков сильно обидел ее. Асланбек тогда смело вступился за нее. Он толкнул мальчишку в реку, хотя сам же затем вытащил его из воды, сказав, чтобы тот впредь не смел обижать девочек.

Конечно, таким же витязем Асланбек оставался и сейчас, но что-то новое, серьезное, не имеющее к ней никакой отношения появилось в его жизни. Она почувствовала это тогда, в саду. Как только девушка задумывалась над этим, ей становилось грустно. Прежние увлечения перестали занимать ее. Хава забросила рояль, и звучные аккорды лишь изредка нарушали теперь сонную тишину большого дома Билтовых.

Последнее время Хава стала особенно нервной. Мать и маленький брат наблюдали за ней с недоумением и не могли понять, что же с ней происходит. Лишь сама Хава знала, что творится с ней, но никому не могла сказать об этом, даже матери.

Вот и на этот раз девушка неподвижно сидела в большом кресле, задумчиво глядя в окно. Мать зашла в комнату раз, другой, но дочь

словно и не замечала ее.

Наконец, войдя в комнату третий раз, мать как бы мимоходом, ласково спросила:

— Тебе нездоровится, доченька?

— Нет, мама. Почему вы решили, что я больна? — ответила Хава, настораживаясь.

— Да так, — оказала мать. — Я вижу, последнее время ты какая-то странная.

Хава под села к роялю, провела пальцами по клавишам, потом встала, подошла к матери и, не глядя на нее, тихо опросила:

— Мама, вы разве ничего не слышали?

— Нет. А что? — насторожилась мать.

— Говорят, что Дакаша арестовали, — ответила дочь, все так же глядя в сторону.

— Боже мой, боже мой! Вот что, оказывается, тебя мучило! Но что же нам делать? Чем же мы поможем ему? Ведь все это не в наших руках, — забормотала мать, теперь уже волнуясь сама.

Она тоже привыкла к мысли, что именно Асланбек станет ее зятем. Но, услышав об аресте, растерялась: зять из арестантов — это уж совсем неприлично для дома Билтовых. Она попыталась успокоить дочь:

— Вот все девушки в твоём возрасте такие — вобьют себе в голову какую-нибудь ерунду, а потом и мучаются. Разве на одном человеке свет клином сошелся? Разве одна звезда на небе? Нет. Их много, надо только оторвать взгляд от одной и спокойно оглянуться кругом...

— Мама! — обиженно перебила ее Хава. — Зачем вы так говорите?!

— Ну как же тебе сказать иначе, если ты не понимаешь? Ведь я больше тебя прожила на свете и лучше знаю, что и как. Сейчас каждый ласкает тебя взором, а при неудачном замужестве страдать тебе... Да еще мне. Разве мало случаев, когда выйдет девушка замуж и свадьба еще не забыта, а столько хлебнет горя, что в отчий дом возвращается. Не думай, что тебе особая судьба предназначена. Будь осторожна, доченька. Когда человека сажают в тюрьму — это неспроста!..

— Мама! — возмутилась Хава. — Вы обижаете меня. От Дакаша мы никогда не видели плохого! Он не такой, как другие!

— В том-то воя и беда, — не унималась мать, — что все девушки до замужества так думают.

Хава опустила голову.

— Почему вы так недоверчивы, мама? Откуда вы знаете все это?

— Знаю, потому что прожила жизнь и видела жизнь других...

В этот момент дверь отворилась, и на пороге появился отец. Брови его были сурово сдвинуты, что не предвещало ничего хорошего. Он молча кивнул дочери, и та послушно вышла в другую комнату.

Уловив отдельные слова из разговора матери с дочерью, он догадался, что речь идет о молодом Шерипове, и решил вмешаться. Разговаривать с дочерью было не принято — это было ниже достоинства главы семьи, но жена должна была знать его решение и беспрекословно выполнять его.

Богатый нефтепромышленник Абдул-Муслим Билтоев, которому внезапно привалившие деньги вскружили голову, был уже не тем скромным человеком, который даже радовался, что может выдать дочь за сына уважаемого, хоть и не богатого офицера Шерипова. Теперь это обязательство тяготило его. Выбор жениха для Хавы представлялся ему важным шагом в его финансовых расчетах и должен был увеличить богатство семьи.

Оставшись наедине с женой, он прошелся по комнате, потом остановился, сурово оглядев ее с ног до головы, и произнес тоном, не терпящим возражений:

— Джамалдин Шерипов порядочный человек, но сын его связался с босяками и вместе с ними угодил за решетку. Не хватало еще, чтобы Хава думала об арестанте! И это даже к лучшему... Ты поняла?

Падам побледнела и молча склонила голову. Гнев Абдулы-Муслима Билтоева в доме считался страшнее кары божией.

А в это время в соседней комнате Хана с грустью смотрела в окно. Она догадывалась, какой разговор происходит сейчас за стеной, понимала, что там, наверно, произносится приговор ее счастью. Приговор окончательный — ведь ей и в голову не приходило, что можно не подчиниться воле родителей, так она была воспитана. Конечно, тогда, в городском саду, она сказала Асланбеку, что родителей подчас можно и не послушать, но ведь это были слова, озорные слова, не более!..

И все же какое-то упрямство жило в ней. Ах, если бы она могла поговорить с Дакашем!.. И вдруг она увидела его. Он медленно шел по противоположной стороне улицы, повернув голову в сторону ее окон. Увидев Хаву, Асланбек чуть заметно кивнул ей.

Со страхом оглянувшись на дверь, девушка поспешно выскользнула на улицу, пересекла мостовую и молча остановилась перед Асланбеком. Еще минуту назад ей хотелось поговорить с ним, а сейчас, видя его серьезное лицо, она поняла, что так ничего и не скажет. Он похудел, и вид у него был усталый, только глаза были все те же — непреклонные, ясные.

— Мне сказали, что ты там... — с трудом вымолвила наконец Хава.

— Да. Был там. — Он недобро усмехнулся. — Только сегодня вышел.

— И ты... — Она не знала, что спросить.

— Сегодня уезжаю во Владикавказ, — сказал он, — буду встречать своих друзей. Новых друзей...

Она ничего не поняла и промолчала. Вдруг он ласково, совсем как прежде, улыбнулся ей, крепко пожал руку и пошел прочь.

Нет, это был уже не прежний, а другой Дакаш!

XIII

Холодным утром в начале марта 1917 года, незадолго до восхода солнца, отворились ржавые железные ворота владикавказской этапной тюрьмы и на мощенную булыжником площадь вылилась толпа выпущенных на волю политических заключенных. Тут были люди почти всех народностей Кавказа, да и не только Кавказа. Жители Молоканской слободки, рабочие и кустари с соседних улиц наперебой угощали освобожденных чуреками, сыром, кусками отварной баранины и вином. Многих пришли встречать родственники, друзья, и теперь, шумные и взволнованные, они толпились вокруг бывших узников.

Только богатые мещане да трусливые чиновники опасливо жалась по сторонам, настороженно приглядываясь к страшным политическим.

Среди встречающих был и Асланбек, приехавший сюда вместе с Лозановым. Конан, сияющий как именинник, переходил от одной группы к другой, но глаза его славно продолжали выискивать кого-то. Вдруг он бросился к распахнутым воротам тюрьмы. Там, тяжело опираясь на плечо юного горца, стоял человек с внешностью старого рабочего. Близорукими глазами, сквозь очки в медной оправе, он оглядывал толпу и счастливо улыбался.

Когда Асланбек тоже пробрался к воротам тюрьмы, два старых рабочих все никак не могли выпустить друг друга из объятий. Только и слышалось:

— Конан!

— Иван!

Лишь немного успокоившись, Лозанов заметил Асланбека и притянул его к себе.

— А это, Иван, Асланбек Шерипов, — сказал он. — Орел горный. Высоко летает. — И весело подмигнул смутившемуся юноше.

— Радченко, — просто оказал рабочий, протягивая руку.

Пожимая эту руку, Асланбек не мог оторваться, от его глаз, столько в них было ума, проницательности и какого-то достоинства.

— А теперь, — продолжал Лозанов, — повернись сюда. Познакомься с молодым человеком...

Шерипов повернулся и только теперь обратил внимание на стройного горца его лет, того самого, что поддерживал Радченко, когда

они выходили из ворот тюрьмы.

— Ты же, насколько я знаю, разыскивал его, — донесся до него голос Конона. — Вот и пришло время свидетелься. Это Решид, сын Гази.

Молодые люди крепко пожали руки, а глаза их как будто с пристрастием изучали друг друга.

— Я давно слышал о тебе, — сказал Решид.

В этот момент в толпе произошло какое-то движение, и все невольно повернули головы. На площадь въехал изящный фаэтон в сопровождении шести конных казаков. В коляске, развалившись, сидел офицер, в котором Асланбек узнал полковника, приезжавшего в Борой.

Узнав об освобождении политических, полицейский пристав Владикавказа Беликов тут же выехал на место с намерением отменить это решение и снова водворить заключенных в тюрьму. Он не мог допустить, чтобы кто-то без согласования с ним посмел решать такие политические дела в Терской области. Полковник только вернулся из Дарьяльскопо ущелья, где более недели пропьянствовал у богатого духанщика, поэтому никто не смог растолковать ему, что заключенные освобождены по амнистии.

Беликов был в парадной форме, с целым иконостасом орденов и медалей на темно-синем мундире.

Резко натянув вожжи, денщик остановил разгоряченных гнедых коней. У ворот тюрьмы лежала сваленная и разбитая будка привратника. С явным неудовольствием пристав глянул на нее осоловелыми глазами, потом, небрежно опершись о плечо денщика, привстал. Но тут же он как-то сник. Беликов понял, что ни ему, ни его казакам с таким столпотворением не справиться. Он решил быстро перестроиться и, по привычке надсаживая голос, весело заорал:

— Здравствуйте, господа! Поздравляю вас с освобождением!

Пристав был уверен, что ему ответят дружно и с радостью. Перебирая пальцами темляк на эфесе своей шашки, он с достоинством ждал ответа. Но прошло несколько секунд, и вдруг прямо перед собой он увидел очки в медной оправе, а за ними — подслеповатые глаза на пепельно-белом лице. В них Беликов очень ясно прочел, что и на сей раз он жестоко ошибся. Воцарилась такая тишина, что он услышал скрип собственных сапог. «Гляди-ка, вон как тихо здесь», — успел он подумать, и тяжелая волна страха окончательно захлестнула его.

А человек уже вплотную приблизил к нему свое лицо, как бы разглядывая что-то интересное. От солнечного света искры вспыхивали и гасли в стеклах его очков. Наконец он поднял очки на лоб и с напускным удивлением воскликнул:

— О-о! Никак, сам господин полицейский пристав пожаловал к нам с поздравлением! — И, помедлив, недобро произнес: — Здравия желаем, господин мучитель наш! Что теперь приказать изволите?

«Издевается, сволочь!» — гневно подумал Беликов. Его холеные пальцы до хруста сжались на серебряном эфесе шашки, и мурашки забегали по спине. Через силу сдержавшись, он хрипло выдавил:

— Ничего я не приказываю. Я встречать... Поздравить вас приехал, а не приказывать...

— С чем это вы собрались нас поздравить? Со свободой, которую добыли нам наши товарищи? — крикнул кто-то из заключенных. — Ну что ж, это очень любезно с вашей стороны!..

— Ну а вот шашки и ружья зачем? — не унимался Радченко. — Чтобы встреча была более торжественной, так, что ли? Ах ты, подлец!

Пристав, сильно побледнев, боком опустился на мягкое сиденье фэтона и с надеждой посмотрел в спину денщика. Он хотел крикнуть ему: «Вперед!» — но тот сидел разинув рот, растерянно глядя на людей вокруг.

В толпе закричали:

— А чего вы с ним цацкаетесь?

— Скиньте его на землю!

— Мы сейчас!

— Раз приехали, то уж извольте погостить в своем роскошном доме, — весело крикнул огромный рабочий, стоявший по другую сторону фэтона.

Беликов не успел и повернуться, как сильные руки схватили его за шиворот, стащили на мостовую и обезоружили. Отобрали оружие и у казаков. Пристава поволокли в открытые ворота тюрьмы и заперли в одну из камер, казакам же предложили разойтись по домам.

Тут же из бакалейного ларька выкатили пустую бочку, на которую поднялся один из заключенных, по виду — студент. Обращаясь больше к мещанам и казакам, стоявшим особняком, он принялся что-то говорить о солнце свободы, взошедшем над Россией. Просил не проливать крови и объединить силы для защиты революционного отечества.

Для многих речь его показалась странной, но настроение у всех было приподнятое, и проводили его криками «ура».

Вслед за ним на бочку поднялся Радченко. Он поздравил горожан с первой победой революции, коротко сказал о том, как лучшие люди

России боролись против царизма и гибли в тюрьмах и на каторге ради того, чтобы настал наконец день свободы. Затем горячо заговорил о той борьбе, которую еще должен вести народ за свои права. Но речи своей Радченко не закончил. Внезапно он замолчал, сильно побледнел и покачнулся. И сразу же десятки рук потянулись к нему, подхватили и опустили на землю. Взволнованные люди плотным кольцом сомкнулись вокруг него. Раздались сочувственные возгласы.

— Изголодался небось!

— Да он больной!

— Ишь, ведь умучили человека в тюрьме! Кровопийцы!..

— А ну, подгоните кто-нибудь экипаж! — распорядился Лозанов.

С десятков людей тут же бросились к фаэтону Беликова, одиноко стоящему в стороне, схватили под уздцы коней и подвели поближе к изможденному Радченко. Заботливо усадили его на мягкие подушки, кто-то взобрался на козлы, Конон устроился рядом с другом и крикнул:

— В больницу!

Толпа стала медленно расходиться.

Асланбек с Решидом дождались возвращения Лозанова, после чего все трое направились в сторону вокзала. Лозанов решил задержаться во Владикавказе до выздоровления Радченко и сейчас хотел посадить молодых людей на поезд.

Улицы города были заполнены людьми, горячо обсуждавшими последние события и в том числе утренний митинг у городской тюрьмы. Поэтому Асланбек сразу же уловил суть разговора, который велся людьми, неторопливо шагавшими впереди них.

— Оба за политику сидели, — рассуждал пожилой солдат, — а, видно, разные люди. Вот и пойми их!..

— Да-а, — вздохнул шедший рядом невысокий казак. — Оно, может, и ничего, но вот зачем преступников выпускают?.. Не понимаю, что происходит, — покачал он головой.

— Вот про то и я толкую, Федя, — вмешался третий. — Такая чертовщина добром не кончится. Так что гляди в оба. Теперь не уснешь спокойно. А уж если хочешь поспать, то выбирай и замок покрепче, и засов потолще, и под бок берданку.

— Да разве ж плохо, если мужику дать землю и свободу? — спросил солдат.

— Ему, мужику-то, свободу? — удивился низенький казак. — Нет, братец мой, мужика без палки по правильному пути не поведешь. Понял?

— Нет, не понял.

— А какой же это правильный путь для мужика? — опросил Лозанов, догоняя собеседников.

Асланбек с Решидом тоже ускорили шаг.

— Да это мы так себе, идем и рассуждаем насчет этих освобожденных из тюрьмы, — настороженно оглядывая Лозанова и его спутников, ответил первый казак. — Боимся, как бы они смуту не навели в народе.

— О какой смуте вы толкуете?

— Да вот этих разбойников поосвобождали. Какое от них добро-то может быть...

— Худа не будет, — перебил его Конон. — А вот другое окажите: рады вы, казаки, что царя скинули?

Пожилой казак еще больше растерялся. Но Лозанов явно внушал доверие. Да и молодые чеченцы, сопровождавшие его, тоже как будто не были похожи на разбойников.

— Ты давай, не стесняйся. Говори все по правде, — подбодрил его Конон.

— Как же, ждите! Так он и скажет вам правду! — вмешался солдат. — Известно, как казаков холили. Что князей каких!

— Ты, что ли, холил? — огрызнулся казак.

— Не я, царь.

Казак пожал плечами и повернулся к Лозанову:

— По-разному у нас жили. Одних холили, а других нужда трепала похлеще, чем твоего мужика. Понятно?

— Понятно, — ответил Конон.

— Ну чего вы его слушаете? — возмутился солдат. — Развесили уши!

— Отчего же. Интересно, — улыбнулся старый рабочий.

Но солдат был не склонен к подобным разговорам. Он только плюнул, скверно выругался и пошел прочь. Молодые горцы с жадным интересом наблюдали эту сцену. А казаки еще ближе придвинулись к Лозанову: им захотелось изложить свою правду этому симпатичному, очевидно непредвзятому человеку.

— Хотя мы, казаки, — начал низкорослый, — и не любим выставлять ее, эту самую нужду, напоказ, крепко она у нас в станицах засела. Вон слышали, что люди говорят: дескать, мы, казаки, как князья, живем, зачем нам бунтовать против царя? Да только мы князьями не жили...

Незаметно они подошли к базару.

— Ну что ж, казаки, — сказал Лозанов, — поговорили мы по-хорошему, а теперь давайте прощаться. — Он пожал протянутые руки.

— Куда ж это вы направляетесь? — поинтересовался один из новых знакомых.

— В Грозный, — ответил молчавший до сих пор Асланбек.

— А вы кто, чеченец? — спросил пожилой казак.

— Да.

Заметив интерес казаков к молодому горцу, Лозанов сказал:

— Хорошо, что эти смелые парни услышали сейчас о вашей казачьей жизни.

А через несколько часов, уже сидя в холодном и темном вагоне, Асланбек спросил Решида:

— Как ты думаешь, зачем Конон сказал, что нам нужно было послушать, как живут казаки?

— Просто надо знать, за кого ты будешь бороться.

— Я борюсь за счастье своего народа — чеченского, — резко ответил Асланбек.

Решид иронически пожал плечами.

— Ты что же думаешь, что у чеченских бедняков есть какая-нибудь своя, особенная правда?

— Есть, — ответил Шерипов.

— Об этом ты спроси наших крестьян там, в горах.

— И спрошу! — запальчиво бросил Асланбек.

XIV

«В далеком Петрограде творятся большие дела... Народ свергнул царя... Теперь все должно перемениться, и люди наконец вздохнут свободно!» — так думали крестьяне в ауле Гойты, подбодренные слухами, которые доходили сюда из необъятной России. Да и могло ли быть иначе, если весь народ царя проклял!

Забегали, засуетились лишь купцы да землевладельцы, как крысы на тонущем корабле. Испуганному старшине аула казалось, что медная цепочка на шее теперь как большая тяжесть давит его. Будто кроты, попрятались богачи, привыкшие верховодить в ауле. Заодно с ними всполошился и князь Юсуп Гойтинский, объявившийся здесь всего несколько лет назад. Собственно, это он сам величал себя князем, а народ не хотел признать за ним подобное наследственное право.

Юсуп и близкие ему люди не могли, а вернее, не хотели понять, как это вдруг царь, их защитник и опора, может уступить трон простым мужикам. И вот, чтобы обсудить все эти странные новости, богатые и влиятельные люди аула Гойты собрались в доме старшины Умхи Сулиманова.

— Будь по-моему, и спроси царь моего совета, — сидеть бы ему вечно на своем троне! — важно рассуждал старшина, уплетая жареную курицу.

— А я так думаю, Товсолт, — вставил свое слово Шида, сидевший в самом конце стола, — царь совсем не добровольно уступил власть. Это народ скинул его.

Шида Цанаев, хотя и бедный, пользовался в ауле большим уважением и только поэтому был приглашен на высокое собрание. В народе он слыл умным, честным и отзывчивым человеком, почему каждое его слово имело вес и силу. Будь его воля, он сегодня же выгнал бы из аула и князя, и старшину, и всех их прихвостней. Но он и сам еще неясно понимал, что творится сейчас в мире; пока он только присматривался к тому, как поведут себя теперь богачи.

— Откуда вы это взяли, Шида? — раздраженно бросил ему князь Юсуп. — Никто царя не скидывал и скинуть не мог! Он сам пошел навстречу пожеланию народа. Правда, нам от этого не легче — свалили его или он уступил трон добровольно...

— А мне легче, — возразил Шида. — Мне с уходом царя терять нечего, — он развел руками, показывая этим жестом, что у него ничего нет, и при этом многозначительно поглядел на золотую цепочку от часов на полном животе князя Юсупа. — Мне без царя может быть только лучше. Это поняли теперь очень многие люди. Поэтому царю ничего не оставалось делать, вот он и ушел.

— Не тебе, Шида, так разговаривать со мной, — строго произнес Юсуп. — Будь это не ты, а кто-нибудь другой, я бы ответил по-другому.

Наступило неловкое молчание, которое нарушил мулла. Сочувственно посмотрев на надувшегося, как индюк, Юсупа, он заговорил:

— Нельзя, Шида, говорить так неуважительно. Это глупо.

Ушел один царь — на его место сядет другой. Так уж ведется испокон веков! Без царя жить никак нельзя... И незачем народ мутить, всякому народу нужен царь! Так повелел и предрешил сам аллах! — заключил он, молитвенно закатывая глаза.

— Не рассказывайте, мулла, мне сказки! — Шида решительно встал. — Не пугайте меня, что я пропаду без царя. — Он махнул рукой и решительно пошел к дверям.

На улице Шида немного поостыл. Придя домой, он оседлал коня и, не откладывая дела, поскакал на другой конец аула, к своему другу Хату Давлиеву, чтобы поделиться с ним новостями, посоветоваться, поразмыслить...

Когда Шида въехал во двор, Хату возился с упряжью. В зубах у него была зажата длинная дратва, свисавшая до земли. Неподалеку от него, на крыльце, сидел какой-то молодой горец в сильно запыленных сапогах. Шида не обратил на него никакого внимания, в нем продолжали бушевать страсти.

— Зря ты, Хату, возишься тут с уздечкой и удилами! Богачи все равно не дадут нам ни клочка земли! — сказал он громко, спешиваясь и указывая пальцам на разлинованные бороздами горные склоны.

— Ну чего ты раскричался, Шида?.. Уж больно ты горячий, — спокойно отозвался его рассудительный друг.

— Горячий!.. А ты знаешь, что Юсуп с муллой и вся их банда собрались у старшины и свои дела обсуждают? Они, что ли, для тебя о земле позаботятся?

— Не позаботятся, — с готовностью согласился Хату, — известно — богач умирающему и крошки не даст!.. Только мы-то что можем сделать?

— Ясно — что! За шашки браться, головы им рубить, будь их у каждого хоть по двенадцати! Землю брать и делить подушно.

Хату ничего не ответил, сгреб упряжь и направился к сараю выводить коня. Неугомонный друг последовал за ним. В это время молодой горец, сидевший на крыльце и ловивший каждое слово этого разговора, поднялся.

— Спасибо за гостеприимство, — сказал он, — я пойду.

— Счастливого тебе пути, юноша. Да хранит тебя аллах! — оглянулся на него Хату.

И оба горца, в пылу спора забывшие о присутствии постороннего, внимательным взглядом проводили его стройную фигуру.

Выйдя на дорогу, Асланбек — а это был он — глубоко задумался. Бедственное положение большинства чеченцев, разговоры бедняков о земле, оскорбления, которые чинят власти, жалобы казаков на свою батрацкую долю и одновременно радость участия в борьбе и готовность выдержать любые испытания, владевшая им в недолгие дни тюрьмы, наконец, какое-то особое счастье, которое он ощутил во Владикавказе при освобождении заключенных, — все это теснилось сейчас в его голове и требовало осмысления. Молодость, бушевавшая в крови, брала свое.

— Я борюсь, и я со своим народом! — сказал он и улыбнулся счастливой улыбкой, как улыбаются только в девятнадцать лет.

Наступила весна. Таяли белые шапки снега на крышах домов, и весь день не умолкала веселая капель. На мокрых дорогах, возле луж талой воды, важно расхаживали темно-синие грачи. За плугами, которые бороздили сейчас каждый клочок крестьянской земли, черными стаями вспархивали галки. Чеченцы считают этих птиц священными, они верят, что галки поселились здесь, прилетев из Каабы, священного города пророка Магомета.

Высоко в синем небе клином летели журавли. Оттуда доносился их гортанный клич: «Ка-ка-ка, ка-ка-ак!».

На земле стояла какая-то таинственная тишина, все были заняты своими мирными делами, и чувствовалось, что гром российской революции сюда докатывается лишь слабым отзвуком.

Решид глядел по сторонам и все прибавлял шаг — хотелось побыстрее попасть в родной аул, увидеть отца. «Наверно, уже совсем постарел — не видно его в поле за плугом, — думал он, глядя на склон горы, где лежала их нетронутая делянка. — Многие уже заканчивают сев, а отец еще и не начинал. Да и не с чем, видно, начинать».

Далеко впереди, словно плачущая вдова, с надрывным нескончаемым скрипом тащилась арба на больших, высоких колесах. До Решида долетели звуки печальной песни, которую, видимо, пел возница. Заметив шедшего следом молодого человека, горец перестал петь.

— Да будет добрым день ваш, отец, — сказал Решид, догнав арбу.

— Да полюбит тебя аллах, юноша. Тпр-р!.. Садись, доедем вместе, — предложил седоусый возница, придерживая устало шагавших волов.

— Спасибо вам, мне так удобнее, пойду рядом, — отказался Решид.

— Садись, садись, арба же пустая, а ты, видно, устал. Издалека, наверно, идешь, — настаивал тот.

Юноша легко вскочил на задок арбы.

— Чей будешь, из какого аула? — спросил возница, разглядывая молодого человека.

— Я сын Гази из Бороя.

— Гази, Гази?.. — припоминал старик. — Значит, ты сын Гази Удиева. Так, что ли?

— Да.

— Подумать только! — удивился старик и ударил длинным прутом по спине рыжего вола. Ленивый вол только взмахнул хвостом, арба слегка закачалась на ухабах. — Гази я знаю хорошо, — продолжал старик. — Когда-то вместе дела делали. Последний раз я встретился с ним год назад в Дуба-Юрте на примирении кровников. Как он сейчас поживает?

— Я и сам не знаю — вот уже скоро год, как я его не видел, — ответил Решид.

— Это как же ты, по каким делам так надолго отлучался? — удивился старик.

Не решаясь говорить откровенно, юноша с минуту молчал.

— Где же это ты так долго пропадал?

— Учился я в грозненской школе. Около года тому назад меня арестовали и продержали во владикавказской тюрьме.

— О-ой, в тюрьме? — Старик покачал головой и удивленно посмотрел на Решида. — Значит, ты сейчас из Владикавказа?

— Да, из Владикавказа.

— А за что же тебя арестовали?

— За что арестовать они всегда найдут, — ответил Решид, улыбнувшись. — Им лишь бы избавиться от неугодного человека. — Он немного подумал и добавил: — Арестовали меня за то, что я вместе с другими пошел против царя.

Старик еще больше удивился:

— Ты же еще совсем молодой, куда же тебе ссориться с царем!.. А вообще-то мы все против царя. Ничего, кроме беды, этот белый падишах нам не дал.

— Ничего, отец, скоро все станет на правильный путь, счастливо жить будем, — уверенно оказал Решид.

— Где же он, этот правильный путь? — Старик сокрушенно покачал головой. — Что-то не видно, чтобы мы выходили на эту самую правильную дорогу, про которую ты говоришь... Вот подумай сам: в первые дни, когда прошел слух, что царя свергли, старшина нашего аула стал, как щенок, кротким и ласковым. А теперь снова натянул волчью шкуру, совсем как при царе. — Горец подумал немного и продолжал: — Вот я, как видишь, бедный человек, время сейчас самое рабочее, надо бы вспахать свою полоску, а старшина погнал меня из Чишков в Грозный везти какого-то чиновника с багажом и не заплатил ни копейки. Видишь, как он обходится с бедным человеком, а богатых, значит, оберегает. Нет, сынок, народ устал ждать хорошей жизни.

Старик умолк, поднял прут, крикнул волам: «Хья, хья!» — и снова ударил рыжего. Вол, взмахнув ободранным хвостом, немного прибавил шагу, и старая арба задрезжала на кочках.

— Благодарю вас, отец, я здесь сойду, мне теперь налево, — сказал Решид, слезая с арбы. — Если вам нужна моя помощь, я готов,

пожалуйста.

— Нет, нет, ничего не надо, — ответил старик. — Значит, приехал, это хорошо. Вот Гази будет рад! Передай ему от меня большой салам, скажи — от Магомеда из Чишков.

— Обязательно передам, — ответил Решид, прощаясь со своим спутником.

Когда Решид подошел к своему аулу, уже наступил вечер и сильно похолодало. Молодой человек, одетый в черный суконный китель поверх белой ситцевой рубашки, зябко поеживался. Вода в Аргуне стала совсем ржавой. После большого дневного перехода от резкого горного воздуха юношу клонило ко сну, но он спешил поскорее добраться до дому.

Навстречу ему попался молодой горец в лохматой папахе, с домотканой суконной накидкой на плечах, застегнутой на шее большой деревянной шпилькой. Впереди он гнал осла, навьюченного двумя корзинами. Решид поздоровался с молодым человеком и прошел дальше.

Наступила ночь, какой никогда не бывает в долине, ночь спящего воздуха, мерцающих звезд и серо-голубого отблеска невидимой луны.

О чем только не шепчут в такой час толпы гигантских чинар и дубов! Они захватывают думы юноши и уносят их далеко-далеко, в неведомые края, где дорога вьется в бесконечных лабиринтах сказочного леса, а потом, наполнив душу напевной мелодией, снова возвращают его на землю, к этим величественным и гордым вершинам...

Вот и плетенная из прутьев калитка, ведущая к порогу отцовского дома. Решид сразу различил ее в темноте. Еще не так давно калитку эту для него открывали взрослые. Решид помнит, как через нее пронесли на погребальных носилках мать: тогда ему было всего шесть лет... Тихо, словно боясь разбудить спящих, он отворил калитку и вошел во двор.

Долго мечтал он снова очутиться здесь, вновь увидеть двор, до последнего кустика знакомый ему с детства. Вдруг юноша почувствовал какой-то холод, невольно задержал шаги, но тут же, движимый недобрый предчувствием, бросился к наглухо закрытым дверям отчего дома...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мы, горцы, пойдем сражаться за свою независимость
вместе с теми, кто будет биться за свободу.

Асланбек Шерипов

Лето 1917 года...

Тревожное время... Не оно ли выковывало характер Асланбека Шерипов. а и его друзей-ровесников? Ведь юноши тех лет жили в самой гуще событий, бурных и противоречивых, и легко ли было молодому Шерипову разобраться в грандиозных потрясениях, волновавших весь мир? В те дни мир переживал за неделю столько событий, сколько в иные времена не происходило их за целое столетие. И юноши взрослели не по годам, а по событиям, старцы молодели если не телом, так душой, и лишь трусливые да ленивые умом старились и умирали, не успев постигнуть ни себя, ни время.

Ненавистный народу царь был свергнут, но то, чего годами добивались рабочие и крестьяне в тяжелой и подчас кровопролитной борьбе — права жить и трудиться в нормальных условиях, свободы, национального равенства, земли, — они так и не получили. Временное правительство трудовому народу не дало ничего. Революция вроде бы произошла, а царские чиновники остались на своих постах. «Губернские комиссары», назначенные вместо прежних губернаторов, почти все были из тех же князей да помещиков. Царские судьи по-прежнему выносили приговоры, бросали людей в тюрьмы. Желанный

мир не наступал. На фронте продолжала литься солдатская кровь. Земля, фабрики и заводы были в руках старых хозяев. Для народа оставались только громкие слова... И народ волновался. В грозный водоворот событий вовлекались все новые слои общества, зачастую темные, невежественные, и заправилы из буржуазии старались использовать их в собственных интересах. Велась отчаянная политическая игра, и не всегда можно было угадать, что скрывается под тем или иным лозунгом. Выигрыш означал власть и богатство. Во всей этой игре национальная рознь оказалась очень важным козырем.

Это был необыкновенно сложный период в жизни страны, когда и бывалые политики с трудом разбирались в хитросплетениях партийных программ. А рядом с ними шел молодой Асланбек, твердо желая найти свою правду, правду своего маленького, но гордого народа.

В Терской области атмосфера была накалена до крайности.

Совсем недавно в Грозном фанатики из казачьих сотен подожгли на Гостиной улице большие магазины чеченских купцов Исламовых, и в ответ на это обозленные чеченцы в долине Сьюра-Корта убили казачьего офицера. Из мести казаки, сговорившись между собой, убили двух чеченцев, приехавших в город, и нескольких тяжело ранили. Разгневанные чеченцы среди бела дня ворвались в станицу Петропавловскую и напали на безвинных русских крестьян. Так день ото дня усиливалась вражда, перерастая в межнациональную войну.

В городском саду, в помещении офицерского клуба, собрались местные богачи, казачья верхушка, чиновники, офицеры. Все взгляды были обращены к атаману станицы Грозненской полковнику Хадееву. Рядом с ним, небрежно развалясь в креслах, вполголоса беседовали офицер контрразведки Касьянов и полицейский пристав Сухов. Всем своим видом они показывали, что говорить эта их не занимает. А с низенькой трибуны «политики» разных мастей, размахивая кулаками, произносили гневные речи. Некоторые ораторы еще трещали о свободе слова и свободе личности, но большинство требовали создания сильной власти, которая укоротила бы руки большевикам и разом покончила бы с нарастающими волнениями в народе.

Вот на трибуне появился долговязый офицер с черными усами. Тот самый, который в свое время не пустил старика Гази в полицейское присутствие. Сейчас вся его нелепая фигура с длинными болтающимися руками производила, в общем, комическое впечатление,

хотя черные, залихватски закрученные усы топорщились прямо-таки угрожающе.

— Хватит терпеть эти беспорядки! Надо немедленно браться за оружие и навести порядки в Чечне, — кричал он, захлебываясь.

— Не торопитесь, господин Лазарев, охладите свою горячую голову! — попытался урезонить его председательствовавший на собрании член городской думы купец Царапкин, — Нам нужен гражданский мир, а не война...

— Вахмистр Лазарев прав!

— Нет, нет! Это погубит дело!

— Хорошо бы вообще согнать азиатов с этой земли!..

— Слишком далеко зайдешь, не вывернешься! — раздался чей-то голос из глубины зала.

А в эти же дни во владикавказской гостинице «Бристоль» князь Капланов, миллионер Чермоев и адвокат Джабагиев с казачьими генералами делили Терскую область.

Тапа Чермоев спешно рассылая по всему Северному Кавказу своих агентов с наказом вербовать молодых горцев, особенно из бывших царских офицеров, для будущей армии будущего правительства Союза объединенных горцев Северного Кавказа. Организаторы его носились с идеей создания «независимого» горского государства под покровительством Турции. Однако народ не слишком прислушивался к призывам новоявленного вождя — его гораздо больше занимал вопрос: останется ли земля у помещиков или будет роздана крестьянам?

Но Тапа не терялся. Он, как говорят в народе, больше всего боялся, «растерявшись, потерять» свое многомиллионное состояние и пост президента, который уже рисовался ему в мечтах.

В сложных дипломатических переговорах Чермоев от имени народа клялся в искренней дружбе генералу Караулову, который решительно обходил разговор о землях для горцев, но рад был использовать эти заверения в дружбе для подавления революции. Тапа понимал, что выиграть затеянную игру можно, лишь располагая реальными силами, и исподволь пытался собирать их. Ко всему этому делу был привлечен известный инженер чеченец Маза Кайсаев. Он хоть и не был полностью согласен с «программой» Союза горцев, неоднократно брался выполнять важные поручения Чермоева.

— Нам нужны сильные, молодые и надежные люди. Поезжай, Маза, присмотришь, отыщи таких людей, — распорядился Чермоев, отправляя Кайсаева в Грозный.

Кайсаев вспомнил поговорку, что лучший путь к сердцу мужчины лежит через желудок, и для первого знакомства с грозненской молодежью устроил чеченскую вечеринку. Под предлогом ужина с танцами была приглашена молодежь из наиболее уважаемых чеченских семей, настойчиво зазывались выпускники грозненских училищ.

Получил приглашение и молодой Шерипов.

II

На майданах в чеченских аулах последнее время только и разговоров было, что о грозненских рабочих, которые вышли со знаменами, требуя свободы и хлеба. Рассказывали, что полиция и казахи сотни расстреляли демонстрантов, а оставшихся в живых упрятали в тюрьму. Добавляли, что полицейский офицер отнял у рабочих знамя, разорвал в клочья и затоптал в грязь. Возмущались тем, что тела убитых до сих пор лежат на улицах и никто не смеет унести и похоронить своих родственников. Встревоженные этими рассказами, горцы озабоченно качали головами, предрекали самые разные, но неизменно грозные события, горячо спорили о том, что им следует делать, а пока что вовсе перестали платить всякие налоги, не подчинялись чиновникам. Тех же, кто пытался их припугнуть, убивали или выдворяли из аулов.

В такой тревожной обстановке Решид Газиев, заставший в родном ауле лишь могилу отца, решил не задерживаться в Боре и поторопился вернуться в Грозный. Уже неподалеку от вокзала он увидел толпу людей, собравшуюся у афишной тумбы.

— Что здесь происходит?

— Да раздвиньтесь немного!

— Передние, читайте погромче, чтобы все слышали!

Толкая друг друга, люда пытались протиснуться к тумбе, круглый верх которой походил на грибок. Там было наклеено какое-то обращение. Поднявшись на цыпочки, Решид прочитал: «Обращение большевиков». Глаза сразу побежали по строчкам.

«Долой большевиков!» — кричат свое буржуазные газеты, за ними повторяют люди, временно заблуждающиеся, — читал он. — Большевиков рисуют в виде чертей с длинными рогами, пугают нашими именами детей, клеветуют на нас, что мы средь бела дня грабим людей. «Долой большевиков!» — кричат князья... им вторят священники. Чем же мы не угодили, что они так яро ненавидят нас?

Враги народа войну начинали ради своих корыстных целей, мы выступали против братоубийственной войны; далее, мы требуем отдать землю трудящимся крестьянам; мы заявляем, что власть должна принадлежать трудящимся...

Товарищи рабочие и крестьяне, вставайте под красное знамя, на котором написано: «Мир, свобода, хлеб!»

Рядом с этим обращением висела афиша: «Сегодня в кинотеатре „Палас“ демонстрировался фильм „Ночной вор“». Решид невесело усмехнулся. В этот момент к тумбе подошли двое подвыпивших казаков.

— Кого хоронить собрались? А ну, разойдись! — закричал старший из них, здоровенный верзила, расталкивая собравшихся.

Толпу сразу как ветром сдуло. Осталось лишь несколько человек, что посмелее. Казаки подошли к тумбе и тупо уставились на листок бумаги. Видно, спьяну соображали они тупо. Но вот до высокого дошел смысл обращения.

— Кто написал? Кто это приклеил, спрашиваю я! — заорал он, хватаясь за рукоять сабли.

— Ты посмотри, они и сейчас все еще зовут под это самое знамя! От знамени-то давно ничего не осталось! — захохотал другой, пониже ростом, сам похожий на тумбу. Клинком обнаженной сабли он начал сдирать обращение.

— Говорите, кто это наклеил? — продолжал наступать на людей верзила.

— Молодой человек, а ну-ка, предъявите документы. Кто вы и откуда? — Похожий на тумбу казак зловеще положил руку на плечо Решиду.

— Разве вы не видите, господин прапорщик, это же сын городского купца Аванесова, Рубен, — сказал пожилой рабочий, незаметно толкнув Решида и уверенно глядя прямо в глаза пьяному казаку.

— А-а, так это Рубен! Я его и не узнал. Ты здесь не позорься, Рубен, здесь тебе не место. — Казак отдал честь Решиду, подхватил своего товарища под руку и зашагал дальше.

Решид вместе со своим неожиданным спасителем также поспешили покинуть место происшествия. Едва они свернули в пустынный переулок, рабочий сказал:

— Я узнал вас, вы Газиев. А моя фамилия Халов. Я работаю вместе с Лозановым, живу рядом с ним и часто видел вас и вашего отца... Да и вы, кажется, знаете моего сына, Дмитрия...

Решид кивнул: Дмитрий Халов был членом той же подпольной организация, в которой работал Решид.

— А как здоровье вашего отца? — поинтересовался старый Халов.

— Он умер...

— Да, настали времена, что позавидуешь и умершим, — с горечью сказал рабочий. — Вам сейчас опасно находиться в городе. После того как казачья сотня есаула Медяника разгромила Грозненский Совет, белоказаки просто залютовали. Дня не проходит без таких случаев, как

сегодня. Узнай казак, что вы не сын Аванесова, как я вас назвал, а чеченец, вам бы, наверно, несдобровать. Нынешние городские власти прямо натравливают горожан на чеченцев. Да вы, должно быть, уже слышали об этих делах...

Да, Решид слышал о многом. Из-за этих слухов он и поторопился в Грозный. Но что должен он предпринять? Прежде всего надо повидаться с Лозановым, встретить Радченко, который, должно быть, уже возвратился из Владикавказа, связаться, если это возможно, с уцелевшими членами Грозненского Совета. Может, старшие товарищи посоветуют, как и что делать в эти смутные времена...

— Вы не знаете, Конон живет сейчас у себя? — осторожно спросил Решид.

Старый рабочий грустно покачал головой:

— Нет, не живет. Зато полицейские подчас навещают туда.

— Я так и думал... Но до чего же важно мне было бы сейчас повидать его! — воскликнул юноша.

Пожилой спутник остановился и внимательно посмотрел на него:

— Я думаю, что смогу помочь вам. Я отведу вас к Дмитрию, а он-то уж наверняка поможет вам...

И действительно, в тот же вечер молодой Газиев беседовал со своим старшим партийным товарищем и другом. Решид поведал Конону про то, как не застал отца в живых, рассказал, как бурлит и ждет событий чеченская деревня. Лозанов же рассказал о грозненских событиях, показал важное письмо, полученное из Грузии от большевика Ноя Буачидзе.

«Будьте чрезвычайно осторожны в разрешении национального вопроса, — писал Буачидзе, обращаясь к грозненским революционерам. — Не забывайте, что, с одной стороны, вас, авангард рабочего класса всей Терской области, окружает контрреволюционное казачье офицерство, а с другой — чеченские националисты, также ненавидящие революцию».

Рассказал Лозанов и о происках Тапы Чермоева и попытках привлечь на свою сторону горскую молодежь. Большевики не могут позволить себе пассивно наблюдать за этим, и он тут же высказал пожелание: Решид должен пойти на вечер, устраиваемый Кайсаевым.

— Между прочим, там ты встретишь одного своего знакомого, — каким-то неопределенным тоном добавил Конон.

III

Смуглолицый Маза Кайсаев был красив, изящен и неизменно пользовался общим вниманием.

Он кичился своими высокими связями и знакомствами и в любой среде держался уверенно и непринужденно. Чувствуя себя баловнем судьбы, он судил обо всем безапелляционно, не допуская возражений. За последнее время он, кажется, искренне поверил в свою давнюю любовь к народу, и от него можно было услышать фразы вроде: «Да что вы мне толкуете, сам абрек Зелимхан был моим другом, считался со мной и без моего ведома не делал ни шагу».

Интересно, что, несмотря на одаренность, ум и образованность, Маза ничего не понимал в том, что происходило тогда в народе. Да, впрочем, он и не пытался понять. При его избалованности ему просто было несвойственно задаваться подобными вопросами: он даже в мыслях не мог допустить, что не понимает чего-нибудь. Горный инженер, он вышел из небогатой семьи, да и вырос, постоянно общаясь с бедняками, но, разбогатев и войдя в круг Чермоева, почувствовал себя принадлежащим к «избранным» и к народу стал относиться лишь как к орудию в политической игре. К нему часто съезжались солидные и важные люди, и Кайсаев был убежден, что этим он «делает политику»...

И нынче дом Мазы был полон гостей. Однако сегодня хозяин почему-то не задерживался в комнате, где собирались эти самые солидные люди. Как мы знаем, у него было более серьезное дело.

Посреди просторной гостиной, окруженный молодежью, на низеньком стульчике сидел, перебирая струны пондара, известный певец Сулейман, чей сладостный голос вот уже много лет будоражил сердца чеченцев.

Имя слепого Сулеймана было дорого каждому горцу. Чувство это рождалось с первой песней, спетой матерью над колыбелью ребенка. С посохом в руке, с неизменным пондаром под мышкой, с поводырем, а то и без него, шел он из аула в аул, и в каждом доме его встречали как самого близкого человека.

Большой поклонник европейской музыки, Маза пригласил в свой дом этого бедного певца, пытаясь подделаться под народ. Ему нужно

было показать свои связи с оппозиционно настроенными людьми и почтительное отношение к национальным свободолюбивым традициям.

Сулейман быстрыми движениями пальцев ударял по струнам и голосом, полным печали, пел старинную народную песню:

Лучше бы родиться нам конями,
А не человечьими сынами,
Не глумились бы тогда над нами, —
И злодеи берегут коней...

Слушая эти строки, женщины украдкой утирали слезы, а мужчины сурово сдвигали брови, покусывая кончики прокуренных усов. Но вот певец умолк, и в комнате стало тихо.

Тишину нарушил взволнованный голос Асланбека. Он попросил Сулеймана спеть им песню о Варе.

Мелодичные звуки пондара снова наполнили гостиную. Они то ниспадают к земле, то рвутся высь, заставляя учащенно биться буйные сердца молодых людей.

Певец славит мужество бесстрашного абрека Вары — защитника бедных и обездоленных. В звуках пондара как бы слышатся голоса смелых нартов, журчание горных родников, ласковые слова любимой и грозный звон клинков, скрещенных в жарком бою. Слушатели сидят молча, им кажется, что они видели невиданное, слышали неслыханное.

Поет певец. Он славит честность, храбрость и доброту. Но что значит храбрость, когда герой выступает один против зла целого мира! Он погибает, потому что невозможно победить в этой неравной борьбе. И снова безысходная тоска одолевает слушателей.

— Эйт, марджа я!^[4] — вскрикивает с отчаянием кто-то из собравшихся.

Одни грустно качают головами, другие, прикрыв глаза, пытаются скрыть свои слезы, а третьи, наоборот, поднимают глаза, горящие жаждой подвига.

Асланбек, сидевший несколько в стороне, слушал певца затаив дыхание. Он страдал: казалось, боль души его становится непереносимой. Но тут, как бы пожалев юношу, пондарист вдруг умолк. Заиграла веселая гармошка. В комнату вошли девушки. Они поздоровались с молодыми людьми и заняли места в почетном углу.

Асланбек увидел Хава. Она еще больше похорошела и радостно улыбалась своему жениху. Ее глаза как бы говорили: «Вот видишь, ты делаешь сваю революцию, а мы опять вместе!»... Действительно, сегодня в начале вечера богач Билтоев подчеркнуто приветливо кивнул Асланбеку. С его точки зрения, будущий зять возвращался в общество порядочных людей и по нынешней странной ситуации даже мог сделать неплохую карьеру. Асланбек уловил это и вдруг поежился от какого-то неприятного чувства. Что-то тут было не то... Но додумать не успел — уж слишком весело играла гармошка.

...Бойкий, ловкий, затянутый в хорошо сшитую черную черкеску, на ходу поправляя маленький кинжал в черной сафьяновой оправе, на середину зала вышел молодой горец. Минута, и вот он уже ведет за собой Хава в старинном изящном танце.

В первое мгновение Асланбек не узнал танцора. Но, лишь только узнал, застыл от изумления: это был Рашид Газиев... Здесь?.. Почему?..

Все громче лились звуки любимого чеченского танца — шамсуддина. Послышались резкие хлопки в ладоши. Видно, танцор был мастерам своего дела.

— Тох, эй! Тох, эй! — раздавались с мужской стороны подзадоривающие выкрики.

Хава плавно обошла с партнером большой круг, потом, будто отвернувшись от него, гордо подняв голову, понеслась в обратную сторону.

Она проплыла, как прекрасное видение, совсем близко от Асланбека, словно упрекая его за то, что, просиживая над книгами, он так и не научился танцевать.

Молодой танцор, покинутый партнершей, не щадя ног своих, выписывал сложную вязь перед тамадой вечера. Оставаясь на месте, он плясал так быстро, что движений ног нельзя было уловить, как невозможно уследить за движениями скачущего коня. Затем Рашид устремился за девушкой и настиг ее. Хава гордо плыла по кругу. Казалось, что сердце танцора горело огнем, он неистовствовал и, как пуценный волчок, кружился вокруг девушки.

— Хава! Хава! Не уходи, не уходи! Танцуй подольше! — кричали ей друзья.

И она гордо парила легкой птицей, раскинув крылья рук и всей душой отдаваясь стремительному потоку музыки.

Ловким движением Решид преградил ей путь и тут только девушка сжалась над уставшим партнером: плавно скользнув в сторону, она остановилась, дожидаясь ухода партнера, и сама стала прихлопывать ему.

Асланбек смотрел на Хаву с восхищением. А она, исподволь бросив на него кокетливый взгляд, уселась среди своих разнаряженных подруг. «Почему Решид пригласил именно Хаву?» — подумал вдруг Шерипов, но тут же гордо поднял голову, откинув тревожную мысль, недостойную его высокого представления о дружбе...

IV

На вечере Маза Кайсаев особое внимание уделял молодому Шерипову. И действительно, Асланбек, вовсе не желая того, выделился на фоне сверстников. Помимо хорошей начитанности, он невольно подчинял окружающих своим ярким темпераментом, абсолютной искренностью и какой-то особой рыцарственностью характера. Недавний, хоть и недолгий арест еще прибавил ему популярности. Выпустили его тогда по молодости, но «без права проживать в Грозном». Старый Джамалдин решил переехать в Шатой, чтобы оградить сына от неприятностей. Но Асланбек и не думал подчиняться полиции, называющей теперь себя милицией, и, не скрываясь, жил в Грозном.

Сверстники с уважением и восхищением передавали друг другу, что за Асланбеком установлена тайная слежка и что он навсегда зачислен в «черные списки». Словом, местная чеченская молодежь все больше привыкала смотреть на него как на своего жоака. Естественно, что Маза Кайсаев должен был сделать все для обольщения подобного человека. В тот же вечер он пригласил к себе Асланбека для серьезного разговора. И вот они сидят друг против друга в роскошном кабинете торного инженера.

— Теперь наконец все горцы Северного Кавказа объединились, — говорит хозяин. — Представители горских народов создали Союз объединенных горцев и хотят иметь свое правительство во главе с Тапой Чермоевым. Ты, наверно, слышал об этом?

Да, Шерипов слышал и горячо сочувствует всему этому. Разговор этот интересен для него, даже увлекателен. Словно сбываются далекие мальчишеские сны. Еще не искушенный в политике, он с волнением слышит святые для него имена Шамиля, Зелимхана, на которые так уверенно ссылается его собеседник, и не задумывается еще над тем, как неестественно звучит рядом с ними имя циничного миллионера Чермоева. Он загорается от одного звучания высоких слов, которыми засыпает его Маза: «Объединение национальных сил...», «Движение под одним флагом...»

— Ты еще молод, Асланбек, но это неважно. Главное — что в тебе живет дух истинного горца, — сказал хозяин, ласково потрепав гостя по

плечу. — Только не поддавайся чуждым влияниям. Пойми, что именно сейчас мы, горцы, должны держаться все вместе.

— Да нет, я не собираюсь никому поддаваться. Маза, я думаю, что у нас одна задача: найти правду, в которой так нуждается народ, — ответил Асланбек, вопросительно глядя в глаза собеседнику.

Маза достал из нагрудного кармана массивный золотой портсигар, положил его на стол, словно желая показать гостю выгравированные на крышке инициалы, закурил и, как бы размышляя вслух, продолжал:

— Может быть, я ошибаюсь, дай-то аллах, но вы, молодые, должны усвоить одно: только мусульмане, а среди них — только турки, выручат нас. Когда мы будем чувствовать за собою их мощную руку, нам не будут страшны никакие враги...

— Но что же нас связывает с турками? Они с нами не уживутся, — с недоумением пожал плечами Шерипов.

— Так нельзя рассуждать, Асланбек. Турки все же мусульмане.

— И от братьев мусульман ничего доброго не видел наш народ.

Маза выпустил колечко папиросного дыма. Он устало вздохнул: с этим юношей нелегко было разговаривать — уж слишком прямолинейны и тверды были его суждения. Инженер вспомнил свой короткий разговор с незнакомым молодым горцем на вечере и нахмурился.

— А какие у тебя отношения с Газиевым? — неожиданно поинтересовался он.

— Хорошие. Только я совсем недавно познакомился с ним, — просто ответил Асланбек.

— Что он думает обо всем происходящем?

Асланбек на минуту задумался.

— Знаете, — сказал он, — мне кажется, что Газиев правильно рассуждает о нуждах народа.

— Что же это за рассуждения? — снисходительно улыбаясь, опросил Маза.

— Газиев считает, что народу в первую очередь нужна земля и свобода. Землю, говорит он, надо отобрать у помещиков, а власть — у чиновников и генералов царских. Передать все это народу, и тогда люди вздохнут свободно. — Асланбек снова вопросительно посмотрел на Кайсаева.

Горный инженер и помещик не мог с особенным восторгом встретить подобное заявление, но в спор решил не ввязываться. Поэтому ответил мягко, как бы разъясняя малому ребенку давно известную серьезным людям истину:

— Господи, да разве чеченцев не притесняют одинаково и царские чиновники, и заводские мастера!

Но Шерипов отнюдь не склонен был удовлетвориться таким ответом. Он вдруг спросил в упор:

— А как ты, Маза, относишься к лозунгам большевиков: «Землю — крестьянам, фабрики, заводы — рабочим, власть — трудящимся, полное равенство всех наций»?

Тут уже Кайсаев не выдержал, он ответил резко:

— Все русские — свиньи! Неважно, белые они, черные или красные! Эти большевики заявляют, что построят социализм, при котором все будут одинаково богаты. Но это же пустая сказка! Разве могут взрослые люди в нее верить!

— А хорошо было бы народу при таком социализме, — задумчиво проговорил Шерипов. — Почему ты не веришь в это?.. И обо всех русских не надо, по-моему, говорить так. Разве ты не видишь, что сделал русский народ: во-первых, скинул царя, которого, как говорили, сам аллах поставил; во-вторых, совершил революцию, которая перевернула весь мир. Почему знать, может быть, большевики и построят этот самый социализм.

— Странный ты все же, Асланбек, — усмехнулся Маза. — Ты и сейчас не понимаешь, что должен мыслить, как трезвый политик: дело большевиков заранее проиграно. Молодо — зелено! — И подумал про себя: «Почти вся эта нынешняя молодежь заразилась большевизмом».

— Я говорю так потому, что все люди мечтают о счастливой жизни без мучений, — уклончиво сказал Шерипов.

— Как будто я против счастливой и богатой жизни для всех! Но надо помнить, Асланбек, что нас окружают такие сильные государства, как Англия, Германия, Франция, Турция. Они никогда не позволят у себя под носом перестраивать большевикам жизнь по-новому. — Маза даже засмеялся, но потом снова заговорил серьезно и горячо: — Нам с ними не по пути. Мы должны отстаивать национальную независимость. — И, решив, что ему все же удалась урезонить

строптивного юношу, он вдруг переменял тему: — Но не об этом я хотел с тобой говорить, Асланбек.

— А о чем?

Маза, несколько помедлил и произнес важно:

— Да вот есть одно ответственное поручение. Союз горцев считает, что его следует возложить на тебя...

— Какое поручение?

Маза опять помедлил, разглядывая тонкую гравировку своего портсигара.

— Как ты посмотришь, если тебе поручат поехать в Сухуми?

— Зачем?

Инженер опять достал из портсигара толстую папиросу, закурил ее и только тогда ответил:

— Видишь ли, Асланбек, абхазцы еще не вступили в Союз горцев.

— А что должен буду сделать я в Сухуми? — спросил Шерипов.

— Тебе следует встретиться с их влиятельными людьми и уговорить их присоединиться к нашему союзу.

— А если они будут против?

— Если они не согласятся, пусть эти переговоры останутся в тайне. Не будем же мы воевать с братьями по вере... Но я верю, что ты убедишь их, докажешь им, что в этом состоит сейчас их долг перед всеми народами Кавказа, вековой упорной борьбой доказавшими свою любовь к свободе...

Асланбек почувствовал, как у него загораются глаза. Он согласился незамедлительно выехать в Сухуми.

Тут же было оформлено официальное вступление его в Союз горцев. А войдя в танец, как известно, танцуют под ту же музыку, что и другие плясуны. Недаром ведь говорят: «Сядишься на чеченскую арбу — пой по-чеченски, сядишься на кумыцкую — пой по-кумыцки».

В этот день Газиев решил обязательно заглянуть на Московскую улицу, надеясь поговорить наконец с Асланбеком. Им так и не довелось всерьез побеседовать с той самой встречи у Мазы Кайсаева. Но и на этот раз Шерипова не оказалось дома: Решиду сказали, что он еще не вернулся из поездки в Сухуми. Тогда Решид отправился на вокзал, чтобы встретить Ивана Радченко, который должен был приехать из Владикавказа, куда его срочно вызвали несколько дней назад.

Протяжно посапывая и выпуская длинные струи пара, паровоз устало остановился у платформы.

С площадки вагона, к которому подошел Решид, сошли трое рабочих с заступами и лопатами в обветренных руках. Один из них нес еще корзину, туго увязанную веревками. Рабочие переговаривались хриплыми голосами, глаза у них были усталые и какие-то тревожные. Вдруг перед ними, как по мановению волшебной палочки, выросло несколько здоровенных полицейских. Они грубо выхватили корзину и тут же, на платформе, принялись потрошить ее. Только теперь Решид заметил, что на перроне скопилось необычно много полицейских и подозрительных личностей, сильно смахивающих на шпииков.

Радченко не было. Это также встревожило Газиева.

Но вот из вагона в числе других пассажиров сошла смуглая высокая девушка. Она чуть задержалась на перроне, то ли в надежде увидеть встречающего, то ли не зная, как пройти в город.

Оглядывая толпу приезжих и надеясь еще обнаружить Радченко, Решид поймал на себе острый взгляд шпиика. Чтобы отвести его подозрения, он смело подошел к высокой девушке.

— Простите, пожалуйста, вам ведь, наверно, в город? Не возражаете, если я вас провожу?

— Спасибо, — ответила девушка, — я и сама дойду. — Подхватив маленькую дорожную корзинку, стоявшую у ее ног, она пошла рядом с Решидом.

— Дайте мне вашу корзинку. Извините, но я не решался взять ее до сих пор, — сказал Решид.

— Да ничего, спасибо, сама донесу! Она ведь не тяжелая.

— Нет, нет! Дайте мне, по этой грязи вам будет тяжело ее тащить, — настаивал Решид и взял наконец из ее рук корзинку.

Паровоз глухо свистнул, длинный состав дрогнул и, грохоча, тронулся.

Смело разговаривая с девушкой, Решид прошел мимо шпика. Тот свободно пропустил Газиева, решив, что обознался: право же, не мог иметь никакого отношения к большевикам этот галантный кавалер или жених, встречающий свою невесту.

Решиду все еще не удалось заглянуть в лицо своей спутнице. Она все время смотрела куда-то в сторону, да и сам он отводил взгляд, считаясь с чеченскими обычаями, не позволяющими молодому человеку вести себя развязно с посторонней женщиной. Однако юноша все же ушел заметить черные брови с красивым изгибом, изящный профиль и пышные волосы. Девушка была похожа на чеченку, но по-русски говорила без акцента, и видно было, что она и образованна, и воспитана.

— Скажите, как пройти на Московскую улицу? — опросила она, вдруг оборачиваясь к Решиду. Только теперь он увидел ее блестящие черные глаза.

— Здесь недалеко. Я иду в том же направлении, — неожиданно для самого себя солгал Решид. — А кто у вас там живет?

— Дяди.

— А как их зовут?

— Их два брата, Асхаб и Али, — ответила девушка, снова поглядев на своего спутника.

— Асхаб и Али? Так вы что, чеченка? — удивленно спросил Газиев, невольно сбавляя шаг.

— Да, чеченка, — улыбнулась девушка.

— А как вас зовут?

— Петимат.

— Петимат... А как звали вашего отца?

— Отца моего звали Арсби, его нет в живых, — промолвила она с грустью, а потом, слегка улыбаясь, опросила: — Мне кажется, что я видела вас во Владикавказе. Вы не были там в начале лета?

— Бывал, — ответил Решид. — Но не представляю, где вы могли меня видеть.

Петимат промолчала.

— Я тогда только что освободился из заключения и сразу уехал в Грозный, — проговорил Решид, почему-то чувствуя, что смело может сказать об этом.

— Я еще помню, как вы перед тюрьмой стащили с фазтона пристава, — обернулась она к Решиду и с живым интересом взглянула ему в глаза.

— А как же вы там оказались?

— У меня был арестован брат, студент, — пояснила Петимат, — вот я и ходила к тюрьме вместе с матерью, чтобы порасспросить, не встречал ли его кто...

— Ну и нашли?

— Нет, тогда не нашли. Но теперь он на свободе.

Так они дошли до угла переулка. Поравнявшись с дощатой старой калиткой, Петимат остановилась. Уже стемнело, в городе зажглись вечерние огни.

— Вот мы и дошли, спасибо вам, — сказала Петимат, улыбаясь Решиду.

За невысокой оградой Газиев увидел маленький садик, посреди которого возвышался дом, крытый черепицей. Стоял он недалеко от Четверговой площади, у самого берега Сунжи.

— Мне кажется, что я знаю этот дом, — сказал Решид. — Окажите, ваши дяди — Турловы?

— Да. Разве вы их знаете? — оживилась Петимат.

— Ближко не знаю, но слышал о них. Тут, в соседнем доме, живет мой школьный товарищ, Хамид... А вы надолго сюда? — спросил он, передавая корзинку.

— Не знаю, — ответила она. — На днях сюда должна приехать мама. Во Владикавказе мы совсем одиноки. Возможно, что переберемся сюда...

— Вот это было бы замечательно! — вдруг воскликнул Решид и сразу умолк, смущенный, не зная, как оправдать свою неожиданную радость. — Петимат, — сказал он мягко после небольшой паузы, — простите меня, но не можем ли мы с вами видетсья в будущем?

Девушка потупила глаза, но ответила:

— Почему же нет? — Потом подняла голову и улыбнулась: — Можно, конечно, если вам это будет интересно.

— Благодарю вас! А мы не могли бы еще погулять сегодня вечером?

— Нет. — Петимат серьезно покачала головой. — Сегодня я еще должна сделать одно очень срочное дело.

— А я не могу проводить вас туда? — Решиду очень не хотелось расставаться с ней.

— Нет, нет! Это невозможно...

Юноша смутился, неловко поклонился и помахал рукой девушке, тихо прикрывшей за собой калитку.

Улицы в этом районе города почти не освещались. Только в фонарях над номерами домов слабо горели керосиновые светильники. За рекой медленно восходила луна, блеск ее, пробиваясь сквозь огромные деревья, вырывал из тьмы ряд неказистых домов да исхоженную тропу, вьющуюся по берегу Сунжи.

Некоторое время Решид бесцельно плутал по кривым улочкам: он просто не мог, да и не хотел освободиться от чувства непонятной радости после случайной встречи с девушкой. Но вот он вспомнил, что ведь так и не встретил другого человека — Радченко, и сразу острое беспокойство охватило его. Он решил, не откладывая, навестить к Лозанову, благо жил тот неподалеку.

Однако, приблизившись к дому, где последнее время обитал Конон, он испытал непонятное беспокойство. Даже за недолгое время своей подпольной деятельности Решид привык верить интуиции, понимая, что она, как правило, просто фиксирует внимание на мелочах, не отмеченных рассудком. Поэтому, вместо того чтобы прямо подойти к дому, он незаметно юркнул во двор в начале переулка и притаился. Очень скоро он убедился, что предчувствие на этот раз не подвело: дом был явно окружен полицейскими, как видно поджидавшими хозяина.

Решид задумался. Нет. Конона им так просто не взять: опытный конспиратор, он никогда не подойдет к дому, не проверив все подступы к нему. Он ожидал этого визита полиции, еще дня два назад говорил об этом ему, Решиду, и даже на всякий случай сообщил новый адрес.

Газиев уже решил было столь же незаметно покинуть это опасное место, как вдруг заметил женскую фигуру, вошедшую в переулок. Он узнал Петимат. Девушка разглядывала номера домов и, возможно, направлялась именно к Лозанову. Не раздумывая, юноша стремительно

направился к ней, молча взял под руку и, ни слова не говоря, вывел назад на набережную.

В первый момент Петимат просто ничего не поняла и подчинилась ему от неожиданности, потом узнала его, удивилась и наконец даже рассердилась. Очевидно, она решила, что он следил за ней. Она попыталась вырваться, но Решид молча и твердо продолжал вести ее вперед, подальше от злополучного переуллка.

Только когда они были от него уже на достаточном расстоянии, он остановился.

— Что это значит? — спросила Петимат дрожащим от возмущения голосом.

— Вы шли к Лозанову? Поручение, да? — не отвечая, спросил он.

Девушка некоторое время молча, как бы раздумывая над чем-то, смотрела на него, потом кивнула.

— Так вот, туда нельзя! Там полиция... Я почему-то сразу подумал. Петимат побледнела и прижала ладони к щекам.

— Что же делать?.. Я должна передать письмо. Мне брат поручил, сказал, что очень важное...

— Идемте! — Решид направился в сторону моста.

Девушка последовала за ним.

...В тот же вечер письмо было доставлено Лозанову. Писал его Радченко. Он извещал товарищей по организации, что в Петрограде готовится вооруженное восстание. Большевики свергнут Временное правительство и возьмут власть, чтобы передать ее Съезду Советов. Грозненская организация должна была быть готова к этому великому событию.

VI

Над гремящим Терекком таял молочно-белый утренний туман, когда Шерипов, возвращаясь из Абхазии по Военно-Грузинской дороге, подъезжал к Владикавказу.

Он был не слишком доволен своей поездкой. Да и само поручение, данное ему Союзом горцев теперь, после того как Асланбек встретился и познакомился с политическими деятелями Абхазии, представлялось нелепым. В Абхазии творилась то же самое, что и во Владикавказе, и в Грозном, словом — во всей бурлящей огромной стране. Но город Сухуми Асланбек вспоминал с удовольствием.

Сухуми встретил молодого Шерипова зеленью, цветами, шумом моря и многолюдным весельем. На первых порах Асланбеку показалось, что из угрюмого, дымного Грозного он чудом перенесся в некое подобие земного рая.

На рейде белели русские и иностранные пароходы, на ветру развевались флата разных наций, темнели паруса турецких фелюг, изящные, словно чайки, прогулочные яхты бороздили синие волны моря. По аллеям прибрежных парков гуляли разнаряженные красавицы, и разодетые мужчины. Казалось, в этом курортном городке никто и не думает о революции, потрясавшей страну.

Но это только казалось.

Едва Асланбек Шерипов представился председателю местного комитета самоуправления и вручил официальное письмо Союза горцев, как он очутился в самом центре политической жизни Закавказья.

Здесь тон задавали грузинские меньшевики и националисты. Они ратовали за «независимую Грузию» и требовали признания ее прав над всеми народами Кавказа. Эти «национально мыслящие» люди все надежды возлагали на Англию и Францию, хотя еще всего год назад торжественно именовали себя «патриотами» России. По сути же они представляли собой лишь группу авантюристов и политических болтунов, бесконечно далеких от народа и его подлинных стремлений. Встречаясь с ними на многочисленных заседаниях, Асланбек постепенно начинал понимать, что все их революционные фразы и широкие планы — не более чем мираж.

Но среди всего этого сонмища пылких ораторов были и серьезные люди. С одним из них однажды познакомился Шерипов. Звали его Эшба.

Ефрем Эшба был всего на несколько лет старше Шерипова. Но, не в пример Асланбеку, он уже имел ясную точку зрения на происходящее.

Личное знакомство Эшбы с Шериповым состоялось не сразу. Асланбек уже подумывал об отъезде. Ему хотелось скорее домой, а переговоры все затягивались. Вести об октябрьском перевороте в Петрограде и Москве донеслись сюда как нечто бесконечно далекое, и местные политиканы решили, что надо воспользоваться этими событиями для немедленного отделения от революционной России. Политические страсти накалились. Стало еще очевиднее, что многоречивым грузинским меньшевикам совсем не до Тапы Чермаева и создаваемого им горского правительства. В один из вечеров после долгих дебатов Шерипов покинул очередную конференцию и пошел к морю.

Стоя на берегу и вслушиваясь в неумолчный шум волн, Асланбек вдруг почувствовал легкое прикосновение к плечу. Оглянувшись, он увидел улыбающегося Ефрема.

— Я думал, вы уснули стоя! — усмехнулся тот. — Я дважды окликнул вас, а вы не слышали.

— Простите, задумался.

— О доме или о делах?

— Дела мои никуда не годятся! — махнул рукой Асланбек.

— Да, планы наших политиков вам, наверно, не по душе...

— Я не думаю, чтобы эти политики были вашими.

— Почему вы решили, что они не наши? — Эшба улыбнулся, но глаза оставались серьезными.

— Очень просто.

— Все же?

— Для этого достаточно послушать вашу полемику с ними. Слишком разные у вас голоса.

Эшба молчал.

Асланбек нагнулся, поднял несколько круглых, обкатанных морем камешков и один за другим швырнул их в волны, наблюдая, как заходящее солнце окрасило ярким золотом брызнувшие вверх

фонтанчики. Он оглянулся на Эшбу. Тот словно бы ждал продолжения разговора. Тогда Асланбек упрямо сказал:

— Не убежден, что понимаю ваши взгляды. Но как можно представить Грузию без России? Ведь Грузия уже заводила интриги с Востоком и с Европой, и это всегда приводило ее к унижению, а однажды едва не привело к ее полному уничтожению. Если бы тогда Грузия сама не протянула руку России, кто знает, что бы было с нею и с ее народом...

— Ну а теперь новые веяния, и новые сыны Грузии предпочитают Петрограду Париж.

— Нет, все-таки не понимаю, чего они хотят!

— Если бы наши политики хоть сами-то понимали, чего они хотят! — с горечью сказал Эшба.

Асланбек не ответил. Они молча пошли вдоль берега, прислушиваясь к тяжелому плеску морских волн.

— Забыл, кто это оказал: «Новое всегда рождается в муках», — нарушил молчание Асланбек.

— Главное — чтобы в муках рождалось доброе... — заметил Эшба.

Они снова умолкли. Не сговариваясь, повернули и пошли обратно. Вдруг Эшба задумчиво произнес:

— А что ищете вы, Асланбек, здесь, у меньшевиков? Неужели вы не понимаете, что теперь и к вашему народу свет должен прийти оттуда, из Петрограда, от Ленина?

Имя Ленина молодой Шерипов за последний год слышал много раз, читал о нем и испытывал к нему какой-то особый жгучий интерес, смешанный с почтительным уважением. И теперь он даже остановился и ничего не ответил своему собеседнику. Эшба прошел еще немного вперед, потом тоже остановился, молча кивнул и повернул в пород.

Асланбек был даже рад этому холодному прощанию. Слишком много вопросов поднял в его душе этот человек одной своей фразой. И ни на один из этих вопросов у Асланбека еще не было ответа.

Но один совет Ефрема Эшбы Асланбек выполнил: через два дня он уже выехал из Сухуми. По дороге домой он задержался во Владикавказе.

...Почтовая карета остановилась у чугунного моста. Здесь Шерипов сошел и повернул налево, в узкий переулок, мощный

грубым булыжником. Тут в низеньких домишках теснились винные погреба и множество мелких лавчонок мастеров по серебру и золоту, чувячному и сапожному делу. В этом переулке жил Мурат Гагиев, приятель Асланбека еще со времен кадетского корпуса. Шерипов не помнил номера дома, но надеялся найти его по низким окнам, сделанным на старинный кавказский манер.

Рассказывали, что во время недавних событий Гагиев участвовал в штурме Зимнего дворца и однажды даже виделся с самим Лениным. Вскоре он снова объявился на родном Кавказе и сейчас был одним из видных революционных деятелей в Осетии.

Шерипов решил повидаться с человеком, который разговаривал с Лениным, и посоветоваться с ним.

Во дворе небольшого дома, под старым грушевым деревом, Асланбека встретил рослый худощавый молодой человек с черными умными глазами. Проводил гостя в дом.

— Вот молодец, что хоть теперь догадался заехать ко мне! Сколько же мы с тобой не виделись?.. Кажется, за это время можно было целый мир разрушить и вместо него построить новый! Ну да ладно, ты сядь вот сюда. — Мурат посадил Асланбека на почетное место. — Поговорим...

Он поспешно убрал со стола какие-то бумаги, расставил чашки и разлил чай. При этом он лукаво улыбался, словно бы своим мыслям.

— Не мог проехать, не повидавшись с тобой, — сказал Асланбек.

— Спасибо, что не забыл... Значит, говоришь, был в Сухуми по заданию Союза горцев? — вдруг спросил Гагиев.

По тону Асланбек понял, что его собеседник очень невысокого мнения о его миссии.

— Был, дорогой Мурат, и это хорошо, что я туда поехал. Если я до сих пор кое в чем верил этим «деятелям национальной революции», то теперь отношусь к ним совсем по-другому.

— Ну какие же они деятели революции! — широко улыбнулся Гагиев. — Это же не Союз горцев, а союз князей, капиталистов и коннозаводчиков.

— Одни красивые слова, а как до дела — они сразу на попятную, — с раздражением продолжал Шерипов.

— Естественно! Они больше пекутся о своих капиталах в парижском и лондонском банках. Тебе бы раньше разобраться в этом,

прежде чем впрягаться с ними в одну упряжку... Как это по-русски говорят: «Гусь свинье не товарищ», — так, что ли?

— Я хотел бороться за интересы своего чеченского народа, за свободу всех горцев, — хмуро сказал Асланбек. — Как во времена Шамиля...

— Благородно, слов нет. Только, как ты уже знаешь, горцы твои, богачи Чермоев да Капланов, не с кем-нибудь, а с казачьими генералами, такими же богачами, создали терско-дагестанское правительство. И о кем же они борются? С бедняками чеченцами, бедняками осетинами, бедняками русскими. Потому что интересы у всех богачей одни, а у бедняков — другие, независимо от того, к какому народу они принадлежат... Вот тебе и нужно разобраться, за чьи интересы ты хочешь бороться.

— Надеюсь, тут у тебя нет причины для сомнений! — возмутился Асланбек.

— Разумеется, — весело улыбнулся Гагиев. — Разве иначе я стал бы с тобой разговаривать да чай распивать!..

Он смотрел на Шерипова так открыто и ласково, что тот ни на минуту не усомнился в его искренности. Некоторое время они молчали. Мурат, очевидно, хотел дать гостю возможность додумать этот их разговор. А Асланбек вдруг вспомнил свой давний спор с Решидом Гагиевым тогда, в вагоне, после освобождения заключенных. Тот ведь тоже доказывал ему, что нет чеченцев вообще, а есть бедняки и богачи. Вспомнил он и казаков, с которыми беседовал Лозанов, и запальчивый разговор двух горцев, при котором совершенно случайно ему довелось присутствовать в Гойтах. «Да, большевики лучше знают правду», — с уважением подумал он.

Допив последний глоток чая и положив стакан на блюдце, что означало, что больше он пить не может, Асланбек начал рассказывать о своих столкновениях с политическими деятелями Закавказья. Говорил он быстро, горячо, и Гагиев с удовольствием слушал его. Мурату нравились в юноше неисчерпаемая энергия, строгая логика в суждениях, умение быстро ориентироваться в сложных вопросах. «Подумать только, ведь ему всего двадцать лет! — удивлялся он. — А ведь это уже серьезный политический деятель... Только особой породы. Его, например, невозможно представить пожилым. Такие не успевают состариться...»

— Послушай, Асланбек, — сказал Гагиев, — из Москвы приехал Киров. Он работал в редакции газеты «Терек». Ты ведь читал эту газету?

— Конечно, читал! Но с Кировым я никогда не встречался.

— Тем более надо встретиться. Его прислал сюда сам Ленин.

— Ленин? — воскликнул Асланбек и вспомнил Ефрема Эшбу.

— Я как раз собрался пойти к Сергею Мироновичу. Хочешь, сходим вместе.

— С удовольствием! — обрадовался Асланбек.

Когда Мурат с Асланбеком вышли в переулок, над городам уже густели сумерки. С запада нагнало тучи, и вскоре начался мелкий дождь.

Сергей Миронович Киров жил в маленьком номере гостиницы «Гранд-отель». Он сидел за небольшим письменным столом и, слегка наклонив круглое, широкоскулое лицо с черной бородкой, быстро писал мелким, убористым почерком сообщение в ЦК партии о положении на Тереке.

Когда вошли Гагиев с Шериповым, Киров поднялся и с добродушной улыбкой приветствовал гостей.

— Спасибо, друзья, спасибо, что пришли. У меня к вам масса вопросов, — говорил он, аккуратно заклеивая белый конверт. — Во владикавказских делах я, можно сказать, уже неплохо разобрался, но очень мало знаю, что происходит в Грозном, особенно плохо знаю, что

делается в аулах Чечни. Всем этим сейчас очень интересуется ЦК и лично сам Ленин.

Шерипову сразу понравился этот невысокого роста, с мудрым, волевым и в то же время добродушным лицом человек. А главное — его прислал сюда сам Ленин. Асланбек рассказал Кирову все, что знал о положении дел в Чечне, о своих встречах с грузинскими меньшевиками и абхазскими националистами.

— Сейчас о независимости Северного Кавказа говорят помещики, князья, провокаторы и шпионы, словом — все те, с кем Шамиль вел смертельную борьбу в течение двадцати пяти лет, — сказал гневно Асланбек. — Предкам этих князей Шамиль рубил головы, и так он поступил бы теперь... Благодаря русской революции мы получили ту прекрасную свободу, за которую столетия бились наши предки.

Киров слушал Шерипова внимательно, как будто взвешивая каждое слово, произнесенное юношей. Мужественное, суровое не по летам лицо молодого человека невольно располагало к себе. Киров почувствовал в нем сконцентрированную волю... «Как разящий клинок!» — с восхищением подумал он.

— Ну а скажите, вот приедете в Чечню, с чего вы, Асланбек, начнете? — поинтересовался Сергей Миронович.

— Помогу собрать всех активных революционных горцев Чечни, организовать их и вооружить для защиты революции, — не задумываясь ответил Шерипов.

— Желаю вам успеха в этом большом деле, — тепло и в то же время серьезно оказал Киров.

— Я еще в Сухуми получил письмо. В нем пишут, что на днях в Гойтах собирается Народно-революционный совет, — продолжал Шерипов. — Там будут обсуждать вопрос о прекращении национальной вражды.

— А вы будете на этом совете? — поинтересовался Киров.

— Обязательно! — ответил Шерипов. — Среди членов совета есть люди хитрые, с хорошо подвешенными языками. Они будут ловко отстаивать свои интересы. Надо помочь крестьянам разобраться, кто их друзья, а кто враги.

— Это хорошо, — согласился Сергей Миронович и, подумав, добавил: — Скоро в Пятигорске соберется съезд народов Терека. Вы должны прислать туда своих делегатов и сами приехать.

— Делегатов обязательно пришлем, а если выберут, то и сам приеду, — улыбнулся Шерипов.

— Тебя-то обязательно изберут! — рассмеялся Гагиев, обняв Асланбека за плечи. До сих пор он не принимал участия в разговоре, занятый чтением какой-то брошюры.

Беседа затянулась до поздней ночи. Уже под конец Сергей Миронович сказал товарищам, что революционные события и в центре России развиваются в очень сложной и трудной обстановке, что буржуазия поднимает все силы для того, чтобы подавить революцию. Затем, прощаясь, он подарил Асланбеку книгу Владимира Ильича Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», отпечатанную на желтой газетной бумаге, в простой серой обложке.

VII

До аула Хадис-Юрт доносились прерывистые надрывные звуки, они множились и звучали все яснее и громче. Заспанные хадис-юртовцы выбегали из домов. Раздавались растерянные возгласы.

— Слышишь? — спросил сухощавый, невысокого роста крестьянин Ваша у своего соседа.

— Что это?

— Это плачет город над Сунжей.

А город, плакавший во тьме ночи, стонал и стонал: «О-у-у, о-у-у!..»

Над невысоким плоскогорьем, где стояли нефтяные вышки Новых промыслов, занималось зловещее зарево.

— Это пожар.

— А что горит?

Ваша не ответил. Он и сам не знал. А гудки все ревели, перебивая друг друга. Вдруг чей-то твердый голос произнес во тьме:

— В Суйра-Корте пожар. Нефть горит.

— Кто же ее поджег?

— Известно кто — сами хозяева, — ответил тот же голос. — Вы же слышали, народ поднялся и требует отдать заводы и фабрики рабочим, а землю — крестьянам. Так вот, чтобы нефть не досталась народу, хозяева и подожгли промыслы, — пояснил невидимый во тьме человек.

— Вот подлецы! — вырвалось у Ваши.

Он старался разглядеть лицо своего собеседника, но в колеблющихся бликах далекого зарева мало что можно было рассмотреть. Только и понял, что человек молод и незнаком ему. Ваша спросил, кто он и как оказался здесь ночью. Тот ответил, что идет в Грозный, а имя крестьянин не совсем разобрал. Незнакомец зашагал прочь, и уже откуда-то из темноты до Ваши долетел его голос:

— Беритесь за оружие, друзья!.. Если хотите земли.

Ваша Гойтукаев всю жизнь вместе с такими же бедняками, как он, ковырялся на своем клочке земли, чтобы прокормить свою непомерно большую семью. Тяжелый труд высушил его, так же как и рыжего комолого быка, который тянул все хозяйство Ваши.

Ваша видел, как жестоко разоряли чеченцев царские чиновники, и сохранил в сердце ненависть ко всему, что исходило от русских властей. В озлоблении своем он не различал ни бедных, ни богатых и всех русских называл гяурами. Но вот вдруг он узнал, что какие-то русские люди хотят, чтобы он, бедный чеченец, получил землю. Это было для него таким откровением, что он долго не мог прийти в себя. Даже лежа в постели, он все думал об этой новости.

— Что ты ворочаешься, как на камнях? Почему не спишь? — встревожилась жена.

— Да так, всякая всячина лезет в голову, — ответил Ваша. — Спи, не обращай на меня внимания.

Пуса не опросила у мужа, какие мысли его тревожат. Она понимала, что в такое тревожное и трудное время есть над чем подумать и ее мужу, и вообще каждому честному человеку.

— Ну и дела-а! — произнес вдруг Ваша, словно разговаривая сам с собой.

— О чем это ты? — спросила Пуса. Встав с постели, она взяла иглу и принялась вытаскивать фитиль коптилки.

— Да вот видишь, на промыслах подожгли нефть, чтобы народу не досталась, — ответил Ваша. Он с удивлением поглядывал на жену, которая, похоже, не собиралась больше ложиться.

Пуса принялась расспрашивать его:

— Кто же это сделал?

— Как — кто? Тапа, конечно, — ответил Ваша.

— Так чего же ты удивляешься? Известно, что богатые — люди жадные: чем больше имеют, тем больше хотят получить.

— Очень даже удивляюсь, — сказал Ваша, приподняв седую голову с жесткой подушки, набитой свалявшейся шерстью. — Они ведь называют себя мусульманами, аллаху молятся, да еще уразу, наверно, держат. А вот русские рабочие хотя и не нашей веры, но совсем не такие. Слыхала? Говорят, что они бунтуют, чтобы нам, крестьянам, земля досталась.

— Везде есть хорошие и плохие люди, — сказала Пуса, снова укладываясь в постель. — Только кто же это тебе сказал?

— Так, прохожий один... Асланбек, что ли, какой-то.

Засыпая, Ваша упорно думал, что завтра он, пожалуй, посоветовавшись с женой, продаст комолого своего быка, купит

винтовку и пойдет помогать рабочим, которые борются за землю для него и для всех бедных крестьян. Ведь если будет побольше земли, то на корову-то он сумеет заработать, решил он.

Но Ваша не успел выполнить свою заветную мечту — купить пятизарядную винтовку. С рассветом аул был разбужен орудийными выстрелами. Полк белых казаков наступал на чеченский аул. И Ваша ушел в бой с кремневым ружьем, которое досталось ему от покойного деда.

Орудия били весь день. К вечеру на окраине завязался рукопашный бой. Огнем были охвачены многие дома, и в багровых отсветах пламени металась какие-то тени. Предсмертные стоны людей тонули в истошном реве быков, надсадном мычании телят, громком плаче детей, которых матеря не успели унести из захваченного врагами аула...

Всю ночь полыхал огонь. А наутро только бледный дым пожарищ, еще курившихся там и сям, да вой обезумевших собак напоминали, что здесь был большой аул и жили люди.

А кремневое ружье? Нет, его не нашли на развалинах. Сжимая его в руке, Ваша вместе с оставшимися в живых ушел в горы.

VIII

Грозный встретил Асланбека Шерипова, как нелюбимого пасынка. Ползли слухи, что чеченцы из окрестных аулов собираются напасть на город и разорить его. От этих разговоров вокруг чеченских семей, живших в городе, создалась какая-то отчужденность и неприязнь. Обыватели наперебой приписывали им самые злобные намерения или даже дела, и каждый уверял, что рассказанное им — это истинная правда. Богачей вроде Билтовых слухи эти как-то обходили, но таким, как Шериповы, приходилось трудно. В них и летели обвинения, именно их называли вдохновителями беспорядков в стране.

Дом на Московской улице, где жили Шериповы, выглядел вымершим. Неприбранные столы, беспорядочно расставленные стулья, на кроватях сваленные в кучу подушки и стеганные одеяла — все говорило об отсутствии женской руки в доме. Оно и в самом деле так было: сейчас здесь жили, и то не часто, одни взрослые мужчины, а дети и женщины уехали в аул. Жила здесь, правда, еще старуха Биза, дальняя родственница Шериповых, которая очень редко заглядывала в комнаты.

Всегда хмурая и малоразговорчивая, Биза избегала общения с людьми. В круг обязанностей старухи входили пять молитв, открывание дверей, встреча редких посетителей дома да приготовление самой простой еды. Личная жизнь Бизы сложилась неудачно, даже трагически. Она рано овдовела, потеряв мужа, который был убит из кровной мести. Оставшись с единственным сыном, несчастная женщина усердно занялась его воспитанием. Но, едва достигнув совершеннолетия, умер и сын. Теперь она была уже старая и больная, и ее ничего не интересовало.

В этот день, как обычно, Биза сидела со своей неразлучной прялкой во дворе под старой, полувысохшей акацией. Под деревом было пусто и неудобно, но старуха привыкла к этому месту. В сумерках, увидев новолуние, Биза шепотом произнесла не понятный ей самой стих из корана и опустила голову. Так она и сидела, когда постучались в калитку.

Асланбека старуха встретила сдержанно и даже холодновато. Одна мысль, что на земле появились какие-то безбожники, до дрожи пугала

старуху, а про молодого Шерипова утверждали, что он связан с ними.

Войдя в большую комнату, Асланбек спросил об отце и дяде. Биза ответила, что они оба вернутся не раньше чем через неделю. Рассказала, что часто заходил какой-то молодой человек, назвавшийся Решидом, который интересовался Асланбеком, а совсем на днях был еще какой-то Николай Гикало. Просил передать, что будет ждать Асланбека в Гейтах.

Пока Биза готовила ему поесть, Асланбек взволнованно шагал по комнате. Настроение его сразу улучшилось. Нет, не как пасынок приехал он в родной город! Здесь его помнили и ждали друзья: Газиев, Гикало. Где-то здесь есть у него все понимающий Лозанов. Больше он не расстанется с ними, они — единомышленники!..

Асланбек вынул из внутреннего кармана пиджака книгу Ленина, ту, что подарил ему Сергей Миронович, и, сосредоточенно листая, присел к столу, на котором стояли самовар, сахарница и два стакана на блюдцах.

Вскоре, Биза принесла два ломтика пшеничного чурека с овечьим сыром и налила Асланбеку чаю. Затем ушла в другую комнату, сказав, что собирается уехать в Шатой, так как ей тяжело находиться в этом пустом доме, куда заходят лишь мужчины, занятые неведомыми для нее делами.

Асланбек попытался было уговорить старуху остаться в городе, чтобы не пустовал дом.

— Нет, — заявила Биза категорически, — уеду. Боюсь, что сойду с джинами, если и дольше останусь здесь.

Наверно, именно в этот вечер закончился для Асланбека Шерипова период поисков. Теперь он знал, с кем идет. Итак, завтра в Гойты... Только до этого еще один разговор, одни встреча...

Хава неторопливо причесывалась перед большим трюмо в позолоченной оправе, но смотрела она не на свое отражение, а в окно: шел дождь, по наружным стеклам медленно стекали светло-голубые струйки воды, отчего казалось, будто окна плачут.

Но не только затяжной дождь портил девушке настроение. Всем своим существом Хава ощущала нависшую над городом тревогу. А тот, о ком она думала больше всего, исчез. Первое время было известно, что он в Сухуми, ведет какие-то важные переговоры, но вот уже около

месяца как в воду канул и весточки не шлет. Где он теперь? И мысли девушки невольно обращались к далеким горам, где она сама никогда не была, только глядела на них из окон трехэтажного отцовского дома.

Хава любила смотреть с балкона на величественные вершины гор, ниже которых, в желтовато-синем ущелье Аргуна, по вечерам плыли темно-серые облака. Не там ли сейчас находился ее беспокойный Асланбек?

Может показаться странным, но даже в это тяжелое, полное превратностей время думы о женихе занимали девушку больше, чем все остальное. Отношение отца к молодому Шерипову все время менялось. В конце лета, перед отъездом Асланбека в Абхазию, Абу-Муслим снова вроде бы вернул ему свое расположение и даже поговаривал о свадьбе. Зато теперь опять ходил мрачный, и одно имя жениха приводило его в ярость.

Невеселые мысли девушки прервал звонок в парадную дверь. Горничная кого-то впустила в дом. Хава поспешно накрыла голову платком и тут же услышала, как ей показалось, чужой голос.

— Да будет добрым ваш вечер, хозяйка, — оказал какой-то молодой человек, входя в комнату.

В глазах Хавы, устремленных на вошедшего, застыл немой страх. Девушку сковала нерешительность.

Незнакомец улыбнулся и спросил:

— Не узнаете? Вот и прекрасно! Так бы и те! — Он кивнул в сторону окон.

— Дакаш?.. Это ты? — произнесла наконец девушка, назвав Асланбека его детским именем.

— Конечно. А я было испугался. Думал, ты совсем меня не узнаешь. Хотел уже повернуться и уйти.

— Да разве узнаешь в такой одежде? Где ты только раздобыл этот костюм? В нем ты похож на солдата. Да еще усы отпустил, совсем не узнать! — Глаза Хавы блестели, губы чуть дрожали.

Асланбек подошел к окну, постоял немного, о чем-то задумавшись, потом спросил:

— Хава, тебе не страшно в городе?

— Рассказывают о всяких ужасах, которые чинят казаки. О гибели чеченцев в станице Грозненской. А недавно вот еще — в ауле Хадис-Юрт... Да ты, наверно, слышал!

— Не только слышал, а многое и видел, — угрюмо прервал ее Асланбек. — Возвращаясь из Владикавказа, я нарочно часть пути прошел пешком. Шел через аул... Ну да ты рассказывай.

— Мне трудно понять, что сейчас делается, Дакаш. Здесь просто ужасно жить! — отрывисто проговорила девушка.

— Нину Лозанову ты давно видела?

— Давно. А что? — Хава вдруг насторожилась.

— Да так, ничего, — ответил Асланбек, глядя в сторону.

С минуте оба молчали.

— Я не знаю, что тебя связывает с Ниной и ее отцом, Дакаш... — неторопливо заговорила Хава. — Ведь о них говорят, что они со всякими босяками, что они... ну... как их называют... Что они большевики, — произнесла она с ужасом и презрением.

— Ну а если даже и большевики? Что ж, по-твоему, большевики — воры или убийцы? — резко опросил он.

— Я... Я-то ничего, но вот боюсь, — проговорила она тихо, срывающимся голосом.

Асланбек почувствовал, что девушка готова разрыдаться, и ему стало неловко за резкость, с которой он оборвал ее. Помолчав немного, он сказал:

— Утешать я не умею, Хава, но советую тебе ничего не бояться. А если уж очень боишься, то... — Асланбек замялся.

— Что делать тогда? — спросила она, поднимая голову.

— Тогда?.. Тогда уедем со мной в горы.

— А ты взял бы меня?

— С радостью!

Она почувствовала вдруг, что ее руки сами тянутся к нему, но тут же бессильно уронила их на колени.

— Нет, не могу послушаться родительской воли! Боюсь, отец будет гневаться.

— Ну что ж, Хава, настаивать не стану, хотя бы потому, что веселого и в горных аулах пока что мало. Но моя мать, она сейчас в Шатое, была бы искренне рада принять тебя в своем доме, — сказал Асланбек, вставая.

— А ты что, уезжаешь? — со страхом спросила Хава.

— Да. Очень скоро. Настоящая борьба еще только начинается, и я должен быть там. Ах, Хава, долго ли еще продлится наша разлука?

— Не знаю. — Девушка опустила голову. — Отец не даст согласия. Он почему-то опять стал плохо относиться к тебе.

— Очень просто. — Асланбек недобро усмехнулся. — Он узнал, что я порвал с его дружками, новоявленными правителями, Чермоевым и прочими проходимцами... Так что его согласия мы не дождемся.

Хава вся съежилась.

— А что же делать? — тихо опросила она.

— Я тебе предложил. А ты думай... Ну, до свиданья! — добавил он ласково и вышел из комнаты.

IX

В самом большом доме аула Гойты, на площади рядом с мечетью, было тесно и многолюдно. Здесь заседал Чеченский национальный совет. Делегаты почти все были вооружены до зубов. В передних рядах — муллы и почтенные старики, но и у них за пазухой на шелковых шнурках, перекинутых через шею, висели тяжелые наганы.

— Товарищи, прошу соблюдать тишину. Не будем мешать работе совета разговорами, — призывал собравшихся председатель Таштимир Эльдерханов, постукивая карандашом о графин с водой. Высокий, статный, лет сорока, Эльдерханов стоял, слегка наклонившись над длинным столом, покрытым красным сукном. Он говорил ровным голосом, как бы нащупывая связь со слушателями. В особенно напряженные минуты он поднимал правую руку с карандашом между пальцами и стремительным жестом, словно пронзая, указывал на что-то.

Сейчас выступал на редкость спокойный и уравновешенный Решид Газиев. Он говорил, что не одни казаки виноваты в бедах чеченского народа.

— Чеченские нефтепромышленники и толстосумы-купцы, заседающие в Союзе горцев под главенством Тапы Чермоева, дают немало поводов для разжигания национальной розни. Ни казаков, ни чеченцев нельзя обвинять в этом.

— Как вы смеете так говорить! Тапа делал столько добрых дел для нас! — взорвался князь Юсуп.

— Что-то не видели мы от Тапы никакого добра! Да и от тебя, князь, тоже! — крикнул кто-то из задних рядов.

Асланбек узнал в нем Шиду Цанаева, разговор которого однажды слышал в Гойтах. Помнится, и тогда горец был полон боевого задора и призывал братья за оружие. «Вот такие люди составят костяк будущей чеченской армии и встанут на защиту революции», — подумал Шерипов.

— Вчера сожгли Хадис-Юрт, а завтра могут прийти и разорить Гойты. Хватит терпеть! Надо немедленно выступать в поход против казаков! — надрывали глотни какие-то подстрекатели.

Поднялся такой шум, что, казалась, эту разноголосую толпу совершенно невозможно успокоить. Все кричали, и каждый настаивал на своем.

Эльдеханов, все такой же невозмутимый, твердым голосом призывал к порядку. Но призывы его тонули в громких криках сотни людей.

Но вот слова попросил Шерипов, и столько страсти было в его голосе, что на некоторое время наступила полная тишина.

— Некоторые шейхи и муллы много говорят о революционности и оппозиции. Эти слова основаны только на кое-каких личных обидах на царизм. Поэтому их показная революционность исчезла вместе с царизмом. Ведь они искали для себя безвольных и послушных рабов ислама.

По залу пронесся гул. Словно в него неожиданно бросили раскаленные угли. Вскочил какой-то мулла.

— Довольно! Так могут говорить только те, кто потерял веру в аллаха! — завизжал он.

Как по команде, встали еще два-три шейха, сидевших в разных местах, и один даже угрожающе замахал посохом.

Когда поднялся шум, Шерипов вначале вспыхнул, но тут же взял себя в руки и продолжал молча стоять на трибуне, пока крики не утихли. Тогда он твердо сказал:

— Прошу успокоиться! Я знаю, что на этом собрании есть люди, которым неинтересно слушать мою речь.

Но я обращаюсь сегодня к тем честным труженикам, которых здесь большинство и которые ищут правду.

Вдруг в середине зала поднялся пожилой горец в мохнатой папахе и громко, прерывающимся от волнения голосом сказал:

— Говори, Асланбек! Говори все, что ты хочешь нам сказать. Это мы ищем правду, хотя есть люди, которые мешают найти ее. Мы не с ними, а с тобой, Асланбек. Мы все тебя слушаем. Говори!

— Правильно! Элса говорит правильно! — закричали вокруг него.

И Шерипов вновь начал:

— Мы пойдем вместе с трудовым казачеством, а не с генералом Карауловым — другом вашего Чермоева. Трудовые казаки ближе вон тем, — он показал рукою на задние ряды в зале, — им, сидящим в черных папахах из овчины. Мы пойдем с ними, потому что земля

должна принадлежать тем, кто обрабатывает ее, и свободными должны быть те, кто работает на благо народа.

Председательствующий принялся было выговаривать Шерипову за излишнюю запальчивость, но тот оборвал его и, сойдя с трибуны, сел на свое место. Эльдерханов проводил его осуждающим взглядом, но ни слова больше не промолвил.

После Шерипова выступало еще несколько ораторов. Как ни различны были их речи, однако большинство сходилось на том, что без решения земельного вопроса жизнь народа не может быть налажена. А для этого нужны дружные усилия всех народов Терской области и помощь центрального советского правительства.

Вечерело, и над аулом Гойты висела золотая пелена. У каждого дома сидели мужчины и оживленно обсуждали события дня. Они вставали и здоровались с Асланбеком, просили зайти, отведать их хлеб-соль и переночевать. Придерживая коня, Асланбек отвечал на их приветствия, благодарил всех за приглашение и ехал дальше.

Несмотря на явный успех в споре с противниками, Шерипов уезжал подавленный, встревоженный. «Мало того, что Чечня раскололась на два враждебных лагеря, но даже здесь, в так называемом революционном совете, сидят лютые врали народа, — думал он. — Народ они пытаются превратить в стадо, которое можно запугать или толкнуть на пагубное и недоброе дело». Он вспомнил робких, забитых горцев, которые умолкали на совете при первом окрике муллы или шейха, и думал о том, как убедить их, что шейхи и муллы лгут, что они не желают добра бедным.

Невеселые мысли Асланбека прервал догнавший его Решид. Из Гойт Шерипов направлялся в Шатой, и Решиду, ехавшему в родной аул, некоторое время было с ним по пути.

Почти всю дорогу они проговорили о делах в Гойтинском совете, и, лишь уже прощаясь, когда они переезжали мост через Аргун, Решид вдруг оказал:

— Значит, ты обещал товарищу Кирову сформировать революционный отряд чеченцев для защиты от контрреволюции?

Асланбек как-то очень внимательно посмотрел на своего друга:

— А ты уже знаешь?

— Конечно. И очень рад этому. Ты словно специально создан для такого дела... Между прочим, Гикало занимается тем же самым среди

рабочих Грозного. Это ведь я попросил его передать тебе, что буду ждать в Гойтах. Там, как видишь, твой огонь тоже был нужен.

Асланбек ощутил огромный прилив радости. Наверно, потому, что почувствовал себя в строю, и ему даже показалось, что только теперь начинается его настоящее участие в революции.

— Пока ты из Шатоя поедешь в Пятигорск и возвратишься назад, я тоже постараюсь собрать отряд из здешних горцев, — сказал Газиев.

— А я подниму шатоевцев. Не сегодня-завтра нам будут нужны люди с оружием в руках. Когда ты вернешься в город?

— Дня через два.

— Так быстро?

— Надо, — сдержанно ответил Решид.

Асланбек пристально посмотрел на него и вдруг увидел, что Решид покраснел.

— Девушка? — только спросил он.

Решид молча кивнул головой. Шерипов улыбнулся и поскакал прочь.

— Все будет хорошо! — крикнул ему вслед Газиев.

Шатой с его могучей крепостной стеной, на восьми углах которой, точно огромные, свирепые звери, высились каменные башни, выглядел мрачно. С вершины этих башен только что сбросили чугунные царские пушки, и теперь они валялись на крутом берегу буйного Аргуна.

Тут некогда лежало одно из самых древних поселений — вайнахов, предков нынешних чеченцев — шебутинцев. В дни печали и радости сюда съезжались старейшины многих родов. В конце XIV века горцы заперлись здесь, создав мощный заслон против опустошительных походов Аксак-Тимура. А в середине XVII века отсюда представители вайнахов — шебутинцы — впервые отправились на переговоры к белому царю. А еще примерно двести лет спустя генералы этого царя поставили здесь крепость Шатой.

В тиши ночей обитателей крепости, живших не слишком спокойной жизнью, убаюкивал вечный рокот реки, через которую был переброшен знаменитый Чертов мост. Удобный и обычный для здешних горцев, мост этот, точно гигантская колыбель раскачивающийся на головокружительной высоте, приезжим европейцам представлялся местом крайне опасным; их также устрашали близлежащие горы, где жили бедные крестьяне, к которым, не иначе, как со свитой стражников, ездили из крепости чиновники, чтобы собрать налоги или арестовать какого-нибудь горца-крамольника. Чеченцам запрещалось селиться в крепости. Им разрешалось только возить сюда на продажу мясо, молоко, сыр, осенью — дикую морковь, а ранней весной — черемшу. Да и с этим товаром — черемшой — они вынуждены были останавливаться на определенном расстоянии от крепости, чтобы дурным запахом не портить настроение чиновникам. Отсюда горцы гнали ослов, навьюченных русским ситцем, бидонами с керосином, спичками да солью.

Вот почему горцы всегда молили аллаха, чтобы он благословил их ударить по этим башням и вдребезги разбить зловещее каменное чудовище.

И вот чудо свершилось — белого царя не стало, но горцы все еще не верили. Как же поверить, ведь столько лет они молились. Аллах ничего не сказал, а его представители на земле — шейхи и муллы —

даже вроде чем-то встревожены, недовольны. Значит, что-то не совсем так получилось.

Так обстояло дело с большинством людей, которых Асланбеку предстояло поднять на защиту революции.

Айна как раз шла от ручья, набрав поды в кувшин, и еще издали узнала брата, скакавшего на вороном жеребце.

— Мама, мама! — бросилась она в дом, чтобы обрадовать мать. — Посмотри, Дакаш едет! — кликнув мать, девочка выбежала и замерла у ворот, опустив на землю кувшин.

Мать, которая мыла посуду, вышла, не успев даже вытереть руки, и стала у крыльца. Сквозь слезы, застилавшие глаза, видела она, как сын, соскочив с коня, входит во двор. Асланбек бросился в объятия матери. Он очень любил ее и знал, что причиняет ей много тревог. Теперь, увидев ее здоровой, юноша сильно обрадовался.

— Знаешь, Айна, как я въехал в аул, это уже третий полный кувшин попадается мне на пути, значит — быть моей дороге доброй, — сказал Асланбек, с улыбкой поглядывая на сестру.

— С позволения аллаха, — вставила мать.

— Спасибо, мама.

Все пошли в комнаты.

— Нет, больше я не возьмусь помогать тебе носить воду! — пошутил Асланбек, видя, как сестра, взяв большой медный кувшин за ручку, легко внесла его в дом.

— Значит, не забыл? — задорно спросила Айна.

— Конечно, нет. Разве забудешь, как ты ныла в ту ночь!

Айна поставила кувшин на высокую полку в один ряд с другими такими же блестящими, лужеными кувшинами и за братом тоже вошла в большую комнату.

Тут стояли две кровати с аккуратно убранными постелями. Над ними во всю стену висел текинский ковер, а на нем — кремневое ружье и пистолет, некогда принадлежавшие прадеду Асланбека. В углу — комод, на котором разместились немудреная посуда. Между двумя окнами — большое зеркало в черной оправе, посередине комнаты — стол и стулья.

В коридоре, в углу, аккуратно сложены нарубленные дрова, возле очага греется самовар, и над ним длинной струйкой тянется сизо-голубой дымок.

Пришли родственники, всем хотелось повидаться с Асланбеком. Младший брат, Мика, все еще водил по двору взмыленного от быстрой езды коня и ждал, когда старшие разрешат ему войти в дом. Конечно, он был очень горд тем, что ему позволили поухаживать за конем брата, однако мальчику не терпелось узнать, что происходит в комнатах: ведь там Дакаш и, наверно, множество новостей!

А мать торопилась достойно угостить первенца. Она подозвала двоюродного брата Асланбека, Салмана, и велела ему зарезать несколько кур. Она-то помнила, что в детстве Асланбек очень любил курятину, жаренную в молоке, с луком и приправленную душистой богородской травой. В этот вечер мать решила приготовить сыну его любимое блюдо.

— Ты Хаву видел? — спросила брата Айна так, чтобы старшие не слышали.

— Да, видел. Привет передавала, приглашала тебя в гости.

— Я хочу поехать с тобой, — капризно сказала Айна. — Ты возьмешь меня?

— Я должен выехать завтра на рассвете, ты еще спать будешь, — улыбаясь, ответил Асланбек.

Айва обомлела и чуть не выронила тарелку, которую собиралась поставить на стол.

— Мама, слышишь? — крикнула она в соседнюю комнату и тут же рассыпала яблоки на пол.

— Что ты сказала? — спросила мать, подходя к двери.

— Он говорит, что завтра уже уедет.

— Это что за разговоры? — Мать застыла, пораженная еще больше, чем Айна. — Нет, никуда ты не поедешь, пока не повидаешься с отцом. Он по тебе очень скучает. Не завтра, так послезавтра он будет дома.

Родственники горячо поддержали Баянат, все стали просить Асланбека погостить еще несколько дней.

— Не могу, — ответил он, виновато глядя на мать; все замолчали. — Меня ждут неотложные дела в Пятигорске. Дорога не близкая, но надеюсь, что все обойдется хорошо: ведь Айна встретила меня сегодня с полным кувшином. — Он обнял мать.

— Тебе, конечно, лучше знать, — печально сказала Баянат, кончиком платка утирая слезы.

— Мама, народ на своем совете выбрал меня делегатом. Что скажут люди, если я не поеду? — с горячностью произнес Асланбек, идя за матерью, которая уже направилась в соседнюю комнату. — Мы же сегодня целый день и вечер будем вместе.

— Да, ты прав. Волю народа нельзя не выполнять. А нам наговориться времени хватит. — Мать, вздохнув, принялась возиться у печи.

— Я поеду с тобой до города, ладно? — спросила Айна, с надеждой заглядывая в лицо брата. Ее черные глаза смотрели так умоляюще.

— Там сейчас опасно! — нахмурился, ответил Асланбек и поспешил к двери навстречу гостям.

В дом ввалилась целая толпа соседей и знакомых Шерипова. Они хотели услышать новости, рассказать о своей жизни, посоветоваться. Тут были Магомет Батаев, Хасан Тепсаев, Говда Окуев и другие — все они были значительно старше Асланбека, но уже давно привыкли относиться к нему как к вожаку за его ум, знания и какую-то особенную самостоятельность и силу характера.

Они сразу заполнили одну из комнат, и начался доверительный разговор.

— Признаться, Асланбек, мы совсем запутались и не знаем, кого слушать, — начал Магомет Батаев. — Сюда к нам приезжали и от правительства Тапы Чермоева, и от Узун-Хаджи, и из Грузии офицеры приезжали. Даже из Тимерхан-Шуры были представители, говорили, что турки хотят помочь нам. В общем, каждый свое, и все обещают один лучше другого.

— Положитесь прежде всего на себя, — сказал Шерипов. — Ну а вот сами-то вы как думаете, кто из них надежней?

Все молчали.

— Не знаю, правда, — нарушил тишину Хасан Тепсаев. — За Узун-Хаджи идут многие. — Он слегка постукивал об пол своим посохом.

— Нет, по-моему, лучше идти с мужиками, — неожиданно выпалил Батаев. — Это они борются за землю и не хотят никакого царя... А Узун-Хаджи завлекает людей лишь своей зурной да призывами молиться.

— Молиться тоже надо, Магомет, — возразил Окуев и, покрутив рыжий свой ус, добавил: — Не следует нам ссориться с Узун-Хаджой. Это опасно.

— А я и не призываю с ним ссориться, — примирительно отозвался Батаев.

Шерипов на минуту задумался. За последнее время ему много пришлось слышать об Узун-Хаджи. Играя на религиозных чувствах наиболее темной части горцев, в том числе и бедняков, этот умный и ловкий шейх собрал вокруг себя уже немалую силу, и с этим приходилось считаться. Конечно, со временем революционной власти придется начать с ним борьбу не на жизнь, а на смерть, потому что, как и Тапа Чермоев, кроме обещаний, ничего он народу дать не захочет. Чтобы горская беднота в этом разобралась, должно пройти время. А пока новоявленный святой мечет громы и молнии против белых генералов, его в какой-то мере можно даже использовать, — во всяком случае, так рассуждали большевики. Все эти соображения и определили сейчас точку зрения Шерипова.

— Узуну давайте пока оставим в покое, — улыбаясь, сказал он. — Помните пословицу: «Разъяренного пса дразнить не следует». Но я вот хочу спросить у вас: что вы думаете о земле, нужна она вам?

— Нужна, — как эхо, откликнулись все.

— Так берите землю у богачей. Только будьте готовы защищать ее, если они попытаются вернуть ее силой. Готовы ли вы сейчас к этому? — Мы-то? — удивился Батаев.

— Да, вы! Помните, приезжал к вам человек из Владикавказа? Он ведь говорил вам, что надо вооружиться, организовать.

— Мы сделали все, что могли: организовали самооборону, вооружили людей, — ответил за всех Батаев.

— Это хорошо. Только надо всегда помнить: за землю и за свободу сражаться придется не только здесь и не только со своими богачами, потому что все богачи сейчас объединяются против всех бедняков, а значит, все бедняки — и чеченцы, и русские, словом, всех народностей — должны вместе защищать свои интересы. Бедняков-то ведь много, гораздо больше, чем богачей, поэтому они обязательно победят!

— Верно говоришь, верно! — произнес кто-то из гостей, и все закивали головами.

— Если вы тоже так думаете, тогда будьте готовы по первому призыву революционной власти послать ваш отряд самообороны туда, где идет сражение, — все больше увлекаясь, продолжал Асланбек, — потому что и там происходит сражение за вас...

— И пошлем!.. Все пойдем! — раздались голоса.

Айна принесла маленький тазик и кумган, чтобы люди вымыли руки. Вскоре после нее Салман внес огромное блюдо с угощением, приготовленным Баянат. Однако разговор Асланбека с друзьями продолжался так долго, что поджаренные куры остывали, теряли вкус.

XI

Гости разошлись за полночь, когда уже не светилося ни одно окно в низеньких домах аула. Было тихо, только слышался шорох чинар, раскачиваемых ветром, что гулял по долине Аргуна. Но в доме Шериповых долго еще не спали.

Позвав сестру к себе в комнату, Асланбек попросил ее достать тетради с его старыми записями. Айна принесла ему аккуратно завернутые тетради, хранившиеся в ее сундуке. Юноша взял самую толстую из них, в черном переплете, развернул и запел, словно ашуг:

Радостью, о жизнь, меня наполни!
Все мои мечты, о жизнь, исполни!
Сердце, от волнений удержишь!
Барсом ты взвиваешься от страсти,
Ластишься ребенком ты от счастья,
Бейся, сердце, прославляя жизнь!

Баянат, никогда не слышавшая, как поет ее сын, вошла в комнату и с удивлением остановилась у двери.

Широко улыбаясь, он внимательно посмотрел на мать, усадил ее рядом и, чеканя каждое слово, снова прочитал шестистишие.

Айна не сводила с него влюбленных глаз.

— Дакаш, давай хоть раз поговорим по душам. Ты совсем отбился от нас, — заговорила вдруг она, решив, очевидно, что наступил подходящий момент высказать ему обиды за невнимание к семье. — Отец сказал, что он хочет женить тебя... Что ты думаешь об этом?

Асланбек глянул на нее с изумлением и весело сказал:

— Конечно, Айна, обязательно поговорим. Хотя не понимаю, почему отец должен женить меня. Придет время — я сам женюсь. Посоветоваться — другое дело. Это обязательно. Вот освобожусь я от срочных дел, жизнь наладится, и тогда навсегда будем вместе. А пока послушай-ка. — Он снова начал читать, видно желая прервать этот разговор.

Сердце, ты встаешь навстречу бедам
Разъяренным яростным медведем!
Обойдет нас счастье стороною,
И глядишь ты, сердце, сиротою...

— Ничего, что у него нет времени поговорить с нами. Ну какого разума наберется он от нас с тобой?! Пусть лучше пораньше ляжет, — сказала мать, поднимаясь, чтобы уйти.

— Мама, я знаю, что ты беспокоишься обо мне. Не нужно! Поверь, со мной ничего не случится, — отрываясь от тетради, серьезно и нежно промолвил Асланбек. Оглядев комнату, он заметил разостланную матерью постель и улыбнулся. — Ну если вы уже постелили, то буду ложиться. Только вот еще послушай, мама. — Он подошел к матери:

Синяя птица, голубь, останавливается
Там, где ее настигает ночь.
Храбрый сердцем юноша останавливается
Там, где бой поопасней...
Где тот, кто вместо бурки накинул на себя
И износил это синее небо,
Что без дна разверзлось над нами?
Где тот, кто вместо обуви надел на себя
И износил эту черную землю,
Что без края раскинулась перед нами?..

Баянат все еще слушала с удивлением. От песни, которую читал сын, повеяло таким близким и родным с детства, что у старой женщины выступили слезы. Не слезы печали, нет! Это было от радости и гордости.

— Хорошо, очень хорошо, — сказала Баянат, — только вот обидно: ни Айна, ни я не умеем читать эти твои тетради.

— Ничего, скоро придет время — научим вас обеих, мама, и читать, и писать.

Баянат искренне рассмеялась.

— Что ты бредишь, сынок! Этого мы никогда не дождемся. Да к тому же не женского ума это дело, — махнула она рукой.

— Вот посмотришь, мама.

— Ладно, ладно. А пока спи, — сказала она, уходя вместе с дочерью.

Оставшись один, Асланбек подошел к распахнутому окну. В высоком небе мерцали звезды. В горах царила величественная тишина, только далеко внизу нудно стонала несмазанная телега.

Аккуратно расправляя загнутые поля пожелтевшей тетради, юноша читал уже для себя, делая на полях пометки. Затем, словно утомившись от чтения, он присел к столу, взял чистую тетрадь и написал: «По вопросу о земле».

XII

Со времени встречи с Решидом в жизни Петимат произошло много тяжелого. Внезапно умер ее старший дядя Асхаб Турлов, а жена его, тетя Бесира, вот уже второй месяц лежит тяжело больная. Мать Петимат приезжала, но, похоронив брата, вновь вернулась во Владикавказ, встревоженная судьбою своего единственного сына. Дом дяди, где гостила Петимат, требовал постоянных хлопот и забот, и, с тех пор как девушка переступила его порог, она не знала, что такое отдых. Уход за больной Бесирой отнимал все время.

В постоянных хлопотах Петимат как-то свыклась со своей участью. Ей уже и в голову не приходило просто посидеть, ничего не делая, или развлечься с подругами. Да и подруг-то у нее здесь не было, если не считать Нины Лозановой, с которой она познакомилась в тот самый первый свой грозненский вечер и которая раза два навестила ее.

Сегодня Петимат, как всегда, занималась хозяйством, когда в окошко к ней заглянула дочь соседки. Взволнованной скороговоркой девушка сообщила, что к ним зашел молодой человек, по имени Решид, и он просит у Петимат разрешения повидать ее.

Неожиданно услышав имя Решида, девушка было взволновалась и в первый момент так растерялась, что не знала, как ей быть. Однако она быстро взяла себя в руки и сказала, что не может пойти на свидание после недавних похорон дяди, да к тому же в доме лежит тяжело больная тетка.

Решид сидел в доме своего старого товарища Хамида и ждал ответа Петимат с непонятным волнением. Когда вернулась девушка и передала Решиду ответ Петимат, он не почувствовал себя оскорбленным, а только испытал новый прилив нежности к ней.

— Как нехорошо все это получилось! Скажите, — обратился он к тетке Хамида, посылавшей к Петимат свою дочь, — смогу ли я как-нибудь извиниться перед ней?

— Сейчас, наверно, не следует ей показываться, — ответила та. — Это я виновата, упустила из виду, какие горести сейчас на бедняжку свалились.

Вмешалась девушка, которая ходила звать Петимат:

— Мне показалось, что ей самой хочется повидаться с вами. Провожая меня до калитки, она расспрашивала, когда вы приехали, как выглядите, и просила передать вам привет.

После этого Газиев почувствовал себя даже счастливым.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь. — Извините за беспокойство. — Попрощался с хозяевами и вышел на улицу.

До встречи с Петимат Газиев не боялся ничего. Пусть арест, пусть тюрьма, всегда и везде он чувствовал себя уверенно, как человек, которому нечего терять. А сейчас? Сейчас он боится расстаться с ней, потерять ее и даже оказаться в ее глазах в чем-то виноватым.

Решид повернул за угол и вышел на ту улицу, где стоял дом Турловых. Боясь обратить на себя внимание кого-нибудь из ее родственников, он перешел на другую сторону, но все же украдкой поглядывал к ним во двор. Идя так, он дошел до Четверговой площади, где пахло сеном и мушмулой. Послonyaвшись среди редких торговцев этим товаром, он направился обратно, чтобы еще раз пройти мимо ее дома. И какова же была радость Решида, когда вдруг он увидел Петимат! Девушка стояла у калитки и задумчиво смотрела на противоположный берег реки. Он хотел было скрыться за угол, Петимат обернулась и увидела Решида.

— Да будет добрым твой день, Петимат, — сказал он, не слыша самого себя.

— Да будет с миром и ваш приход, Решид. Когда приехали? — спросила она и, подавшись немного назад, стала в полуоткрытом проеме калитки так, чтобы ее не видели на улице. Опасливо оглянувшись во двор, она снова повернулась к Решиду. Ее мраморно-белое лицо, кажется, стало еще бледнее, очевидно, от волнения.

— Петимат, — сказал Решид, тоже волнуясь, — я очень виноват перед тобою. Извини меня, не знал я о горе, постигшем ваш дом... Да сделает аллах место пребывания покойного счастливым! А нас пусть он наградит терпением, — добавил он, печально опустив голову, как того требовал обычай.

— Пусть аллах будет доволен и вами. Судьбы людей не в наших руках... Что же делать?.. — сказала Петимат тихо и грустно. — Как поживают ваши домашние?

— Баркалла, хорошо живут, — ответил он. — У вас тоже?..

— Баркалла... — Девушка умолкла.

Молчал и Решид.

— Спуститесь к берегу реки, я приду сейчас, — вдруг прервала молчание Петимат и скрылась за калиткой.

Газиев шел по аккуратно выложенным булыжникам тротуара, слыша скрип своих новых сапог. Он шагал вдоль крутого берега Сунжи по дорожке, которая вводила его в тот памятный вечер, когда совершенно случайно судьба вновь столкнула его с Петимат и дала ему возможность избавить ее от неприятной и опасной встречи с полицией.

Вскоре вышла Петимат и вслед за Решидом спустилась к реке, неся ведро и луженый медный чайник. Она остановилась в пяти шагах от Решида и присела, сделав вид, что собирается чистить песком посуду.

Так они сидели недалеко друг от друга и разговаривали. Незаметно для себя девушка рассказала Решиду обо всем, что произошло в их доме за это последнее время, сказала и о том, что мать ее скорее всего не вернется из Владикавказа, так как там чувствует себя значительно лучше, чем в Грозном. А потому ей самой, вероятно, придется возвращаться во Владикавказ. Она рассказывала обо всем этом, а глаза ее светились радостью и как бы невольно говорили Решиду о ее любви.

Но вот у калитки дома Турловых показалась та самая женщина, что посылала дочь за Петимат. Она поманила девушку рукой.

— Извини меня — сказала Петимат, вставая, — нам нельзя больше говорить, увидимся в другой раз.

Решид тоже встал и неожиданно для себя самого оказал:

— Моя жизнь, Петимат, сейчас принадлежит народу. Предстоит долгая борьба, но я хотел бы, чтобы мы участвовали в ней вместе...

XIII

Когда Шерипов приехал в Пятигорск, Терский народный съезд уже несколько дней работал. В этот день, однако, заседание еще не открылось.

Большой зал, где собралось сейчас пятьсот шестьдесят семь делегатов, напоминал растревоженный муравейник. Делегаты с самого начала разделились на отдельные группы. Они были обвешаны оружием всех марок и систем, какими располагали Азия и Европа. Одни из делегатов сидели, другие беспокойно ходили по залу и громко разговаривали. Появление ингушской делегации и Асланбека Шерипова, как единственного представителя чеченского народа, участники съезда встретили приветственными возгласами.

Бетал Калмыков, одетый в черную суконную черкеску, стоял в первом ряду, положив руку на рукоять кинжала, отделанную чернью. Когда началось заседание, он тут же предложил ввести Асланбека в состав президиума. Делегаты дружно поддержали это предложение. Имя молодого Шерипова к этому времени уже приобретало среди горцев довольно широкую известность. Из уст в уста передавалось, что могущественный шейх Узун-Хаджи пригрозил отрубить Асланбеку голову, если он осмелится приехать на этот съезд, но ничто не могло остановить Шерипова. Кроме того, многие прекрасно понимали, что участие Шерипова в работе съезда означает полный и окончательный разрыв его с националистами и сближение с большевиками, сторонниками Советской власти.

В этот момент в президиуме появился Киров. Он сел почти рядом с трибуной, на самом углу длинного, покрытого красной материей стола. По залу, как всегда при его появлении, прокатилась как бы волна почтительного оживления. Помимо личного обаяния, этот человек вызывал огромное уважение как представитель центрального Советского правительства, полномочный комиссар самого Ленина.

Сергей Миронович сидел спокойно, вроде бы занятый своими мыслями, но его зоркие глаза замечали все, что происходило в зале.

Съезд поражал пестротой своего состава. В зале присутствовали большевики и меньшевики, эсеры и монархисты, кадеты и анархисты, представители всех политических партий и те, кто не принадлежал ни к

какой партии. Много было здесь людей, друг друга ненавидевших, давно враждующих между собой.

Киров выступил с докладом о текущем моменте. Глубоко и основательно он разобрал положение дел в Терской области. Говорил темпераментно, остро.

Кое-кто из меньшевиков и эсеров, сидевших в зале, поежились, так как понимали, что оратор имеет в виду их, но вели себя тихо, смолчали. Они побаивались ввязываться в открытую полемику с советским комиссаром, потому что здесь, на этом съезде, они были в меньшинстве.

После речи Кирова съезд прервал свою работу на двадцать минут, чтобы верующие могли совершить обеденный намаз.

Люди молились здесь же, в зале, подстелив свои черкески и широкополые халаты. Кирова обступила группа большевиков и сочувствующих им. Делегаты от бедноты, которые побойчее, засыпали его вопросами. Меньшевики и эсеры держались несколько в стороне. Там подолгу шушукались, и было во всем их поведении что-то зловещее: очевидно, они делали ставку не на открытую борьбу, а на закулисные интриги и заговоры.

Сергей Миронович еще раньше, увидев Шерипова, приветливо улыбнулся и кивнул ему. Он был рад, что не ошибся в юноше; подошел к нему, положил руку на плечо и стал расспрашивать о том, что нового увидел Асланбек в Чечне.

Вскоре съезд возобновил свою работу. На каждом шагу обнаруживались разногласия, вспыхивали отчаянные споры. Случалось, что разъяренные горцы вскакивали, хватаясь за оружие, готовые сцепиться друг с другом.

— Товарищи, ведите себя сдержаннее! — взывал к залу председательствующий Мурат Гагиев. Он размахивал колокольчиком и старался перекрыть расшумевшихся делегатов.

Но вот на трибуну поднялся Асланбек Шерипов.

— Я рад приветствовать свободный съезд свободных народов Терской области от имени чеченского народа, — начал он. — Приехав в Пятигорск, наблюдая за настроением депутатов, за их речами, мы вынесли впечатление, что наш приезд вместе с ингушами был встречен с братской приветливостью... Вы знаете, что во времена самодержавия всем было тяжело, но настоящими пасынками императорской России

были чеченцы и ингуши. Вместе с социальным гнетом они терпели и гнет национальный. И вполне понятно поэтому, что после революции их желания и требования пошли по линии национальной. Но когда оба эти народа подошли к разрешению социальных вопросов, то они увидели, что, помимо национального объединения, есть еще и международное, социалистическое... Мы в Национальном совете обсуждали вопрос о власти Совета Народных Комиссаров и пришли к заключению, что она безусловно будет признана чеченским народом... Теперь у нас определенное течение — землю должны получить работающие на ней, без различия племен и религий. Главный вопрос для нас — земельный, а Совет Народных Комиссаров решает его именно так, как мы хотим...

Съезд слушал Шерипова с огромным вниманием; время от времени в левой части зала начинались аплодисменты.

— Киров говорил о горских беках, — продолжал Асланбек, — князьях и узденях, что не они смогут устроить счастье народа, а только сам народ. У нас есть враги народа, но у нас никогда не было беков и князей, мы не делились на сословия, у нас никогда не было крепостного права. И что такое свобода, чеченский народ знает и умеет бороться за свободу, если нужно, и умирать... Вы не найдете среди нас мюридов газавата, но знайте, что мы — мюриды революции!

Зал встретил эти слова бурей оваций.

— Еще раз приветствую съезд, — закончил Асланбек, — и надеюсь, что соединенными силами демократии Терской области он сумеет разрешить все больные вопросы нашей жизни!

— Спасибо за братство, рука ваша не повиснет в воздухе! — крикнул кто-то из зала, покрывая шумные и длительные аплодисменты.

Киров с радостью и гордостью слушал Шерипова. Видя вокруг себя множество взволнованных молодых лиц, он думал: «Мюриды революции, — как он это точно оказал! Вот они — мюриды революции, вот — настоящие герои! Как легко становится на сердце, когда знаешь, что есть на свете такие люди!»

XIV

Весна и лето 1918 года у Асланбека Шерипова были заполнены самой разнообразной и напряженной работой по установлению Советской власти в Чечне. Он был избран членом Терского Народного Совета, где возглавлял чечено-ингушскую фракцию; кроме того, его назначили комиссаром по национальным делам Терской республики. Ему приходилось без конца разъезжать из города в город, из аула в аул. Много сил и энергии требовала работа по формированию отрядов чеченской Красной Армии. Поэтому о личных делах и думать было некогда.

Как-то он получил очень грустное и серьезное письмо от Хавы. Она молила своего любимого «отойти в сторону от стремительного бега жизни». Асланбек ответил ей письмом:

«Твои вполне возможные предсказания и мрачные перспективы меня не испугают. Я не боюсь рисковать своей головой, и единственное, чего я хочу, — это не пролить братской крови и не пасть от братской руки. Чем все это кончится, не знаю, но отойти в сторону и оставаться безучастным зрителем событий, имеющих решающее значение для нашей Родины, я не могу и не хочу самым категорическим образом».

А события на Тереке и в самом деле принимали все более грозный характер. Местные богачи подняли антисоветский мятеж. Казачья верхушка, возглавляемая меньшевиком Бичераховым, захватила город Моздок и собирала силы для разгрома основных центров Советской власти на Северном Кавказе. Обстановка с каждым днем становилась все более угрожающей. 20 июня был предательски убит председатель Совнаркома Терской республики Ной Буачидзе. В этот трудный момент Центральный Комитет большевистской партии направил на Терек чрезвычайного комиссара Юга России Серго Орджоникидзе.

Так, в условиях гражданской войны, 23 июля открылся IV съезд народов Терской области.

Асланбек Шерипов и Николай Гикало приехали на съезд, хотя на душе у них было беспокойно: в Грозном бичераховцы явно что-то затевали. По городу ползли зловещие слухи. Никто ничего толком не знал, но передавали, будто Бичерахов направил в город своих лазутчиков и под их влиянием казаки из станицы Грозненской готовят

мятеж. Руководители Грозненского совдепа были серьезно встревожены обстановкой в городе. Все это не могло не сказываться на настроении двух молодых большевиков, пока они находились на съезде во Владикавказе.

Вечером, когда делегаты покидали зал заседаний, Гикало передали письмо из Грозного. Прочитав его, Гикало нахмурился и протянул его Асланбеку:

— Вот, почитай, что Конон пишет.

«Банда, которая собралась в станице Грозненской, — сообщил Лозанов, — несомненно готовит нападение на город. Сегодня утром в руки нашего штаба попало секретное письмо Бичерахова своим агентам. Вот что он пишет: „От имени Моздокского казачье-крестьянского совета прикажите власти грозненских большевиков в двадцать четыре часа сдать оружие, и, в частности, броневики. Если они не выполнят это приказание в течение указанного срока, начинайте боевые действия“».

— Нужно посоветоваться с Серго, — задумчиво оказал Шерипов, возвращая Гикало письмо.

— Давай пойдем вместе.

— Давай.

Вагон Орджоникидзе стоял в тупике на запасных путях. Около него дежурил красноармеец с винтовкой.

Серго только что проводил Дьякова, который информировал чрезвычайного комиссара о настроениях Сунженских казаков. Проводник готовился подать чай, когда вошли гости.

За чаем Гикало подробно рассказал комиссару о положении в Грозном. Серго, внимательно слушавший Николая Федоровича, вдруг повернулся к Асланбеку и опросил:

— А как относятся к большевикам чеченские аулы?

— Чеченские аулы за нас, товарищ Серго, — ответил Асланбек. — В аулах найдется достаточно людей, готовых помочь нам в любую минуту.

Проводник предложил еще по стакану чаю. Гикало отказался.

— Не волнуйся, Николай, — шепнул ему Асланбек. — Если Бичерахов вздумает ворваться в Грозный, он дорого заплатит за это. Гойтинцы, алхан-юртовцы, ачхойцы, боровцы — все они нас в беде не

оставят. — И Шерипов обнял Гикало, который сидел, мрачно опустив голову.

Беседа с комиссаром продолжалась допоздна. Решили, что на рассвете Гикало отправится в Грозный. До безопасных мест его проводит Шерипов.

— Если опасность будет нарастать, сообщай немедленно, Асланбек сразу же направится в Грозный, — оказал Серго, прощаясь с гостями. Затем, обернувшись к Шерипову, напомнил: — Так постарайся сегодня же передать Газиеву, чтобы он был начеку. Думаю, что рабочим потребуется помощь чеченских отрядов.

В тот час, когда Гикало подъезжал к аулу Бамут, в Грозном на Граничной улице внезапно раздались выстрелы. И тут же в станице Грозненской на колокольне старой казачьей церкви затарахтел пулемет, загремели залпы орудий. На мощенные камнем тротуары пали первые раненые и убитые...

Так начались в Грозном известные в истории стодневные бои.

Со стороны станицы стреляли из всех проездов и окон домов, стоявших вдоль Граничной улицы. Пьяные, обезумевшие от ярости молодчики с дикими криками не помня себя бросались под огонь красноармейских пулеметов. Напрасно атаман, стоявший где-то в укрытии, размахивал шашкой и истошно вопил: «Вперед!» Белоказаків постепенно теснили, и остатки их наконец отступили, побросав среди улицы убитых и раненых. Штыковой удар красноармейцев был настолько сокрушительным, что опрокидывал и утроенные цели белых.

Всю тяжесть первого удара бичераховцев принял на себя красноармейский батальон и роты рабочих-ополченцев. Но вскоре в бой вступил и отряд железнодорожников под командой Ивана Радченко.

В отдельных кварталах возникли пожары. Горели нефтяные промыслы, выбрасывая в небо тучи черного дыма. В городе насчитывалось уже много убитых, а еще больше раненых, и женщины с плачем и причитаниями уносили их в укрытия...

Весь день не смолкали белоказачьи пушки, обстреливавшие город. Бой, длившийся целые сутки, не принес бичераховцам ничего, но на подмогу им прибывали все новые и новые силы.

На следующий день вечером состоялось экстренное заседание Грозненского совдепа. Николай Гикало, которого утвердили главнокомандующим вооруженными силами города, сказал собравшимся:

— Не забывайте, товарищи, что опасность все возрастает. Однако в панику впадать не следует — мы не одиноки. Особого внимания требует охрана нефтяных промыслов, которые теперь, после оккупации англичанами Баку, являются единственным источником горючего для промышленности страны...

Вошел молодой человек в черной каракулевой папахе и, достав из кармана гимнастерки письмо, протянул его главнокомандующему.

Распечатав письмо, Гикало быстро пробежал его глазами, поднял голову, откинул густую шевелюру темных волос и весело сказал:

— Послушайте, товарищи, я обрадую вас новостью! — Он начал читать письмо: — «Уважаемый товарищ Гикало! Я нахожусь сейчас недалеко от вас, со мной пятьсот вооруженных всадников. Узнав сегодня о случившемся, мы прибыли сюда, чтобы протянуть вам братскую руку в бою с врагами революции. Мы не вошли в центр города, чтобы своим появлением не поднять излишнего шума и избежать ненужных столкновений. Если у вас есть возможность, посетите нас или же пришлите вашего представителя. Если не представится и такой возможности, сообщите мне в письме, в каком районе города занять нам боевую позицию. Всех, кто направится к нам, проведет наш связной, который передаст это письмо. С приветом Решид Газиев, командир чеченского партизанского отряда».

Депутаты вскочили с мест, аплодируя смутившемуся посланцу Решида, робевшему перед важными, как ему казалось, людьми.

— Товарищ Гикало, — обратился к Николаю сидевший напротив него комиссар Саянов, сухощавый мужчина средних лет, в поношенной солдатской форме, — вчера вечером с Терека пришли пятьдесят вооруженных крестьян-чеченцев и присоединились к рабочему батальону старопромысловцев. Если верить командиру этой части, они храбро сражаются с врагом.

— Я подтверждаю это, — приподнялся Лозанов, сидевший за спиной комиссара.

— Теперь вы видите, что мы действительно не одиноки в нашей борьбе! — Гикало высоко поднял сжатую в кулак руку и, оглядев своих товарищей, широко улыбнулся.

XVI

Белоказаки напирали с волчьей злобой. Граничная улица, отделявшая станицу от города, неоднократно переходила из рук в руки.

Ночью бойцы железнодорожного батальона, неся на плечах тяжелый пулемет, по руслу Сунжи пробрались в тыл белоказаков и ударили им в спину. Этой смелой вылазкой руководил сам Иван Радченко. Войска атамана в панике отхлынули назад и стали обороняться отдельными группками. Дальнейшее пребывание в казачьем тылу было опасным, и поэтому, не дав противнику обнаружить свое численное меньшинство, Радченко приказал отступить, устроив, однако, довольно сильный переполох в доме атамана Халеева.

Утром выстрелы стали раздаваться реже: по-видимому, враг отказался от мысли покончить с красноармейцами одним ударом и теперь собирал силы, приводил их в порядок.

Об этом же сообщали и перебежчики из вражеского стана. Постепенно из их показаний вырисовывалась вся картина подлой авантюры.

Бичераховцы распустили среди Сунженских казаков слух, что рабочие промыслов, сговорившись с чеченцами, захватили в городе хлебные запасы, а также оружейные склады и готовятся напасть на казачьи станицы. Эту весть из станицы в станицу несли агенты Бичерахова. И хотя в первые дни боев у белых потери были большие, в Грозненскую стекались поверившие этой басне казаки из Моздока, Слепцовой, Самашек. В первый же день боя таких добровольцев явилось до пятисот...

Николай Гикало понял, что предстоит борьба длительная. В тот же день молодой главнокомандующий объявил в городе всеобщую мобилизацию. Было призвано все взрослое население, даже женщины. Они тушили пожары, строили на улицах баррикады.

Рабочие завода «Молот», собрав последние остатки своих запасов, построили бронепоезд и назвали его «Свобода трудящимся!» На улицах были вырыты окопы, в стенах домов, стоявших по линии фронта, пробиты бойницы для пулеметов и винтовок. Началась затяжная позиционная война.

Отряд Решида Газиева, занимавший участок фронта от железнодорожного вокзала до Башировки, отбил сильный натиск противника и не дал сомкнуться вражескому кольцу вокруг города. Среди бойцов этой славной части были старый Элса из Бороя, гойтинец Шида Цанаев и когда-то тихий крестьянин Ваша, тот, что после разгрома родного Хадис-Юрта, так и не купив пятизарядную винтовку, ушел к партизанам со своим старым кремневым ружьем.

Через несколько дней белоказаки, определив наконец позиции чеченских партизан, попытались прорваться к ним в тыл, надеясь ударом в спину расколоть не подготовленный к регулярным боевым действиям отряд горцев. Бой, начавшийся в этой части города наступлением белоказаков на вокзал, продолжался непрерывно в течение нескольких долгих недель.

Еще в середине августа, когда отряд горцев занял оборону в районе вокзала, на помощь землякам потянулись чеченцы-горожане. Газиев сам принимал неожиданное пополнение и распределял этих людей по наскоро сколоченным взводам и эскадронам своего отряда.

Были среди пришельцев и мастера — чеканщики по золоту и серебру, и чувячники, и мелкие торговцы, разносившие по аулам свой нехитрый товар, и учащиеся из Горской школы. Одни приходили с оружием, другие — с надеждой добыть это оружие у врага, а может быть, поднять выпавшее из рук товарища...

В один из дней с наступлением сумерек почему-то не стало слышно разрывов белоказачьих снарядов, затихла и ружейная стрельба. В зоне чеченского отряда воцарилась настороженная тишина. «Противник не то устал, не то занят перегруппировкой своих сил, — думал Решид. — Но как бы там ни было, а такое молчание не к добру».

Газиев находился в казарме, где разместились подразделения, отведенные на отдых. Постелей не было, их заменяли попоны и подушки с седел, бурки вперемешку с овчинами. Люди спали здесь вповалку, измученные бесконечными боями. Были тут и раненые, не желавшие покидать своих товарищей.

Выйдя из казармы, Решид перешел улицу и опустился в окопы. Здесь его догнал молодой Хамид, его бывший соученик, тот самый, который жил в доме рядом с Турловыми. Он сравнительно недавно появился в отряде Газиева, но успел показать себя смелым и расторопным бойцом. Юноша стал чем-то вроде ординарца у Шиды Цанаева, который уже командовал сотней.

— Товарищ командир, разрешите? — отчеканил Хамид.

— Давай, говори.

— Да я не один пришел, — смущенно промолвил юноша.

— Да? А кто же с тобой? Зови их сюда.

— Не могу, товарищ командир... — замялся тот.

— Ты что, не доверяешь им?

— Не в том дело, товарищ командир... Это девушки...

— Девушки? — Решида ошарашило такое неожиданное сообщение.

На позициях чеченцев уже давно появлялись женщины, приносившие из города еду, воду, перевязочный материал. Они ухаживали за ранеными, но это были пожилые женщины, которые для каждого бойца, старого и малого, являлись как бы названными матерями. Но девушки?.. Такого в чеченских частях еще не было!

— Приведи их сюда! — приказал Газиев.

Про себя он уже решил, что немедленно выпроводит девчонок домой. Но их несомненная храбрость напомнила о героических сказаниях древности. «Сюда бы Асланбека, он любит легенды о подвигах... Может, и сам сочинил бы песню об этих девушках!» — подумал Газиев. Еще в мае он обратил внимание на появившуюся в газете «Народная власть» статью Шерипова «О чеченских народных песнях» и подивился тому, как у этого человека хватает времени и умения и на политические дискуссии, и на критические статьи, и на организацию военных отрядов. Не только подивился, но и позавидовал. Почти все они, деятели новой революции, были молоды, по двадцати-двадцати пяти лет, и всем им приходилось решать государственные вопросы, быть пропагандистами, командирами ими же самими созданной армии, но вряд ли кто еще из этих молодых людей имел такой широкий круг интересов.

Хамид убежал за своими спутницами, а Газиев стал разглядывать в бинокль позиции врага. Но вот за его спиной послышались легкие шаги. Оглянувшись, он застыл в изумлении. Перед ним стояли Петимат и та девушка, соседка, родственница Хамида.

— Петимат! — только и мог вымолвить молодой командир.

Девушки стояли потупившись, но было в их позах столько затаенного упорства и смелости, что Решид понял: из его намерения отправить их домой ничего не получится. И растерянность охватила его.

— Здесь же опасно, зачем вы пришли? — спросил он.

— И вам опасно, — ответила Петимат.

— Да, но девушкам как-то неловко.

— Если вы, Решид, можете быть командиром, то почему бы нам не стать солдатами? — сказала девушка, серьезно глядя ему в глаза. И тихо добавила: — Ведь ты же сам хотел, чтобы мы были вместе в этой борьбе...

— Не знаю, как и быть. — Газиев посмотрел на Хамида, словно собираясь спросить: «Зачем ты их привел сюда?»

— Эх, жаль, что мы не родились мужчинами! — вмешалась другая. — Но мы не посраим вас, Решид, вы только допустите нас...

Молодой командир вздохнул.

— Будьте осторожны, Петимат, и вы, Оля... Так ведь вас зовут?.. Придется назначить вас сестрами милосердия при нашем отряде. Явитесь к врачу Добровольскому. Наш госпиталь находится тут недалеко, рядом с вокзалом. — Он обернулся к Хамиду и добавил: — Проводи их туда.

Девушки кивнули и пошли, даже не обернувшись, такие не похожие друг на друга: бойкая, веселая толстушка Оля и чуть грустная, прямая, тоненькая, как тополек, Петимат.

Некоторое время спустя, когда войска атамана начали новую атаку на вокзал, Решид увидел Петимат и Олю уже среди своих бойцов. И там, где появлялись эти две подруги, смолкали стоны раненых, веселей становились воины, грознее звучал клич командиров, бросающихся в контратаку на белоказачьи орды.

XVII

Через несколько дней опять стихла перестрелка. Над городом простерлась ночь, тихая, душная, пахнувшая гарью. В воздухе, как снежные хлопья, носилась сажа от горевшей нефти на промыслах.

Решид лежал, завернувшись в бурку. Его ранили при очередной атаке бичераховцев. Рана в голени была не тяжелая, но все же пришлось лечь. Так как командир отказался уходить с боевого поста, его поместили тут же, рядом со штабом, в маленькой комнате.

К Газиеву только что заходил сам главнокомандующий Гикало.

— Надо отлежаться. Приказываю тебе это и как начальник, и как медик, — улыбнулся Гикало.

— Есть отлежаться! — ответил Решид, ни словом не обмолвившись, что еще утром ругался с дедом, хозяином дома, который никак не может сделать ему надежный костыль.

В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как тикают карманные часики, лежащие около раненого на табуретке. Тут же стоял стакан с недопитым чаем, а чуть поодаль, на уголке стола, слабо мерцала свеча. Тишина эта угнетала раненого командира. «Неужели, — думал он, — все так и закончили без меня?» После ухода главнокомандующего он велел вызвать своего начальника штаба и в самой решительной форме приказал докладывать ему обо всем, что происходит на поле боя, а также допускать к нему всех, с чем бы они ни приходили.

Утомленный беспокойными этими мыслями Газиев задремал. Но едва скрипнула дверь, как он тут же открыл глаза и приподнял голову.

Вошел все тот же Хамид из сотни Шиды Цанаева с донесением. Был он очень бледен, а на лице лежала печать какой-то озабоченности. Согласно обычаю, он прежде всего справился о здоровье командира, потом доложил:

— Шида просил передать вам, товарищ командир, что белоказаки опять скапливают силы на нашем участке; наверно, готовятся к новой атаке.

— Передай Шиде, чтобы ни в коем случае не отступал. А главное — не давайте врагу вклиниться в наши позиции. Не забудьте сказать,

чтобы тела погибших выносили с поля боя. Пусть Шида не забывает о чести горца...

— Хорошо, командир, — грустно сказал Хамид.

Разговор был окончен, но юноша не уходил, он стоял не двигаясь, словно ноги его налились свинцом. Встревоженный Газиев еще больше приподнялся с постели и спросил:

— У тебя есть еще что-то ко мне, Хамид?

— Товарищ командир, погибла Петимат...

Газиев непонимающе посмотрел на юношу и сел на край кровати.

— Когда? — спросил он, не узнавая собственного голоса.

— Сегодня. В самом конце боя. Она перевязывала раненого, упавшего во время атаки за гребнем окопа...

— Где она сейчас?

— Мы вынесли ее. Она лежит в пристройке за госпиталем.

Страдание исказило лицо Решида. Не чувствуя собственной боли, он натянул сапоги и подошел к столу, тяжело опираясь на шашку. Петимат — ласковая с друзьями, бесстрашная с врагом, — его первая и, наверно, последняя любовь! Трудно поверить, что ее нет. Хамид стоял опустив голову, чтобы не видеть скорби командира.

— Хамид, — сказал наконец Газиев, — тело Петимат с почетным караулом из десяти всадников доставить к ее родственникам Турловым. Это сделаешь ты.

Командир повернулся навстречу новому гонцу.

Посыльный от Николая Гикало принес радостную весть: в Грозный прибыли Серго Орджоникидзе и Асланбек Шерипов с несколькими сотнями всадников.

...Вечером следующего дня, когда багровое солнце, двигаясь к закату, повисло над темно-синим лесом, Газиев, опираясь на аккуратно обструганную палку, вместе с другими командирами сопровождал Серго, который осматривал боевые позиции на Граничной улице. Рядом с Орджоникидзе шли командующий вооруженными силами города Гикало, военком Терской республики Лавандовский и командующий чеченской Красной Армией Шерипов.

— Какой фланг фронта, на ваш взгляд, наиболее надежен? — спросил Орджоникидзе у Гикало, шагая по траншее, ведущей к центру города.

— Трудно сказать, товарищ комиссар. Мы считаем, что у нас все фланги стойкие, — ответил Николай.

— Ну все-таки? — настаивал комиссар.

— Можно посмотреть Южный, — подумав, предложил Гикало. — Там наш бронепоезд, рабочая Щебелиновка и рядом с ними всадники Газиева.

— Что ты говоришь? — удивился Серго. — У вас и бронепоезд, оказывается, есть?

— Не один, а два.

— Вот это здорово! Нужно на них поглядеть...

Высокого гостя встретил командир бронепоезда Василий Валуев, плотный крепыш небольшого роста, с живыми синими глазами на крупном гладком лице. Поздоровавшись, Серго окинул взглядам цепь вагонов, старательно прикрытых щитами, склепанными из толстых стальных листов.

— С такой машиной никакой враг не страшен, — улыбнулся он Валуеву.

— Машина надежная, товарищ Орджоникидзе. Наш бронепоезд не подведет! — Валуев постучал по металлу.

Серго обошел вагоны бронепоезда. Стены, выложенные толстым листовым железом, выглядели надежными. Внутри были вторые стены, из бревен чинары.

— Материал прочный, товарищ Серго, сами выбрали эти бревна на лесном складе Крыликова, — похвастался Валуев.

— А крыша из чего? — Серго глянул вверх.

— Крыша тоже надежная. Из стали толщиной в мой палец. — Валуев показал свою огромную рабочую руку. — Крыша двойная, внутри она полая. Если о такую крышу ударяется снаряд, она только прогибается, и снаряд отскакивает, словно мячик.

— Хитро придумано, — рассмеялся Серго.

— Это выдумка наших рабочих с завода «Молот».

— Молодцы!

— Для наглядности, товарищ комиссар, разрешите показать, насколько крепка эта крыша. — Валуев подошел к орудию и стал на место наводчика. — Я сейчас заставлю противника выстрелить по нашей движущейся крепости, — сказал он и приказал зарядить пушку.

— Да вы что? Боеприпасов, насколько я знаю, в обрез! — Орджоникидзе с недоумением оглянулся на Гикало. — Это белоказачьи снаряды не жалеют...

— Разведка, товарищ комиссар, — пояснил Николай.

— Да-да, — подтвердил Валуев. — Казаки замаскировали свои пушки. А мы имеем приказ постоянно нащупывать их. На наш выстрел они постараются ответить, а нам это и нужно: мы узнаем, где их орудия, — объяснил Валуев и, взмахнув рукой, скомандовал: — Огонь!..

Ствол орудия дернулся. Валуев замер, вглядываясь в даль.

Серго, который стоял, приложив к глазам бинокль, крикнул:

— Точно в цель! Товарищ Валуев, точно. Пальни-ка еще раз!..

— Извините, товарищ комиссар, больше не могу, — развел руками командир бронепоезда. — Вы же сами знаете, у нас каждый снаряд на учете. Теперь следите за поведением противника, как они забегают.

Снаряд упал на холме, в густом кустарнике, где, по-видимому, скрывались вражеские орудия. Там сразу забежали люди.

Не прошло и двух минут, как раздались ответные выстрелы.

Снаряды со свистом пролетали над поездом и падали неподалеку, на огородах. Все было так, как и сказал Валуев. Люди из команды бронепоезда, занятые своими делами, и внимания особого не обратили на эту перепалку.

Но вот белоказачьи пушки замолчали. Орджоникидзе попрощался с Валуевым и вместе с товарищами направился для осмотра боевого порядка конников Газиева.

XVIII

Шел к концу уже третий месяц с того дня, как полковник Поморцев потребовал от революционного пролетариата города в двадцать четыре часа сдать оружие. Почти сто дней продолжались тяжелые бои на улицах Грозного!

От пожара на Новых промыслах над городом по-прежнему стлался горький дым с сажей, гигантские языки пламени превращали ночь в день. От артиллерийского обстрела валялись нефтяные вышки и рушились здания.

Полковник Поморцев сидел в богатом доме станичного атамана Халеева в кругу офицеров. Под высоким потолком светилась люстра, а на овальном столе блестели пузатые графины и высокие бутылки с заграничными этикетками. Среди яблок и янтарного винограда сверкали золоченые рюмки, сделанные искусными чеченскими мастерами. Перед полковником на большой тарелке возлежал огромный жареный гусь.

Отпив несколько глотков червленского вина, Поморцев взял толстую папироску и уже собрался раскурить ее, когда в комнату вошел поручик Касьянов. Прекрасно зная, что для хозяина он непрощеный и не очень желанный гость, поручик подчеркнуто бесстрастным голосом начал докладывать очередную сводку. Глаза его при этом недобро поблескивали, так как он предвкушал, что поднесет полковнику и нечто весьма для него неприятное.

— В районе городского кладбища конный отряд Газиева еще в десять утра внезапной атакой разбил батальон Волгского полка. Второй батальон сильно потрепан от ударов Пролетарского батальона под командой Радченко. На самой Граничной улице появился со своей конницей Шерипов. Он захватил депо над Сунжей, два квартала станицы и крупный склад боеприпасов. Всеми этими операциями руководит лично Орджоникидзе, прибывший вчера в Грозный... Полковник Бичерахов недоволен вашими действиями. Он требует личных объяснений и вызывает вас по прямому проводу...

Последние слова Касьянова еще усилили и без того мрачное настроение Поморцева. Профессиональный вояка, он терпеть не мог всех этих контрразведчиков, вечно что-то вынюхивающих тыловых

крыс. Вот и сейчас он с удовольствием выгнал бы заносчивого офицера, но не смел: Касьянов был близким человеком самого Бичерахова.

Овладев собой, полковник тихим, от постоянного пьянства хрипловатым голосом кликнул своего адъютанта.

В это время где-то совсем близко застрочил пулемет и раздались крики «ура». Поморцев потребовал фуражку и шашку. Адъютант помог ему пристегнуть к поясу клинок в серебряных ножнах, с инкрустированным эфесом.

Устало ступая кривыми ногами, полковник направился к выходу. Теперь он думал только о том, как будет докладывать атаману, который, конечно, опять не даст ему спокойно объяснить положение вещей. Бичерахов психопат. Он только и знает, что кичится своей осведомленностью в области политики, да и о военном искусстве любит порассуждать. Все эти разговоры крайне раздражали Поморцева, тем более что приходилось почтительно выслушивать человека, который был равен ему по чину.

Снова усилилась частая беспорядочная стрельба. Недалеко от казачьей церкви вспыхнуло пламя пожара, горела какая-то постройка. От дома Халеева Поморцев видел, как метались темные фигурки казаков по освещенной заревом улице. Около вокзала возник второй очаг пожара, еще более яркий и сильный, словно соревнуясь с пожаром на промыслах. С южной стороны города также доносилось приглушенное расстоянием «ура».

Но вот на площади у казачьей школы появились густые толпы атакующих. Освещенное отблесками пожара, лицо Поморцева теперь выражало ужас и безнадежность. Бичераховские вояки вместо привычных выкриков: «Эй, босяки, сдавайтесь!» — трусливо просили пощады. Они забегали в дома и дворы, торопливо сбрасывая амуницию и срывая погоны.

Большинство белоказаков устремились было к вокзалу, но пулеметный огонь валуевцев с бронепоезда заставил их повернуть назад. Тогда беспорядочными толпами побежали они к северной окраине города. Но и здесь не было им спасения. В зареве пожара, сверкая клинками, с раскатистым чеченским «вур-ра» наперерез отступающим неслись конники Асланбека Шерипова.

Орджоникидзе стоял у окна в доме, откуда только что выбили штаб полковника Поморцева, и наблюдал за конной атакой.

Вдруг он обернулся к Гикало и, встревоженный, произнес:
— Смотри, смотри, Николай, что он делает? — и Серго показал на группу несущихся всадников.

Впереди на сером коне скакал Асланбек. Конь нес его сильными бросками, круто выгибая передние ноги. Шерипов первым столкнулся с казаками. Молниеносно взмахивая клинком, он ловко выгибал корпус то в одну, то в другую сторону. Конь, словно угадывая каждое движение его тела, взвивался на дыбы, делал крутые повороты и снова устремлялся в нужном направлении.

Бронепоезд Валуева между тем уже дымил на подступах Ермоловки и шарил по кустам и оврагам своими прожекторами; там пытались отсидеться многие отступающие казаки.

На северной стороне города, прорезанной глубоким руслом реки Чимилха, стоял батальон Ивана Радченко. Подпустив белоказаков на близкое расстояние, красноармейцы бросились на них с такой дикой яростью, что те сразу в панике разбежались. Здесь перемешалось все — люди, кони, повозки...

Боясь, что в ночной свалке бойцы могут перестрелять своих, Радченко скомандовал:

— На штыки врага, на штыки!

Так в ноябрьскую ночь 1918 года революционные войска пошли на решительный штурм. Бичераховцы не выдержали натиска и, оставив город, еле добрались до Терека, потеряв более половины своего состава.

После боя, на рассвете, командиры и комиссары революционных войск заседали в штабе у Николая Гикало. Когда обо всем было переговорено и собрались расходиться, Иван Радченко подошел к Асланбеку.

— Товарищ Шерипов, — сказал он, — разрешите мне преподнести вам как командующему чеченской Красной Армией вот это ружье, — он протянул длинное кремневое ружье, украшенное широкими медными кольцами.

— Что это за ружье, товарищ Радченко? — спросил Асланбек, удивленно разглядывая подарок.

— Как мне рассказали, у этого ружья очень интересная история, — ответил Радченко. — Владелец его — Ваша Гойтукаев из Хадис-Юрта, бедный крестьянин. Он пал смертью храбрых в схватке с врагами революции. Когда ему говорили: «Ваша, брось это ружье, возьми себе пятизарядную винтовку», он отвечал: «Нет, товарищи, это не

обыкновенное ружье, оно поражает врагов трудового народа, как из пушки». Так и погиб он, не расставаясь с ним...

Асланбек от волнения почувствовал комок в горле.

— Спасибо, товарищ Радченко, за подарок! — сказал он. — Вот завершится наша борьба, начнем жить мирно и строить, тогда мы это ружье передадим в музей.

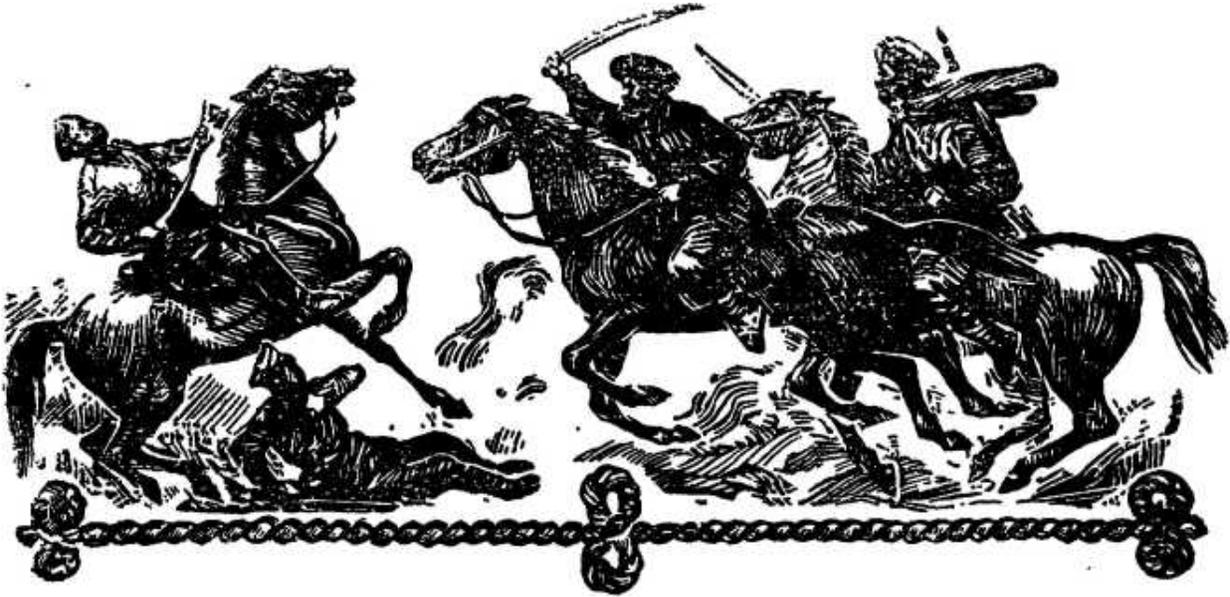
Словно отдавая воинскую почесть храброму мюриду революции Ваше из Хадис-Юрта, все присутствующие с минуту стояли молча, глядя на кремневое ружье.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

История нашей борьбы за свободу написана собственной кровью народа.

Асланбек Шерипов

Шел грозный 1919 год...

Многочисленная деникинская армия, укрепившаяся на Дону, начала наступление на юг. Она захватила Кубань, Ставропольщину, и, когда все еще дули сырые февральские ветры, ее передовые части под командованием генералов Ляхова, Шатилова и Геймана тремя колоннами подошли к Моздоку, Червленной и ингушскому аулу Далакову.

Генерал Гейман предложил далаковцам: сложить оружие, выдать всех сочувствующих большевикам и открыть его войскам дорогу на юг. Но вооруженные ингуши ответили, что не сдадут им ни одной винтовки, не выдадут ни одного человека и не позволят пройти через их земли в Чечню.

Штабные офицеры предлагали генералу обойти непокорных ингушей и двигаться через Моздок, но командующий армейской группой генерал Эрдели из Майкопа приказал: «Взять Далаково штурмом и идти напрямик».

К обеду ингуши вернули белым их последнего парламентаря с новым и окончательным отказом повиноваться приказу генерала. И сейчас же вслед за этим по холмам, вдоль берега Камбилеевки

беспорядочно затрещали выстрелы. В ответ бухнуло орудие, другое, и где-то впереди в тумане надрывно застрекотал пулемет.

Ингуши и прибывшие им на помощь курсанты Владикавказской пехотной школы, хотя и упорно сопротивлялись, были выбиты из своих окопов, но вскоре снова густыми толпами бросились под огонь вражеских пулеметов и овладели прежней позицией.

За каждый крошечный холмик завязывались ожесточенные бои. Белые несли непредвиденные потери. И все же аул был сожжен, и войска генерала Геймана через сотни трюпов двинулись на юг.

Грозненский пролетариат был обескровлен в стодневных боях, силы на Тереке в эти дни были слишком неравны, поэтому ночью 2 февраля революционные войска оставили Грозный и отступили в горную Чечню.

А утром пьяные белогвардейцы уже шныряли по улицам и дворам, разыскивая оставшихся в городе сторонников революции. Они начали с того, что вырезали семью Валуева. Помощник станичного атамана полковник Соколов потребовал, чтобы жена командира указала, где скрывается ее муж. Та ответила дерзостью. Тогда один из казаков тут же шашкой рассек ей голову. Потом порубили детей и оставили их тела рядом с убитой матерью.

Офицеры генерала Ляхова и казаки станичного атамана Халеева состязались в зверствах. В городе шли погромы. Пьяные солдаты с трехцветными кокардами на фуражках, шитых из английского сукна, стучали в двери домов:

— А ну, коммунисты, где спрятались? Выходите!

— У нас нет коммунистов...

— А комиссаров тоже нема?

— Нет.

Из духана Цинцадзе, что около Гостиного ряда, вываливались пьяные офицеры, они пели неприличные песни.

На улицах раздавались вопли: «Держи комиссара!». Офицеры избивали всех мало-мальски подозрительных. Тех, кто после побоев оставался живым, бросали в тюрьму. Белобандиты рыскали по городу, опьяненные водкой, ненавистью, кровью и страхом.

После десяти месяцев Советской власти большевикам пришлось снова уйти в подполье. Но это были смелые люди, опытные

конспираторы, борцы, каждый из которых побывал в сложных переделках.

Руководителем подпольной военной организации, которая должна была собирать силы для будущего вооруженного восстания, был назначен испытанный большевик Чертков. Установление связи с горными районами, куда ушли отряды Красной Армии, было возложено на Конона Лозанова. Помогать ему должны были дочь Нина и чеченец Решид Газиев.

Особого решения требовал вопрос об Иване Радченко. Многолетний руководитель грозненских большевиков ни за что не хотел покидать город. Между тем старик был в тяжелом состоянии: он кашлял кровью и еле таскал ноги. Кроме того, после длительной легальной работы в качестве одного из главных руководителей Совета рабочих и крестьянских депутатов, кажется, не было ни одного человека в Грозном, который не знал бы его в лицо. В этих условиях говорить о какой-либо конспирации было невозможно, и потому комитетом было принято решение: Радченко должен уйти в горы. Доставить его туда при первой возможности было поручено Решиду.

Лозанов тоже, разумеется, вынужден был покинуть родной дом. Но к этому было ему не привыкать. За долгую жизнь он сменил немало конспиративных квартир и теперь просто перебрался на одну из них. Нина на всякий случай поселилась отдельно.

Он уже лежал полураздетый в постели, когда услышал настойчивый стук в дверь. Конон быстро поднялся, минуту постоял, прислушиваясь, и осторожно спросил:

— Кто там?

— Открывай! — заорало несколько человек.

В комнату вошли четверо: поручик Касьянов, двое солдат и сам помощник атамана Грозненской станицы.

— Руки вверх! — скомандовал Касьянов.

Разговор произошел короткий:

— Лозанов?.. Отрицать бесполезно. Я тебя узнал... Встречались.

Конон пожал плечами: скрывать было действительно бессмысленно.

— Да, это я, — просто ответил он.

В доме начался обыск. Один из солдат вспарывал матрацы и подушки, так что комната скоро оказалась засыпана пухом и перьями. Другой в грязных сапогах влез на кровать и шарил по стенке за картиной Репина «Бурлаки», он искал — нет ли там тайника. Соколов с топором, пыхтя, сам поднимал половицы и матерился, не обнаруживая ничего. Потом, подойдя к столу, он устало опустился на табуретку, но она сломалась под ним. Толстяк грохнулся на пол.

— Политическим деятелем заделался, подлец, а приличной табуретки не имеешь! — сердито пробурчал Соколов, с помощью Касьянова поднимаясь на ноги.

Он сел на кровать и принялся допрашивать Лозанова, который стоял перед ним со связанными за спиной руками.

— Говори, где этот азиат... как его... Асланбек?

— Не знаю, — с улыбкой отвечал Конон. Ему действительно было радостно оттого, что Шерипов сейчас где-то там в горах со своими красными конниками, которые еще будут отстаивать революцию.

Соколов, очевидно, угадал его мысли и пришел в бешенство.

— Не знаешь? Нет, знаешь! Ты с ним давно связан и теперь будешь связь поддерживать. И дураком не притворяйся! Мы его все равно поймем, а тебя в кутузке сгноим. Я всех ваших главарей знаю: и Гикало, и Радченко, и этого Шерипова... Всех скоро переловим, так и знай. Понял? — грозно закончил он.

— Ты, Конон, хороший человек, — миролюбивым тоном вмешался Касьянов. — На промыслах все говорят, что такого мастера поискать надо. Бросил бы ты заниматься политикой. Зачем тебе лезть в компанию босяков и дикарей? Назначь какую-нибудь встречу Шерипову или Гикало, а лучше обоим вместе, где-нибудь здесь, под Грозным... Ведь ты же должен понимать, что из вашей революции ничего не вышло и с ней теперь покончено навсегда.

Лозанов держался внешне спокойно, даже отвечал на какие-то вопросы, но мысль его торопливо и напряженно работала в другом направлении: неужели они знают, что именно ему поручено осуществлять связь с отрядами Красной Армии? Или просто разнюхали о его давней дружбе с Шериповым и надеются, что друзья и впредь тем или иным способом будут общаться друг с другом? Как хорошо, однако, что Нина не поселилась вместе с ним! Ее мало знают в лицо, и поэтому она в относительной безопасности...

— Молчишь, собака! — вдруг донесся до него окрик помощника атамана. — Я тебя так веревками скручу, что душа вон вылетит!

— Воля ваша, господин помощник атамана. Мы люди рабочие. У нас испокон века крылья связаны, — угрюмо ответил Лозанов.

Соколов стукнул пухлым, как булка, кулакам по столу и прошипел:

— Смотри, как бы тебе совсем их не обрубил. Понял?

Конон тяжело поднял голову.

— Господин поручик, вы пришли ко мне с обыском? Так делайте свое дело, а уговаривать меня вам, право, не солидно.

Касьянов вспыхнул и, повернувшись к солдатам, крикнул:

— Взять его!..

В ту же ночь Конон под конвоем солдат с примкнутыми штыками был доставлен в городскую тюрьму.

II

В шатоевский дом Шериповых, где уже второй день находился Асланбек, явились представители местной знати. Семья в полном составе сидела в это время за обеденным столом. Все застыли в недоумении от такой «чести».

— В Грозном и Владикавказе укрепились власть генерала Деникина, — без предисловий заявил кадий. — Крепость Воздвиженская также в руках белой армии.

Духовный отец цепким взглядом ощупывал лица присутствующих, словно желая проверить, какое впечатление произвело на них его сообщение. Все молчали, и только Асланбек поднялся из-за стола и сказал:

— Мы знаем об этом, кадий. — И отошел к окну.

— Так вот, — продолжал седобородый старец, стукнув длинным посохом о деревянный пол, — сегодня или завтра армия Деникина может ворваться в Шатой и сжечь всех нас вместе с детьми. Мы не хотим обрекать мирных жителей на такую участь и поэтому предлагаем тебе, Асланбек, немедленно покинуть Шатой или сдаться на милость генерала Деникина.

— И больше ничего? — иронически спросил Асланбек.

— Есть и еще, — ответил кадий. Он повернулся к отцу Шерипова: — Джамалдин, вы должны отказаться от своего сына, если он не выполнит наше требование, или же вместе с ним покинуть Шатой.

— Правильно! — поддержал кадия купец Умалат-Хаджи.

Асланбек вопросительно посмотрел на отца.

— Сын мой — взрослый человек, — сухо сказал Джамалдин. — Я думаю, что он в состоянии отвечать за свои действия. Что же касается меня, то я не собираюсь отказываться от него и вовсе не намерен на старости лет скитаться в чужих краях.

— Ваш сын большевик! — внезапно выпалил Умалат-Хаджи. Он посмотрел на Джамалдина так, словно уличил его в неблаговидном поступке.

— На это его воля, — спокойно ответил Джамалдин.

И тут вдруг раздался дрожащий голосок Айны.

— Но Асланбек вовсе не большевик. Он сам однажды сказал мне об этом! — Девочка произнесла эту фразу и тут же вся сжалась от стыда и страха: обычай не позволял ей разговаривать при мужчинах, а особенно при таких уважаемых людях.

Но на нее словно и не обратили внимания. Все взгляды устремились на молодого Шерипова.

— Нет, — сказал он, — сестра неправа. Или, вернее, еще не знает об этом. На днях, в самое тяжелое время, когда белые подступали к Грозному, я вступил в партию большевиков... — Он высоко поднял голову. — Так что я — большевик. И горжусь этим.

Наступило злое молчание. Первым взорвался купец. Его длинный палец вытянулся в сторону Джамалдина.

— Ага! Вот видишь, видишь! — завопил он.

— Что касается того, что я большевик, Умалат-Хаджи, то отец прав: это действительно моя воля, — спокойно заметил Асланбек. — Но я вполне понимаю вашу ярость, почтенный купец: большевики — враги тех, кто грабит бедных, а грабители эти — ваши друзья...

Умалат-Хаджи оскорбился и хотел было уйти, но кадий удержал его, заметив укоризненно:

— Такой молодой, а уже научился говорить дерзости старшим!

— Извините, кадий, мы почитаем мудрость, а не просто старость. Так ведь учили наши предки, — ответил Асланбек.

— Ты заблуждаешься, безбожник! — закричал Умалат-Хаджи.

— Может быть. — Молодой Шерипов улыбнулся.

— Да, да! — Купец прямо-таки надрывался от злости.

— Подождите, не торопитесь, уважаемый Хаджи, — вмешался снова кадий. — Мы, истинные представители аллаха на земле, считаем своим долгом проявить беспокойство о судьбе народа...

— Когда урядник забирал последнюю коровенку у крестьянина, вы почему-то забывали о судьбе народа, уважаемый кадий, — перебил его Асланбек.

— Не тебе учить нас, — сказал кадий.

— Может быть. Но я хочу ответить на ваше требование. Можно?

— Говори, — зло буркнул кадий.

— Шатой в руках Советской власти, а я здесь ее представитель. Шатой может быть взят врагами революции только в бою. А тот, кто требует от нас покинуть Шатой, тот заодно с генералом Деникиным, тот враг чеченского народа, — горячо сказал Асланбек.

Кадий заерзал на месте, будто стоял на горячих углях. В комнате стало так тихо, что слышно было, как сопит священнослужитель.

— Идемте, кадий, идемте! С ними следует говорить иначе! — снова вскочил Умалат-Хаджи, в голосе его звучала угроза.

За ним поднялся и молчавший до сих пор Харга-Хаджи.

— Не надо торопиться, правоверные, аллах терпелив, — сказал он. — Может, эти заблудшие еще образумятся.

Минуты две продолжалась новая напряженная пауза. Джамалдин молчал, всем своим видом показывая, что ему решительно ни до чего нет дела. Молчал и Асланбек. Пауза затянулась. Тогда старший Шерипов спокойно произнес:

— Я вам уже сказал, что сын мой знает, что ему делать. А сам я считаю, что он поступает правильно.

— А мы думаем иначе! — закричал кадий так, будто у него прорвался наконец голос. — И заставим вас уйти! Или... или выдадим вас генералу Деникину.

На лбу у Асланбека вздулись жилы, сведенные к переносице брови задергались.

— Повторяю еще раз, — оказал он, — что здесь, в горной Чечне, существует одна единственно законная власть — Советская, а потому Шатой придется покинуть тем, кому эта власть не по душе.

— Силы, силы у вас теперь нет! — проворчал Харга-Хаджи.

— Силы! — Асланбек невольно посмотрел на свою шашку, висевшую на стене. Сегодня он был в Шатое один, но нисколько не боялся. — Что ж, это мы посмотрим.

Кадий поймал его взгляд и торопливо затараторил:

— Конечно, ты можешь зарубить нас, но у нас есть люди. Они покарают человека, осмелившегося поднять руку на верных мусульман да еще на служителя аллаха... А главное, вот-вот придут солдаты генерала Деникина, и ты не посмеешь...

— Значит, вы, правоверные, на казаков надеетесь! — Асланбек даже улыбнулся. — Вот так шариат у вас получается: не мусульмане

против гяуров, а вместе с богатыми гяурами, против большевиков и всей бедноты.

— А вот, гладите, уже скачут! — вдруг встрепенулся купец, показывая в окно.

Не без волнения молодой Шерипов тоже глянул в окно. Действительно, по дороге клубилась пыль: там скакал какой-то отряд. Асланбек взгляделся и сразу узнал гнедого коня, на целый корпус опередившего других. Это эскадрон красных конников въезжал в Шатой.

— Ну что, уважаемые старцы, — повернулся он к непрошеным гостям, — вы, кажется, интересовались, есть ли сила у Советской власти?.. Вот она!

III

В роскошно обставленную резиденцию правителя Чечни съезжались важные лица. Гостей встречал хозяин — статный, сухощавый, высокого роста генерал Эрисхан Алиев. Любезно приветствуя каждого, он считал должным обязательно ругнуть купца Абубакара Мирзоева за то, что тот построил такой высокий дом.

Кроме генерала Ляхова, недавно назначенного командующим войсками Терско-Дагестанского края, тут был атаман Грозненской станицы полковник Халеев и еще много офицеров из свит обоих генералов. В числе гостей были и представители местной знати — богатые купцы, нефтепромышленники, среди которых выделялся миллионер Билтоев. Он держался подчеркнуто солидно, но глаза у него минутами становились робкими, как будто он сам еще не до конца был уверен в своем праве присутствовать на столь высоком сборище. Вся эта компания, сбежавшая в свое время от Советской власти, теперь вылезла и праздновала победу.

Генерал Ляхов, несколько неуклюжий в новом английском мундире, заложив руки за спину, говорил, доверительно поглядывая на Алиева, как бы желая подчеркнуть, что здесь считается он только с ним:

— Вы хотите знать, господа, что приказывает его превосходительство верховный главнокомандующий? Я только что говорил с генералом Деникиным по прямому проводу. Он велел передать вам, — Ляхов снова повернулся к Алиеву, — что надо немедленно приступить к очистке Чечни от большевистских банд. Да и с эмиратом этого новоявленного святого, Узуна-Хаджи, пора покончить. Уж больно все они обнаглели! Иначе... — оратор остановился и внушительно оглядел всех присутствующих, — иначе, я думаю, господа, что с нами будет более жесткий разговор. — Он скользнул небрежным взглядом по Ибрагиму Чуликову.

Помощник правителя Чечни по гражданским делам Чуликов, сидевший в углу, прищурил и без того маленькие серые водянистые глаза, шевельнулся на стуле, стараясь устроиться поудобнее.

— Вы что-то собираетесь сказать по этому поводу, господин Чуликов? — Ляхов уставился на него, готовый не столько выслушать,

сколько поймать его на чем-нибудь нечестном.

— Я хочу подчеркнуть, господин генерал, что положение серьезное. Вчера в Шалях обезоружили наших солдат, арестовали офицеров и признали Советскую...

— Да, да, господа, — перебил его Ляхов, — что же это делается? Даже здесь, под нашим носом, в Алхан-Юрте, говорят, правит какой-то учитель Эльдерханов с кучкой красных бандитов. Где же тогда правим мы? — спросил Ляхов, искоса бросив взгляд в сторону Алиева, который слушал его, нахмурившись.

— Вы интересуетесь, господин генерал, каково наше положение, — нервно начал правитель. — Я отвечаю: опасное. И самое печальное, что так обстоят дела не только здесь, в Чечне. — Алиев встал и порывисто прошелся по гостиной, офицеры почтительно расступились перед ним. — Нам, представителям законной власти, — продолжал он, — остается одно: силой усмирить взбунтовавшееся стадо. Среди нас есть и такие, что стали уже громко поговаривать о наших неполадках. — Он взглянул на офицеров, ловивших каждое его слово. Ляхов также слушал его, выпятив нижнюю губу. — Для меня прежде всего — великая и неделимая Россия, и я предлагаю покончить игру в какой-либо либерализм: вешать и жечь!

Длинные холеные пальцы правителя Чечни, как когти, вцепились в край блестящего стола черного дерева, а глаза уставились на Ляхова. Как хорошо знали окружающие, взгляд изнеженного генерала бывал и угрожающим, и омерзительно угодливым, в зависимости от обстановки. Теперь, разъяренный бестактностью Ляхова, затеявшего при посторонних этот крайне неприятный разговор, он искал виновника, на котором мог бы сорвать гнев.

В этот момент, звякнув шпорами, у входа появился адъютант и протянул правителю белый пакет.

— Простите, господа, — оказал Алиев. Он вскрыл пакет, пробежал его глазами и, повернувшись к Ляхову, пригласил его в соседнюю комнату.

Пропустив генерала, он прикрыл за собой дверь и сказал:

— Алексей Петрович, в своей темпераментной речи вы, кроме большевиков, помянули и Узуна-Хаджи, который поносит доблестную Добровольческую армию. Так вот, я получил интересное письмо от

великого визиря этого самого эмирского правительства. Вы знаете этого визиря?

— Самозванного князя Дышнинского? Как не знать! — ответил Ляхов с иронией.

— Тогда послушайте! — Алиев стал читать вполголоса: — «... Правда, мы с вами находимся во враждебный лагерях, но поймите меня, дорогой Эрисхан, у нас с вами есть общий враг — революция. Наша с вами ссора будет только на руку коммунистам...»

— А ведь совсем неглупо рассуждает князь, — заметил генерал Ляхов.

Алиев одобрительно кивнул головой и продолжал читать:

— «Кроме того, хочу сообщить вам, что я не питаю доверия к некоторым лицам, которые прислужничают здесь, при дворе святейшего эмира. Все они желают одного: оказаться на стороне победителя, а кто победит — им все равно. Так что прошу вас, дорогой генерал, не смотреть на нас как на врагов. Настоящие ваши враги — большевики. Разгромите их военные силы, ушедшие в горы, и вы будете победителем, а для победителя у нас здесь всегда найдутся союзники. Я не раз говорил обо всем этом его величеству, но святой старик глух ко всем свежим мыслям, а мне с ним, к сожалению, все еще приходится считаться. Мое к вам глубочайшее уважение и прочее. Иналук Дышнинский».

Алиев положил письмо в карман и вопросительно посмотрел на Ляхова.

— Вот видите, Эрисхан Дигаевич, я прав! — произнес Ляхов, глубокомысленно хмуря лоб. — Я же всегда говорил, что основной корень зла — там, в горах.

— Это как раз я всегда утверждал, — заявил Алиев.

Но Ляхов совсем не собирался ссориться с правителем. Он даже приложил руки к груди.

— Я с вами решительно согласен, генерал, надо вешать и жечь! И, конечно, прежде всего покончить с этими большевистскими бандами, — сказал он, в упор глядя на Алиева.

— Решено. Значит, прежде всего покончить со всеми этими Шериповыми и Гикало! — подвел итог Алиев.

В дверь постучал адъютант:

— Господа генералы, любезная хозяйка приглашает вас к ужину.

Многочисленные гости длинной вереницей уже тянулись в большой зал, где их ожидал роскошный ужин. Посредине огромного стола, щедро уставленного всякими яствами, на исполинском блюде с тархуном в зубах покоился целиком зажаренный баран, окруженный серебряными ведерками со льдом, из которых выглядывали бутылки шампанского. Все это производило очень заманчивое впечатление. Но когда известный нефтепромышленник Абдула-Муслим Билтоев собрался наконец приступить к пиршеству, он почувствовал, что кто-то деликатно трогает его за локоть. Он воровато оглянулся, но тут же успокоился, встретив ослепительную, полную доброжелательства улыбку начальника контрразведки поручика Касьянова.

— Дорогой господин Билтоев, — вкрадчиво промолвил этот милый сосед, — вы не обидитесь на меня, если я буду вынужден пригласить на допрос вашу прелестную дочь?

Билтоев заверил его, что он не будет в обиде, но аппетит у него от этого, кажется, испортился.

IV

Лозанова бросили в переполненную камеру со скользким цементным полом.

Конан сразу почувствовал на себе чей-то взгляд. Он обернулся. С бледного, изможденного лица сквозь очки в медной оправе на него смотрели голубые глаза человека, полулежавшего у входа в камеру.

— Ваня?! — произнес Конон и умолк, сжимая в своих ладонях черную от свинцовой пыли руку товарища.

— Я, дорогой Конон, — с трудом вымолвил Радченко.

Он внезапно тяжело закашлялся и бессильно опустил левую руку, державшую в пальцах кисет и обрывок газеты. Изнурительный кашель глухо и долго kloкотал в его горле. Впалая грудь ходила ходуном, на седых висках проступили капли пота. Конон взял у Ивана кисет и начал скручивать для него сигарку. Он знал, что старику нужно закурить и тогда приступ кашля прекратится.

Лозанов долго смотрел на бледное, с запавшими глазами лицо товарища и думал: «Вот ведь какую замечательную жизнь прожил этот рабочий! Когда он вступил в партию, революция была лишь далекой целью. Но ему довелось дожить до великих свершений, и он может умереть спокойно!»

Интересно, что даже сейчас, в такой момент, быть может накануне казни, Конон ни минуты не сомневался, что дело революции победит, даже уже победило. Он невольно вспомнил почему-то старика Гази, который уехал от него, радуясь, что убрали царя, но тоже тяжело больной: «Конон, если буду на ногах, обязательно приеду, привезу новости из аула...» Но не вернулся!..

Утренний свет чуть пробивался в узкую щель под потолком. В камере не было ни коек, ни нар. Люди сидели и лежали на цементном полу. Острый запах исходил от деревянной параши, стоявшей у входа.

Лозанов различал немало знакомых лиц. Но что это за тонкий, нервный профиль там, у стены? Решид? Молодой Газиев тоже здесь, в тюрьме? И только сейчас Конон осознал страшные масштабы разгрома, который потерпело грозненское подполье. Он спросил Ивана, не вместе ли с Решидом их арестовали. Нет, не вместе, и это очень хорошо.

Потому что его, Радченко, разумеется, тут же опознали, и, оказись молодой человек в его обществе, ему ни за что бы не выпутаться.

Старый большевик не сомневался, что не сегодня, так завтра он будет казнен. Что касается судьбы остальных заключенных, он верил, что большинству из них удастся освободиться. В этом всячески убеждал его один из заключенных, некто Нечволод. Бывший уланский офицер, он вступил в Красную Армию и теперь был приговорен белыми к расстрелу.

Очевидно, услышав свою фамилию, Нечволод подсел к Лозанову и Радченко. Всматриваясь в его смуглое лицо с крупным, как клюв птицы, носом и трагически блестящими глазами, Конон смутно вспомнил, что встречал его во время стодневных боев. Нечволод принялся излагать свои доводы.

— Понимаете, — взволнованно говорил он, — собрав в тюрьму такое огромное количество людей, палачи сами подготовили возможность для бегства. В тюрьме вроде этой можно надежно охранять сотню-другую людей, но много сотен — это уже шалишь! Это сила! Особенно если они организованы. Кроме того, здесь есть один заключенный — Лазарев его фамилия, — он берется как-нибудь темной ночью без особого шума вывести заключенных из тюрьмы... А тогда можно, конечно, незаметно рассеяться по кварталам, но вернее всем вместе выйти из города, без шума убирая встречные патрули... А там — в горы, к Шерипову и Гикало!

Нечволод кликнул своего Лазарева, а Конон с невольным сочувствием подумал: «Понятно, приговоренный смерти боится, вот и торопится уйти до казни!»

К ним подошел Лазарев, высокий, худой человек с длинными руками. Он действительно знал тюремный распорядок идеально, и план был продуман у него до мелочей.

Лозанов силился вспомнить, где довелось ему видеть этого Лазарева, да так и не вспомнил: слишком много людей прошло за жизнь перед глазами старого рабочего.

План общего побега был уже широко известен и горячо поддерживался всеми заключенными. Как видно, оставалось выждать ночь потемнее и действовать.

Нину Лозанову взяли наследующий день после отца на том месте, где она должна была иногда встречаться с ним. Допрашивавший ее Касьянов настойчиво требовал, чтобы девушка назвала настоящую свою фамилию. Но у нее были документы на другое имя, и она упорно отрицала какое-либо родство с Лозановым. Несколько раз ее основательно били, однако она стояла на своем. Касьянов уже выбился из сил и злился всерьез:

— Так вы продолжаете утверждать, что сели на эту лавку случайно?

— Разумеется.

— Но почему же все-таки именно на нее, а не на соседнюю?

— Потому что она мне понравилась.

— Чем?

— Тем, что там тень и мало народу шатается.

— Что-то не заметно, Нина, чтобы в вашей прошлой жизни вы избегали людей!

— Я уже неоднократно говорила вам, что я не Нина, а Таня.

— Брось врать, сволочь! — вдруг заорал Касьянов.

Но девушка не дрогнула, только пожала плечами:

— Но что же делать, если я действительно Таня?

— А почему же в грозненской женской гимназии вас называли Ниной?

— Я уже сказала вам, что училась в гимназии не в Грозном, а в Саратове. Только не кончила ее...

— Хорошо же, — зловеще улыбаясь, произнес Касьянов.

Он встал, подошел к двери и открыл ее.

— Войдите, мадмуазель, — сказал он в соседнюю комнату.

Вошла Хава. Она была бледна, но держалась спокойно. Трудно даже представить себе, что должна была сейчас переживать эта веселая, избалованная жизнью девушка. Офицер усадил ее на стул и сам сел напротив.

— Вам знакома эта женщина? — спросил он, указывая на Лозанову.

Хава минуту всматривалась в измученное, с синяком под глазом лицо Нины и сказала:

— Нет.

— Вы уверены? — забеспокоился Касьянов.

— Уверена.

— Но вы ведь знали Нину Лозанову?

— Да, я училась с ней в гимназии до пятого класса.

— И это не она?

— Даже не похожа, — твердо сказала Хава, глядя прямо в глаза следователю.

Касьянов нервно прошелся по комнате. Потом вызвал конвоира и приказал увести заключенную в камеру. Когда они остались одни, он снова сел за стол и уставился на Хаву.

— Вы мне сказали правду, мадмуазель Билтоева?

— Конечно, — ответила девушка и ужасно испугалась, что покраснеет. Но она лишь еще больше побледнела.

— Странно! — произнес Касьянов неопределенным голосом.

— Я могу уйти? — холодно спросила Хава и встала.

— Нет, задержитесь, пожалуйста, еще немного. — Контрразведчик вдруг опять расплылся в улыбке. Теперь он был полон доброжелательности. — Еще несколько вопросов, если разрешите?

— Пожалуйста. — Она устало опустилась на стул.

Касьянов помолчал немного, как бы ощущая неловкость своего будущего вопроса, потом доверительно, по-отечески заглянул ей в лицо и спросил:

— Милая Хава... извините, что называю вас так... У вас ведь, кажется, был жених?

— Да, — еле вымолвила Хава, заливаясь краской.

— Это некий Асланбек Шерипов?

Девушка молча кивнула головой.

— Вы с ним часто видитесь?

— Он не поддерживает со мной никакой связи. У него другая жизнь.

Касьянов попытался коснуться ее руки, но она быстро отдернула ее.

— А если бы вы написали ему, что хотите видеть его? — Голос собеседника стал совсем воркующим. — Скажем, назначили бы ему свидание?..

— Нет, — резко ответила Хава. — Я ни за что не встречусь с ним!

Касьянов помрачнел.

— Ну что ж, мадмуазель, — сказал он фальшивым голосом, — тогда больше не буду задерживать вас... Передайте мой искренний привет господину Билтоеву.

Хава ушла, и на этот раз настроение у контрразведчика, по-видимому, было испорчено.

В кабинете правителя Алиева происходил неприятный разговор. Генерал Ляхов в присутствии офицера контрразведки Касьянова подводил итоги широкой операции, рассчитанной на полную изоляцию горной Чечни, где крепко держалась Советская власть. Все попытки организовать поимку руководителей чеченской Красной Армии, Шерипова и Гикало, как магнит, притягивающих к себе горскую бедноту, не принесли успеха. Нащупать, пресечь или использовать их связи с грозненским большевистским подпольем тоже пока не удалось.

— Мы упрятали в тюрьму бог знает сколько людей, которые связаны либо могут быть связаны с большевиками, но дальше этого не подвинулись ни на шаг. У нас в руках несколько видных руководителей этой шайки, известных еще охранке, но они, как и нужно было ожидать, молчат, а остальные тоже держатся нагло, и толку от них мало...

— Я уже сказал: вешать и жечь! — выкрикнул Алиев.

— Главных-то мы перевешаем. За этим дело не станет! — Ляхов сидел, развалившись в кресле и даже вроде насмешливо погладывая на правителя. — Но перевешать всех... Мне почему-то казалось, что вы на это не пойдете.

Алиев поджал губы и нервно хрустнул пальцами. Глаза у него забегали.

— М-да, — в смятении промямлил он. — Боюсь, что даже в этой варварской стране это произведет впечатление неоправданной жестокости...

Ляхов многозначительно ухмыльнулся.

— Вот мы, Эрисхан Дигаевич, и решили предложить вам один план. — Он оглянулся на Касьянова. — Понимаете, можно подавить бунт, то есть попросту перестрелять всех заключенных при попытке к бегству.

— Попытка сразу такого количества людей!.. Кто в это поверит! — Алиев брезгливо поморщился.

— Но такая попытка действительно будет. У господина Касьянова в тюрьме есть свои люди.

Правитель с интересом посмотрел на Касьянова и сразу опустил глаза, встретив холодный, полный жестокости взгляд контрразведчика.

— Ну что ж, — промолвил он, подумав, — как это ни неприятно... — конец фразы он предоставил закончить самим собеседникам.

Этот день в тюрьме проходил, как обычно. Шли допросы. Арестованные вступали в пререкания с тюремным начальством, их избивали. В камерах пели революционные песни.

...Поздно ночью во дворе тюрьмы священник тщетно призывал кого-то к предсмертному покаянию. Но вот все затихло: видно, палач выбил табурет из-под ног жертвы.

Вскоре в коридорах тюрьмы послышались торопливые шаги. Заключенные одной из камер связали охрану и тут же открыли двери всех остальных помещений.

Освобожденные устремились к выходу. Только Конон медлил. Он стоял, прислонившись к стене, и мучительное сомнение одолевало его, даже сердце болело. Серьезные подозрения вызывала сама легкость, с которой развивались события. «Не провокация ли это?» — думал старый подпольщик. В это время в камеру заглянул Лазарев с лихорадочно горящими глазами. Он махнул Лозанову рукой, призывая его поторопиться.

— Послушай, Лазарев, не ловушка ли это?

— Что ты, Конон! Я же с вами!

С тяжелым чувством Лозанов поплелся за ним.

Войдя во двор, люди начали расковырять друг друга. В темноте раздался голос Лазарева, который приказывал срочно строиться в колонны. Многие вышли за ворота тюрьмы в кандалах.

В узком проходе тюремного двора раскачивалось тело повешенного Ивана Радченко. Холодный ветер трепал полы его серого бешмета.

Нечволод повел людей через Романовский мост, по главной улице города. Лозанов, придерживая рукой тяжелые кандалы, шел и все старался вспомнить, где же он до этого видел Лазарева. Давно это было или недавно?.. И вдруг совершенно отчетливое воспоминание пронзило мозг.

...В городском саду проходил митинг. На трибуне долговязый офицер нелепо размахивает руками. Да, то же лицо, только с усами... «Надо немедленно браться за оружие и разгромить Чечню!» — надрывается оратор, и аудитория отвечает ему одобрительным гулом. «Вахмистр Лазарев прав!» — кричит кто-то...

Лозанов рванулся, путаясь в цепях, побежал в голову колонны, попытался остановить толпу, но его никто не слушал.

Люди двигались все вперед, наполняя сонную улицу топотом торопливых шагов и кандалным звоном.

Тут Лозанов заметил, что какая-то тень, незаметно отделившись от колонны, шмыгнула в проулок между домами. «Он, Лазарев!» — не столько увидел, сколько угадал Конон. Объятый глухой яростью, он бросился за ним. Тень неслышно кралась, прижимаясь к глухим стенам и высматривая темный дворик, куда можно было юркнуть и скрыться.

Лозанов, как ястреб, кинулся на врага. Тяжелой цепью ударил по голове, повалил на мостовую, стальными пальцами рабочего человека, словно клещами, сдавил горло.

— Предатель, сволочь! — с ненавистью прошептал он.

— Это не я... Главный — Нечволод! — прохрипел Лазарев, извиваясь на земле. Потом он затих.

— Готов, — услышал Конон чей-то знакомый голос. Оглянулся: это был Решид.

В этот момент что-то тяжелое навалилось на самого Лозанова. Он почувствовал удар, другой. Пятеро вооруженных казаков, невесть откуда выскочивших в переулок, схватили его и били куда попало.

— Беги! Ты обязан предупредить!.. — успел крикнуть он.
Последнее, что услышал старый большевик, была фраза:
— На фонарь его!

...Когда шествие заключенных миновало мирзоевский дом, а передние ряды дошли до поворота Поселянской улицы, город был поднят внезапной и беспорядочной стрельбой, криками и проклятиями людей. Разбуженные жители в ужасе стояли у окон, мучительно всматривались в темноту, но никто, кроме Ляхова и Алиева да Касьянова, не знал подробностей случившегося. С улиц все громче доносились выстрелы, крики о помощи и топот бегущих людей. Тревога не утихала вою ночь. Когда уже стало светать, по улицам проскакал белогвардейский эскадрон. На неосвещенной — Бульварной долго еще слышались предсмертные стоны.

Утром, когда горожане вышли из домов, улицы города были усеяны трупами. Повсюду шныряли полицейские, разъезжали конные казаки.

У края тротуара валялись окровавленные шапки, женские туфли, раздавленные копытами коней. На ржавом гвозде, торчавшем в заборе, болтался клочок чьей-то белой окровавленной рубашки. Недалеко от

торгового дома на фонаре висел Конон Лозанов. На одной ноге у него был потрепанный ботинок, другая была разута. Ветер раскачивал труп, и кандалы, стучаясь о металлический обруч на столбе, уныло звенели.

В траур погрузились рабочие кварталы. Народ угрюмо молчал. А по Дундуковскому проспекту, мимо роскошных магазинов, развалиясь на бархатных сиденьях фаэтонов, разъезжали разнаряженные нефтезаводчики, купцы, белогвардейские офицеры и их дамы.

Медленно катилось над городом по-зимнему холодное солнце. Вот уже запад охватило зарево. По вечернему небу, уткнувшись острием в солнце, вытянулось тонкое облако, похожее на саблю. Острый конец его был темно-красного цвета, как будто с сабли стекала кровь...

Отступившие из Грозного повстанческие войска под командованием Шерипова и Гикало обосновались в селении Алхан-Юрт и в крепости Шатой. Отдельные отряды были сосредоточены в ауле Гойты и на Гекинских хуторах. Больных и раненых бойцов приютили у себя крестьянские семьи. По аулам ходили слухи, что белогвардейцы готовят наступление на горные районы, поэтому нужно было думать о пополнении, словом — о создании настоящей регулярной чеченской Красной Армии.

Утро в Шатое оставалось пасмурным, хотя мрачные дождевые тучи и начинали рассеиваться. Солнце то сияло ярким золотом, то снова исчезало за облаками, когда Шерипов с Гикало переехали маленькую речушку Сатой-Ахк.

— Давай, Николай, пустимся вскачь, — предложил Асланбек товарищу, осаживая гарцующего коня.

— Опасно. Смотри, какие здесь кручи, — отозвался Гикало.

— Ну а если бы потребовалась идти в атаку? Давай!

Николай Федорович молча придержал своего гнедого жеребца с белой звездочкой на лбу, выравниваясь с товарищем.

Кони рванули вперед и понеслись, охваченные азартом состязания. Земля загремела барабаном под коваными копытами, взметнулась пыль с мелкой щебенкой. Всадники неслись, совершая небезопасные крутые спуски и повороты. Так мчались они несколько минут, не уступая друг другу. Но вот гнедой вырвался вперед. Больше рисковать было нельзя. Придержав своего коня и почти вплотную прижав его к утесу, Гикало пропустил Асланбека вперед.

— Вот видишь, в атаку ты опоздал бы, — засмеялся Николай Федорович.

— Нет, — ответил Асланбек, — в атаку бы я не опоздал. Но ты молодец, не знал, что найду в тебе такого джигита.

— А как же!

— В нашем деле это необходимо.

С минуту они оба молчали.

— А помнишь, Асланбек, как весной семнадцатого ты вместе с товарищами отбил меня у жандармов?

— Помню, — улыбнулся Шерипов. — Только сейчас мне кажется, что это было в детстве...

— Нет, просто это было начало. И хорошее начало!.. А теперь мы вместе собираем части Красной Армии, бок о бок сражаемся с врагами революции.

Асланбек с чувством пожал руку друга.

— Как это говорят чеченцы, — задумчиво произнес Гикало, — «Не бойся смерти, но бойся одиночества». Так, что ли?

— Так, Николай, так.

— Одиночество действительно хуже смерти. Именно поэтому деникинцы и пытаются изолировать нас, оставить нас в одиночестве.

— Напрасно пытаются! — Шерипов отпустил поводья и перешел на рысь. — Только и нам нельзя время терять. Надо поднимать народ, Николай, иначе мы в самом деле окажемся одинокими.

— Конечно, надо. Но вот ваши шейхи да муллы...

— А что шейхи? Теперь народ начинает понимать, что шейхи и муллы заодно с Деникиным. На днях мы с Магометом Батаевым были в Нижалах. Так вот, там на митинге мулла пробовал выступить против нас. И что, ты думаешь, ему сказали аульчане? «Мулла, пожалуйста, читай свои молитвы и сиди на своей пестрой кошме. Ведь тебе самим кораном предписано жить в тишине и мире. Зачем же ты путаешься в наши тревожные дела? Не надо, оставь нас, мы сами с ними справимся».

— Вот это здорово! — развеселился Гикало.

— И знаешь, из Нижалов придет около двухсот всадников для пополнения наших частей. Нет, Николай, в горах есть еще столько сил, что можно будет не одного Деникина одолеть...

— Правильно, Асланбек. А ну, как это сказал грузинский писатель Важа Пшавала? «У труса разве есть враги? Их много только у героя». Так, что ли?

— Так...

Николай Федорович до этого почти не бывал в горах Чечни. Теперь он решил вместе с Асланбеком объехать аулы, расположенные по ущельям Аргуна и Шаро-Аргуна.

Гикало увидел узкую полоску земли, тянущуюся под обрывом у самой реки, где торчали кукурузные бодыли, и сказал:

— Нелегко тому, кто на урожай с этой делянки вынужден кормить целую семью. Куда же ему идти, как не в революцию!

— Тем более, когда ему и этот урожай не дают спокойно собрать, — поддержал его Шерипов.

Людям неискушенным трудно понять, как в горах Чечни может жить человек да еще кормить семью. Из-за недостатка земля жилища лепятся к скалам, как ласточкины гнезда. Дворов почти нет. Аулы, как правило, строятся вокруг старых боевых башен — бавов. Когда-то, в далекие времена, под прикрытием этих башен-крепостей вайнахи защищались от нашествий врагов. Теперь бавы служат лишь свидетельством жизни древних родов. Предок любого чеченского рода был обладателем такой башни, родовой горы и родового котла, склепанного из стольких листов меди, сколько у него было членов семьи.

Башни эти носят на себе как бы отпечаток образа жизни их древних обитателей, строились они из камней, в два или три этажа. В нижнем держали скот, а наверху жили хозяева. Первое, что бросается в глаза при входе в такое жилище, — это камин — товха — и висящий в нем на железной цепи котел. Вдоль стен вместо кроватей — длинные нары, застланные матами из камыша, кошмами, а у богатых — и коврами; посреди комнаты обычно низенький стол на трах ножках и такие же стулья.

Проехав еще одну горную речку, Гикало с Шериповым свернули налево, и перед ними открылся аул Гатен-Кал.

— О, посмотри, какая интересная башня! И выглядит так, будто ее вчера построили, — сказал Гикало, показывая на бав, стоящий на площади в самом центре аула.

— Он и построен недавно по сравнению вон с той. — Асланбек кивнул на другую башню, возвышавшуюся над острой скалой.

— Ну а сколько же примерно лет этой, что помоложе?

— Лет четыреста, не больше, — ответил Шерипов.

— Ого, ничего себе недавно!

— Рассказывают, что строитель этой башни враждовал с сильнейшим родом Памтой, от посягательств которого ему приходилось отстаивать свою независимость. Однажды он похитил красавицу из этого рода и исчез. Потом у супругов появились дети, и они снова вернулись на эти земли. Тогда из уважения к своим племянникам памтоевцы разрешили зятю построить эту вот башню, назвав ее Гатта-Кал, что означает «Вставай, крепость». Иными словами, он должен был немедленно убраться прочь, если не уживется с памтоевцами.

Аул будто карабкался по берегу Шаро-Аргуна, среди живописных гор и альпийских лугов. Недавно прошел дождь, и воздух был насыщен свежим запахом горных трав. Восток лежал в таком нежно-голубом озарении, что от него трудно было оторвать глаз. На склоне высокой горы, словно заснувшие серые тучи, паслись отары овец. Оттуда едва доносился лай овчарок и редкий окрик пастуха.

Друзья уже хотели спускаться в аул, когда услышали цокот копыт у себя за спиной. Они оглянулись, и тут как раз из-за поворота показался всадник, ловко сидевший на сером коне. Всмотревшись в него, Гикало крикнул:

— Смотри, это же Элса! Откуда он взялся?

Старик подъехал к ним степенным шагом.

— Я узнал, что вы направились в эти края, и последовал за вами, — сказал он, ласково пожимая протянутые руки. Только глаза у него были печальные.

Молодые люди, собиравшиеся встретить уважаемого друга похвалами его юношеской выправке, невольно удержали уже готовые сорваться слова и ждали, чтобы он заговорил первым.

Элса снял папаху и костлявой рукой вытер вспотевший лоб.

— Я приехал с дурной вестью, — сказал он наконец. — Позапрошлой ночью в Грозном белые, да покарает их аллах, совершили злое дело. Они перебили всех, кто был в тюрьме. Нет у нас больше Ивана, нет Конона и многих, многих хороших людей, кто был с нами...

VI

Весть о грозненской резне, как громом, поразила гатенкалинцев. Горцы понимали, что от деникинцев, оказавшихся способными на такую жестокость, не приходится ждать хорошего. Понимали они и то, что удар этот направлен был и против них, потому что именно погибшие большевики дали им землю.

В доме крестьянина Дарты собралось много народу. Здесь были соседи и приезжие из ближайших аулов. Все хотели увидеть знаменитых Гикало и Шерипова, услышать от них правду о жизни, расспросить о том, как им жить и что делать в эти грозные дни. Хлебосольный хозяин, обрадованный посещением таких дорогих гостей, зарезал барана. На кухне суетились женщины.

Гикало не скрывал от людей тяжелого положения, которое сложилось для Советской власти на юге России. Наоборот, он предупреждал:

— Сейчас Советская власть в опасности. Судьба ее зависит от нас самих. Мы сами должны спасти ее, если хотим жить по-человечески.

О том же говорил собравшимся и Асланбек.

Перед тем как подать ужин, в комнату вошла хозяйка и остановилась у входа — высокая, худощавая, слегка горбоносая.

— Да будет с миром ваш приезд, гости! — сказала она, поправляя на впалой груди темное ситцевое платье в мелкую горошину.

— Пусть я у вас будет мир и счастье! — ответил за всех Асланбек, слегка приподнявшись с места.

Хозяйка осведомилась о здоровье гостей и их семей.

Асланбек спросил о том же: здоровы ли и как поживают члены семьи, родственники и близкие дома Дарты.

Хозяйка поблагодарила Асланбека и ответила, что все живы и здоровы. Но, пока она говорила все это, ее черные внимательные глаза искали на широкой тахте удобное место, где бы можно было расстелить скатерть и расставить блюда так, чтобы это было удобно гостям.

Она извинилась и вышла. Тут же вошли двое молодых людей.

Один из них внес небольшой медный тазик и кумган и предложил гостям помыть руки, второй расстелил на тахте большую розовую скатерть. Затем оба вышли и принесли ужин: отварную баранину, кукурузные галушки и горячий чесночный настой в белых фарфоровых чашках. Большое овальное блюдо с хорошо приготовленной бараньей головой и грудинкой поставили перед самым почетным гостем дома — Гикало.

— Мы принимаем вас, Дикало^[5], всем, чем богат наш дом, с открытой душой, поверьте, — сказал Дарта, пододвигая гостю блюдо с головой барана.

— Спасибо, Дарта, я верю вам.

Все присутствующие, словно сговорившись, выжидательно смотрели на Николая.

Тот, не скрывая улыбки, заговорщически кивнул Асланбеку и, осторожно отрезав ножом сухую часть левого уха барана, отведал его, потом отрезал второе ухо, разделил его вдоль и предложил двум своим товарищам, сидящим справа и слева; наконец, отрезав кусочек от грудинки, сказал на чеченском языке:

— Берите, ешьте, — и передал баранью голову Асланбеку.

— Нет, нет, она для тамады, — возразил Шерипов и вернул голову обратно.

— Как тамада, я прошу, чтобы ты отведал эту голову, — сказал Гикало.

Шерипов разделил голову на всех.

Весь этот вечер Гикало приковывал к себе особенное внимание собравшихся. Они с пристальным интересом ловили каждое его движение, взвешивали и принимали к сведению каждое его высказывание, с удовольствием отмечая знание горских обычаев и уважение к ним. И это понятно: Шерипов был свой, чеченец, Элса тоже, а этот русский большевик для большинства из них был целым миром, новым и незнакомым.

Вечер подходил уже к концу, когда слово взял высокий худой крестьянин из соседнего аула, до этого лишь разглядывавший гостей.

— Нас настраивают против русских, — сказал он, — а русских — против нас. Но, чем больше мы узнаем таких людей, как вы, товарищ Дикало, тем яснее мы видим черную душу этих обманщиков. Сегодня, когда над горными аулами собирается большая беда, вы и ваши товарищи, русские, собираетесь защищать нас, как подобает братьям. Чеченцы воспоют этот день в песнях своих. Чеченец умеет любить друзей и ненавидеть врагов. Мы с вами навеки, Дикало. Ты слышишь, Асланбек, это и для тебя.

— Я слышу, спасибо тебе, Гада, — повернулся Шерипов к высокому крестьянину.

— Мы готовы умереть за дело народа! — горячо воскликнул юноша, стоявший у двери.

— Нет, не надо умирать, жить нужно, только по-новому, по-доброму, — с удовольствием глядя на него, бросил Гикало.

— У вас, говорят, и сотни бойцов не записалось в отряд, правда ли это? — спросил вдруг Асланбек, поворачиваясь к Дарту.

— С оружием у нас плохо, Асланбек, а многие и без коней. Не знаем, как нам быть, — признался Дарта.

— Оружие мы дадим, — сказал Шерипов. — В нашем деле пехотинец нужен не меньше, чем кавалерист.

— Если так, то считай всех наших аульчан, способных носить винтовку, своими бойцами! — заявил довольный Дарта и пожал руку Шерипову.

По возвращении в Шатой Шерипова и Гикало ждала приятная неожиданность. Там застали они Газиева, с которым не виделись с тех пор, как покинули город. Он приехал из Гойт в сопровождении своего верного товарища, Хамида, ставшего ему еще ближе после смерти Петимат. Решид привез важные вести, но друзья так давно не виделись и так много пришлось молодому человеку пережить за это время страшного и трагического, что его прежде всего засыпали вопросами. Ему пришлось рассказать и о тюрьме, и о предательской провокации, о смерти Лозанова, наконец о страшных картинах избиения безоружных заключенных, свидетелем которых он оказался. Горец поведал им, как, избежав смерти, скрывался в подполье и лишь неделю спустя выбрался из города и бежал в Гойты.

Молодые командиры и старый Элса слушали его, сжимая кулаки и время от времени прерывая гневными возгласами. Только когда самое главное было рассказано, разговор стал более спокойным.

— Генерал Ляхов с Алиевым собрали в Грозном «представителей» чеченского народа и провели съезд, — сказал Решид.

— А много было делегатов на съезде? — поинтересовался Шерипов.

— Вы же знаете, что в Чечне более трехсот сел, а на съезде присутствовали представители лишь семи или, кажется, восьми. И, представьте себе, они не постыдились назвать решение такого съезда волей чеченского народа! — с возмущением сказал Газиев.

— А что слышно от наших товарищей из города? — спросил Гикало.

— Нашим товарищам сейчас там очень трудно, — ответил Решид. — Остались Дмитрий Халов, Чертков. Это из старых большевистских кадров. Есть, конечно, люди менее опытные. Но в основном партийная организация разгромлена. Рассказывают, что белые так лютуют, что хватают каждого встречного.

— Это очень печально, — задумчиво произнес Асланбек. — Во время будущих боев нам нужна будет активная помощь городского подполья. Кроме того, нам очень важно знать, что делают и собираются предпринять против нас деникинцы.

— А что, если мне пробраться в город? — спросил вдруг Николай Федорович.

— Нет, нет, тебя там каждый встречный знает! В город пойду я, — сказал Шерипов.

— Вот уж нашелся, кого не знают! — усмехнулся Гикало. — Ты у них уже давно примечен. Нет, ты не пойдешь в город...

— Подождите, Николай Федорович, — перебил его Решид. — У меня от волнения вылетело из головы самое главное, убил время на проклятого генерала. Получено письмо от Серго. — Газиев достал из внутреннего кармана черкески пакет и передал его Гикало.

— «Товарищам Н. Гикало или А. Шерипову», — прочитал тот надпись на пакете. — Что же ты сразу не сказал? — Николай уставился на Решиду.

— Забыл, увидев вас.

Николай Федорович бережно распечатал конверт, вынул письмо и начал читать вслух:

— «Мы находимся сейчас в Фуртог-ауле. Несмотря на то, что революция переживает самые тяжелые дни, мои боевые друзья работают здесь вдохновенно и полны решимости, — писал Серго. — Хотя контрреволюция в предсмертных судорогах и имеет временный успех, но мрачные дни пройдут. Мы не должны впадать в отчаяние. Мировая история знает подобные примеры. Сегодня торжествует враг, но завтра мы будем праздновать победу, нас не сломят временные неудачи».

Серго писал и о задачах:

«Что мы должны делать сейчас? Учитывая свои прежние ошибки, объединить все прогрессивные силы. Большинство ингушей поднялись с оружием в руках и готовы бороться до последнего. В Осетии тоже идет активное объединение наших сил. Я прошу вас уделить особое внимание событиям в Грозном. Два дня назад Ленин передавал привет всем нашим товарищам. Он просил сказать, что в Москве ни на минуту не забывают нас. Красная Армия, с боем форсировав Дон, спешит к нам на помощь. Из Астрахани готовится ударить на врага Одиннадцатая армия», — продолжал читать Гикало письмо чрезвычайного комиссара.

В комнате стояла мертвая тишина. Слышался только рокот реки за окном.

— «Будьте бдительны по отношению к Узун-Хаджи и его сообщникам, которые обосновались в Ведено, — советовал Серго. —

Старайтесь избегать столкновений с ними, но ни на минуту не доверяйтесь им...»

Терские революционеры, отрезанные от страны, Москвы и ЦК партии, зажатые белогвардейцами в тиски, мужественно переносили все тяжести и невзгоды. Вести о событиях в стране доходили сюда не часто. Поэтому письмо Серго здесь, в горах Чечни, было особенно дорого.

Тишину нарушил Асланбек:

— Серго правильно предупреждает нас насчет Веденских авантюристов. Хотя мы и сами знаем им цену. А вот о том, чтобы обеспечить их нейтралитет, если не помощь, надо позаботиться. И насчет Одиннадцатой армии тоже. Ах, если бы там, в Астрахани, знали, в каком положении мы находимся и как нужна нам их помощь!..

— Да, связи с Одиннадцатой армией у нас, к сожалению, нет, — задумчиво произнес Гикало, — послать бы в Астрахань кого-нибудь... Но это должен быть верный, смелый и очень ловкий человек. Ведь идти придется далеко, и все по территории, занятой врагом.

— Пошлите Хамида. Я за него ручаюсь, — предложил вдруг Решид.

— И верно, — оживился Асланбек, — он парень с головой!

— Ну что ж, решено, — сказал Николай, — я сегодня же напишу для него письмо... А насчет эмира, по-моему, вот что надо сделать: отправим к нему посольство во главе с каким-нибудь умным человеком. Вроде Элсы, скажем. Как вы думаете?

Старый горец, на которого теперь обратились все взгляды, даже покраснел от волнения, но принял это почетное предложение с полным достоинством.

— Что ж, если надо, можно съездить и к эмиру. Конечно, Узун-Хаджа хитрец великий, но, когда дело вдет об интересах народа, старый крестьянин может оказаться не глупее его!

Асланбек согласился с предложением Гикало. Особенно он был доволен тем, что поедет именно Элса.

— Это очень хорошо, — сказал он старику. — Воином ты, Элса, был, и это понятно: у нас каждый горец воин. Недавно политическим деятелем стал — заседал в Гойтинском Совете. А теперь будешь дипломатом.

— Поеду посмотрю, как святой человек четки перебирает, — скромно ответил Элса, лукаво поблескивая глазами.

...А вечером Николай Федорович Гикало передал Хамиду письмо для Сергея Мироновича Кирова.

— Смотри, будь осторожен. По пути выдавай себя за кого хочешь, но письмо ни в коем случае не должно попасть в руки врагов, — сказал он.

— Знаю. Не беспокойтесь.

Когда Хамид ушел, Николай Федорович еще долго провожал его глазами. Он верил, что этот молодой человек прорвется через все преграды и донесет весть о них к берегам великой реки Волги.

VII

Серый каменный дворец эмира Узун-Хаджи стоял над высоким обрывом. Подножие его омывали светлые волны горной реки Хулхулао. За рекою раскинулся дремучий лес, а за лесом возвышались горы, с красотой которых ничего на свете не сравнится.

В лагере контрреволюции узун-хаджинцы и деникинцы противостояли друг другу, как непримиримые хищники. Для большевиков это было очень выгодно: можно было использовать эту вражду. Поэтому они поставили себе задачу сделать эмира своим временным союзником против деникинцев. С этой миссией от штаба повстанческих войск и прибыл в Ведено старик Элса в сопровождении Магомета Батаева.

В глубине небольшого зала, который, казалось, был весь слеплен из текинских ковров, в высоком кресле сидел маленький, благообразный старичок с молочно-белой бородой. Одет он был в зеленый халат. На его крохотной голове была чалма из белого шелка, увенчанная таким же белым, пышным султаном. Это и был святой повелитель нового эмирата Узун-Хаджи. Его булавоочные карие глаза все время нервно перебегали с одного предмета на другой. И сам он был весь такой же беспокойный, подвижный, словно его что-то тревожило и мешало спокойно сидеть в этом пышном кресле. В руках повелитель держал темно-желтые янтарные четки, которые время от времени сосредоточенно перебирал.

Подняв правую руку с четками, эмир сделал знак, и к нему приблизились трое пожилых мужчин, тоже в белых чалмах, накрученных на черные папахи. Это были его советники и переводчик с аварского языка. Один из советников обратился к повелителю с какой-то просьбой, и тот ответил ему кивком головы. Затем эмир что-то сказал второму советнику, который тотчас поклонился и медленно направился к выходу.

С минуту Узун-Хаджи сидел неподвижно, глядя в узкое высокое окно, чуть завешенное шелковыми шторами. Сквозь них падал свет на его ноги, обутые в башмаки из персидского сафьяна. Потом, словно нехотя, эмир повернулся в зал.

— Расскажите, что вы привезли нам? — спросил он, обращаясь к Элсе негромким, но повелительным голосом.

Элса передал эмиру большой салам от шатоевцев, пожелал ему доброго здоровья на благо народа и очень коротко изложил предложение штаба повстанческих войск Шатоя.

— А кто послал вас говорить со мной? — спросил эмир, уже глядя куда-то в сторону.

— Я говорю от имени шатоевцев, — ответил Элса.

— От кого именно? — повысил свой писклявый голос повелитель.

Элса с минуту молчал, боясь вызвать гнев капризного святого, назвав имена главарей большевистского движения.

Магомет Батаев в поношенной, но опрятной черкеске стоял сзади Элсы, его слегка раскосые глаза сосредоточенно смотрели на эмира. Он сразу почувствовал волнение Элсы, которое, казалось, передалось стулу, заскрипевшему под стариком.

Толмач еще раз перевел Элсе последний вопрос эмира, полагая, что тот не понял его. И тогда Элса ответил:

— Меня уполномочил говорить с вами, ваше величество, Асланбек Шерипов.

— А-а, Шерипов, Шерипов!.. — Эмир сокрушенно покрутил головой. — А Гикало? Есть у вас там такой? — спросил он, все так же не глядя на Элсу.

— Есть, — ответил посланец.

— А он что говорит? — слабо улыбнулся Узун-Хаджи.

— Он говорит то же самое, ваше величество.

— Так, значит, вы от их имени говорите?

— Да, ваше величество.

Эмир с минуту молчал, молчали и все присутствующие. Затем он начал говорить снова, не глядя на своего собеседника, будто обращаясь к самому аллаху:

— А знают ли эти ваши Шериповы и Гикало, что мы не хотим ни республики, ни конституции, что мы молим у аллаха единственно об одном: позволить нам собрать всех исповедующих истинную веру.

Элса хоть и не был уверен, что отвечает правильно, твердым голосом оказал:

— Видно, знают, ваше величество, иначе они бы не поручали нам говорить с вами.

— А вы тоже можете подтвердить это? — неожиданно спросил эмир у Батаева.

Магомет оторопело посмотрел на эмира. Но, быстро собравшись с мыслями, оказал:

— Старый Элса говорил устами наших руководителей и всех шатоевцев. Это так, святой повелитель, мы вам принесли мир и дружбу, и вряд ли здесь нужны свидетели.

Эмир бросил на него недовольный взгляд. Потом стал быстро-быстро перебирать четки, шевеля при этом губами. Это значило, что он читает про себя какой-то стих из корана. Затем, прерывая разговор с посланцами, святой заявил, что ему нужно остаться наедине с аллахом и посоветоваться.

Элса едва сдержал улыбку и, почтительно поклонившись его величеству, в сопровождении Батаева удалился из покоев эмира.

Через час один из советников эмира сообщил Элсе и Магомету, что святой повелитель согласен быть в союзе с советскими войсками. Но командовать всеми вооруженными силами будет он сам через своего великого визиря. Тут же Элса с Магометом выехали из Ведено.

...Самозванный эмир Узун-Хаджи еще в первые дни революции объявил себя не только вождем народа, но и единственным представителем бога в горах. С кучкой приспешников, среди которых были обманутые невежественные горцы и бывшие блестящие офицеры царской армии, фанатики мусульмане и люди, не верящие ни в бога, ни в черта, Узун-Хаджи обосновался в небольшом дворце у излучины реки Хулхулао.

— Все имамы провозглашали себя здесь. Столицей славного эмира назовут теперь это место, — сказал он, приехав в Ведено. — Аллаху служить буду я, а войне служить будете вы. Для вас нет никакой опасности. Сколько листьев упадет с чинары после одного моего выстрела, столько товарищей окажется у вас, — убеждал новоявленный имам эмир-шейх Узун-Хайр-Хаджи-хан доверчивых людей. В день торжественного объявления «власти святого эмира» имам сам выбрал себе это длинное имя. Но люди, стараясь выразиться короче и точнее, называли его Цузам-Хаджи^[6], может быть, за то, что он не расставался с огромным посеребренным чайником, или потому, что был он нестерпимо болтлив.

Войско эмира расположилось в лесу. Провизией оно, разумеется, не располагало, а в качестве «интенданта» использовало свою единственную пушку.

«Двести чуреков и одного быка к столу войска», — означал выстрел, произведенный из этой пушки по одному из пяти аулов, окружавших столицу эмира.

Выстрел порой приносил добычу, особенно если стреляли в аул, разьедаемый внутренними раздорами. Но зачастую люди, сговорившись, отвечали «лесным рыцарям»:

— Надоели нам обжоры Цузам-Хаджи. Нам и самим-то есть нечего.

И тогда завязывались дипломатические переговоры, которые заканчивались удовлетворением требования войска наполовину, и то больше из жалости к живым людям.

— За последнее время в горах объявилось больше имамов, чем блох в собачьей шкуре, и каждый сегодняшний свергает вчерашнего! Разве всех их прокормишь! — ругались обозленные крестьяне.

Узун-Хаджи не продержался бы здесь так долго, если бы в крепости Ведено не оказался лжекнязь Иналук Дышнинский.

Князь Дышнинский держался очень высокомерно и был скрытен и в беседах, и в жизни. Высокий и статный, он выглядел важным. Лишь иногда в его маленьких светло-синих глазах прыгали хитрые чертики, показывающие, что человек этот ни во что не верит, а просто дурачит доверчивых людей. Никто не знал, как попал в его руки фирман с указом султана Турции: «Объединить всех мусульман Северного Кавказа под моим зеленым знаменем». Но когда этот указ увидел эмир Узун-Хаджи, то, не задумываясь, сказал:

— С сегодняшнего дня ты мой любимый визирь. Составь мне кабинет министров!

Мохаммад Киамил-хан, князь Иналук Дышнинский, сын Арсануки — такое громкое имя эмир дал своему новому ближайшему сподвижнику.

Мохаммад Киамил-хан, ловкий в таких делах, быстро составил список «министров», добрая половина которых были совершенно неграмотные люди. Себе князь оставил портфели трех министров. Впрочем, князь Дышнинский являлся опасным противником революции, за ним шли многие.

Формально Мохаммад Киамил-хан строил молниеносные планы против Деникина, произносил витиеватые речи об исламе и шариате, а на самом деле терпеливо ждал удобного случая подавить революцию.

VIII

На совещании в штабе у генерала Ляхова за большим столом, покрытым зеленым сукном, собрались офицеры всех рангов.

Генерал сидел в мягком кресле и, улыбаясь, дочитывал письмо «дамы сердца», поздравлявшей его с успехами «в этой дикой Чечне» и выражавшей надежду, что скоро командующий войсками Терско-Дагестанского края призовет ее к себе, чтобы поделиться с ней успехами и славой.

Напротив генерала стоял худой, длиннолицый капитан в голубам кителе, такой же прилизанный и надушенный, как и его патрон. Чуть поодаль от стола, рядом с полковником Колесниковым, исполняющим обязанности начальника штаба, стоял полковник Соколов в уланском мундире. Его колючие серые глаза бегали по лицам собравшихся нагло и вызывающе. Низкорослый и довольно толстый, он выглядел в своем мундире несколько опереточно, да и замашки бравого вояки никак не вязались с его внешностью. В хорошем расположении духа полковник дарил окружающих каким-то подобием улыбки. Сегодня эта улыбка была особенно заметна, так как генерал только что при офицерах назвал его «лихим молодцом и надеждой самодержавия» за бандитский налет на чеченский аул Хадис-Юрт.

Адъютант, почтительно склонившись, что-то прошептал Ляхову и услужливо развернул на столе топографическую карту.

— Присаживайтесь, господа, — сказал генерал, пряча письмо в боковом кармане голубого кителя.

Он дождался, пока все займут свои места, и принялся неторопливо и подробно разбирать сложившуюся на фронте обстановку.

— Учтите, господа офицеры, — продолжал генерал после напряженной паузы, — что волк, даже попавший в капкан, не перестает быть опасным... Этот большевистский комиссар Шерипов не спит. За последние дни он успел побывать во многих аулах близ Грозного и увлечь в горы несколько сот повстанцев с полным вооружением. В Гойтах все недовольные нами группируются вокруг крамольного учителя Эльдерханова...

Снова наступила тишина. Полковник Колесников, предварительно испросив разрешения, достал из серебряного портсигара папиросу и

закурил, отгоняя от себя табачный дым. Затем, как бы нехотя, заговорил:

— Не кажется ли вам, господин генерал... — Колесников прищурился от папиросного дыма, — не кажется ли вам, — повторил он, — что столь срочные разъезды комиссара Шерипова и передвижения его людей означают нечто иное?

— Говорите яснее, полковник, — с раздражением произнес Ляхов.

— Я думаю, господин генерал, что большевики готовятся не столько к обороне, сколько к наступлению. Поэтому ваше предложение о внезапной атаке на Гойты представляется мне рискованным.

Ляхов не смог сдержать гнев:

— Это не предложение, а приказ для вас, господин полковник! Когда приказ получен — надо быть солдатом, а не политиком.

На совещании обсуждались предстоящие операции против самого уязвимого гнезда большевизма — шатоевской группы войск.

Для начала предполагалось захватить аул Гойты и блокировать выход из Шатоевского ущелья.

— Его превосходительство верховный главнокомандующий недоволен нашей медлительностью. Он приказывает в кратчайший срок захватить Шатой, — сказал Ляхов, и взгляд его по-монгольски узких глаз остановился на Соколове. Он ткнул отточенным концом синего карандаша в кружочек на карте, сжатый коричневыми и зелеными пятнами лесных массивов и гор.

В комнате воцарилась тишина, которую нарушил бой больших настенных часов.

Полковник Колесников бросил недокуренную папиросу в пепельницу и молча смотрел на Ляхова.

— Я полагал, господин Колесников, что вы расскажете нам о другом, — после некоторой паузы заговорил генерал. — О том, что происходит сейчас в стане большевиков. Ну что ж, так и быть, придется это сделать мне вместо вас, начальника штаба. — Он немного отдышался. — За последнее время мятежники успели сформировать чеченскую Красную Армию, в которой уже насчитывается более двух с половиной тысяч пеших и конных добровольцев. Наибольшее количество пополнений выставили им Гойты — пятьсот двадцать человек. — Краем глаза он глянул в сводку донесения контрразведки. — Затем... — Заложив холеную белую руку за борт

кителя, генерал грузно откинулся на спинку кресла и покосился в сторону Касьянова, который стоял у раскрытого окна. — Затем, — многозначительно повторил Ляхов, — сообщают, что некоторые из городских рабочих, также вооружившись, перебегают к ним. Кончать, кончать пора эту игру, господа!..

Совещание приняло план Ляхова: прежде всего покончить с аулом Гойты.

IX

В районе Азамат-Юрта Хамид переправился через Терек и зашагал по направлению к станице Старогладковской. Путь его лежал по бесприютно унылой песчаной степи, где не было и признаков человеческого жилья. От одного вида ее у молодого горца стало тоскливо на душе.

Впрочем, встречи с людьми и не входили в его планы. Он и сам старался держаться в стороне от населенных пунктов. Но мало ли какие чувства могут нахлынуть на живого человека в дороге!

Снег уже сошел, только в затаенных прибежищах зимы — по оврагам да камышовым буеракам — прятались еще серые клочья последних сугробов. Ветер доносил слабый запах прошлогодней травы перекасти-поле. Земля лежала еще смерзшаяся, сизо-бурая, не ожившая.

Птицы летают здесь целыми стаями. Да встретится порой одинокий степной орел. Он задумчиво сидит на каком-нибудь бугорочке или плавно парит над степью, высматривая добычу.

Хамид шел и думал, вспоминал свое нелегкое, но все же беззаботное детство, школьные годы. Ему и сейчас еще иной раз слышатся страстные тайные споры с товарищами о нужде и бедности народа, о несправедливости царских чиновников. В этих спорах с теми из соучеников, кто был побогаче, он забывал все свои тревоги и заботы о куске хлеба. Когда же ему удавалось отстоять свое мнение, он чувствовал себя довольным. И вот теперь мечты детства свершились: он стал участником революции, дышал ее воздухом, который давал силы, как хлеб голодному.

Хамид гордился нелегким поручением, возложенным на него товарищем Гикало. Он не сомневался, что с честью выполнит его, что силы Красной Армии скоро разгромят белых, и теперь, наконец-то, пусть и не легкой ценой, но все же обязательно, начнется та настоящая жизнь, о которой многие годы мечтали люди, ради которой сотни и тысячи уходили на каторгу и под пули жандармов.

Уже вечерело, когда Хамид подходил к мостику над тихой степной речкой Горькой. Самой речки-то и видно не было: она затерялась среди высокого камыша, и лишь монотонное журчание под мостиком говорило о том, что здесь протекает вода. Юноша остановился, чтобы

напитаться и наполнить помятую жестяную флягу, которой он запасся, отправляясь в дорогу. Но вот до слуха его донеслось глухое цоканье копыт. Он обернулся и увидел тройку, догонявшую его сзади. Это был изящный фаэтон. Лениво откинувшись на подушки, в нем сидели двое — худой, высокий и маленький, толстый. Третий, в красном кушаке, по виду слуга, правил лошадьми.

— Эй, бродяга, что здесь шляешься? — окликнул Хамида долговязый мужчина в богатой каракулевой папахе.

Кучер в красном кушаке придержал коней.

— Я не бродяга, я мастер-лудильщик. Лужу медную посуду, чиню старые ведра, — ответил Хамид с достоинством, подчеркивая важность своей профессии. Он показал на сумку, висевшую у него через плечо: дескать, вот и инструмент имеется.

— Какие тут тебе старые ведра? Ты давай ко мне в пастухи, — предложил толстяк, коленом откинув полу мохнатой бурки и обнажая позолоченный кинжал, подпоясанный поверх белой черкески.

— А дорого ли платить будете? — с наигранной простоватой хитрецей спросил Хамид.

— Да ты знаешь, кто с тобой говорит? Это сам Эльгирей! — прикрикнул на него долговязый. — А много ли тебе надо? Жить будешь, и достаточно. Откуда родом?

— Я-то?

— Да.

— Родился я там, далеко, на берегу моря, в тени старой кибитки моего отца.

Толстяк и долговязый переглянулись, а кучер выпалил:

— Цыган, значит?

— Да, — подтвердил Хамид.

— Ну как, пойдешь? — опросил долговязый.

— Ладно, я подумаю.

— А чего тут думать? Отправляйся вон к тем кибиткам, — показал толстяк пальцем в степь. — Скажи, что я, Эльгирей, тебя прислал.

Хамид из-под ладони внимательно посмотрел в сторону, куда показал толстяк. Затем обернулся и, глупо ухмыляясь, сказал:

— Что ж, пойду посмотрю. Если понравится, поработаю...

Долговязый бросил вопросительный взгляд на хозяина и уже потянулся к карабину, лежавшему у него в ногах. Но толстяк

отрицательно замотал головой.

— Пошел вон! — заорал он. — Дурак, сразу видно.

Лошади тронулись, оставляя за собой огромный хвост серой пыли. И, когда фаэтон скрылся с глаз, Хамид тут же, за мостиком, свернул с большой дороги на тропинку. Он решил сделать вид, что принял предложение Эльгирея, на деле расспросить у пастухов дальнейшую дорогу.

Продвижение деникинских частей к аулу Гойты началось еще с ночи.

Первый удар должен был принять на себя гойтинский отряд Хату Давлиева, насчитывавший всего шестьсот человек. Отряд этот держался единой, крепко спаянной семьей. Бойцы любили своего командира. Давлиев, уже не раз бывавший в деле, никогда в жизни не видел топографической карты, но зато на зубок знал родные горы. Белогвардейцы, хорошо испытывавшие силу удара шашек давлиевцев, уже давно требовали от жителей аула выдать им вместе с видными советскими комиссарами и командира партизанского отряда Хату Давлиева.

Белые внезапно появились тремя группами в пять часов утра и заняли боевые позиции у самого аула.

К позициям гойтинцев подъехал, как всегда подвыпивший, полковник Соколов. К нему навстречу выехал в сопровождении двух всадников Шида Цанаев, тот самый Шида, что в апреле 1917 года первым захватил и распахал землю, принадлежавшую князю Юсупу.

Сейчас Шиду послал командир отряда, чтобы выяснить, чего хотят белогвардейцы. Давлиев приказал не уступать врагу ни в чем.

— Кто из вас будет за старшего? — спросил Соколов подъехавших гойтинцев.

— Я здесь старший. Что вам нужно? — откликнулся Цанаев.

— Кем ты уполномочен?

— Гойтинцами.

Соколов оглядел свою свиту, повертелся намного в седле и, обращаясь к Цанаеву, сказал:

— У вас в ауле скрываются большевики и красноармейцы, вы обязаны выдать их нам. — Полковник подумал намного и добавил: — Выдайте нам также Хату Давлиева и его помощника Чоду Яшуркаева и

Доа Геримханова. — Он вынул из кармана массивные золотые часы, взглянул на них и произнес: — Даю вам один час на размышление. В случае невыполнения приказа аул ваш будет сожжен и уничтожен.

Цанаев мгновенно вскинул свой карабин и в упор выстрелил в Соколова.

— Пуля тебе вместо большевиков! — крикнул он со злостью.

Полковник, как мешок, рухнул с коня. Тотчас раздались ответные выстрелы. Тяжело раненный Цанаев упал, но и, лежа на боку, одной правой рукой долго еще отстреливался.

Так рано утром 7 марта начался гойтинский бой. Покой древних гор нарушили ожесточенные пулеметные очереди и залпы орудий.

Хорошо вооруженные белогвардейцы не жалели патронов. Их конница неоднократно бросалась в атаку. Потеряв своего ретивого командира, они дрались с остервенением, но каждый раз откатывались назад с большими потерями. Вскоре и на помощь гойтинцам из окрестных аулов стали прибывать отряды, направленные Шериповым и Гикало.

Приближался решающий момент боя. И тут Давлиев, надвинув на лоб черную папаху, с тонким звоном выдернул блеснувший на солнце клинок дамасской стали. Подняв его над головой и оглянувшись по сторонам, командир гортанным голосам крикнул:

— Шашки к бою! — Услышав за собой певучий звук извлекаемых из ножен клинков и сильный перестук копыт, он, нагнувшись вперед, крикнул снова: — Вперед на врага!..

И протяжное, громкое «вур-ра-а» прокатилось по полю.

Сухоногий гнедой конь Давлиева первым оказался в стане врагов. Молниеносно взмахивая клинками, давлиевцы разили врагов, топтали их копытами коней. Противник дрогнул, попятился, а потом и побежал, оставляя на поле боя раненых и убитых...

Генерал Ляхов, закончив ранний завтрак, ждал у телефона первого донесения с поля боя. Он уже начал дремать, когда раздался долгожданный звонок.

— Да, да! Это я, я!.. Ка-ак? Отступаете? Что это значит? Где полковник Колесников? Дайте его к телефону!.. Как ты сказал... Ранен?.. Кто же у вас остался? — Генерал грубо выругался и швырнул телефонную трубку.

Едва сдерживая себя от гнева, Ляхов кликнул адъютанта и тяжело опустился на кожаный диван.

— Соедини меня по телефону с генералом Алиевым! — крикнул он ему.

Из канцелярии правителя Чечни ответили, что генерал Алиев час тому назад выехал через Алды на Гойты.

— Тьфу! Чтобы меня, боевого генерала его величества, разгромила толпа дикарей! — произнес Ляхов вслух. Он решительно встал и шагнул к письменному столу.

Разгневанный провалом гойтинской операции, генерал Ляхов приказал: перегруппировать силы и внезапно завтра же на рассвете напасть и разгромить второе гнездо красных — аул Алхан-Юрт. Но командование повстанческих войск разведало планы белых и подготовило алхан-юртовцев для встречи противника. Сюда, в Алхан-Юрт, для организации отпора врагу прибыл сам Николай Гикало.

И вот завязались тяжелые, кровопролитные бои. «Бой продолжается при высоком напряжении с обеих сторон... Ожесточение чеченцев и их удаль достигают крайнего предела», — доносил с поля боя в штаб деникинских войск полковник Булгаков.

Сражение под Алкан-Юртом также закончилось полным разгромом грозненской группы белых.

Неудача в Гойтах и провал под Алхан-Юртом заставили белых на некоторое время отложить план ликвидации шатоевской группы красных повстанческих войск.

Солнце, на которое уже можно было смотреть без боли в глазах, висело низко над горизонтом, когда рослый, коренастый парень, судя по одежде — рабочий-мельник, появился на восточной окраине аула Алды. Он остановился поговорить с пастухам.

Маленького роста, тощий старик стоял, опершись на суковатую палку. В глубоко запавших глазах пастуха застыло печальное выражение. «Вот видите, как жесток и несправедлив этот мир», — казалось, говорили они.

Поговорив и узнав, что ему надо, мельник пожал темную, заскорузлую руку старика и спустился в долину небольшой речки Гой. Затем прошел вверх по течению, перешел речку вброд у мельницы, стоявшей неподалеку от проезжей дороги, среди высоких тополей, помыл ноги, обулся и поднялся на невысокое плоскогорье Сьюра-Корт. По узкой тропе, лежавшей у самого края балки, мельник добрался до Охранного кургана. Часа два он пролежал здесь под чахлым шиповником, в пятидесяти шагах от дороги, ведущей из города в аул Алды. Отсюда как на ладони был виден Грозный.

Прямо внизу, на правом берегу Сунжи, располагался старый кирпичный завод. Провалившаяся крыша сушилки; горы битого кирпича, поросшие густым порыжелым бурьяном; тачки, брошенные где попало; разрушающиеся печи — все придавало этому месту унылый вид. Дальше, за рекой Сунжей, тянулась цепь невысоких Гребенских гор, у подножия которых там и сям ютились рабочие домишки, покрытые черепицей. Слева от завода торчала недостроенная, с пустыми оконными проемами часовня. Справа, над грязным обрывом, прилепились такие же маленькие, низенькие, с косоглазыми оконцами хибарки. В них никогда не утихал разноголосый гомон: плач грудных детей, старческий кашель, ругань и тихие вздохи русской гармошки вперемежку с грустным рыданием чеченского пондара. Вот от них-то и начинался этот шумный город, все богатство которого принадлежало кучке нефтепромышленников и купцов.

В кустах густого шиповника стоял тихий шелест, легкий ветерок поднимал и крутил придорожную пыль, в степи пахло прелой травой.

Из города в Алды прокатила на тройке вороных веселая кампания с гармонистом. О чем-то громко говорил офицер в белой суконной черкеске. Музыка, видно, не ладилась, потому что пальцы пьяного гармониста с трудом двигались по клавишам.

Над дорогой к Новым промыслам стояла глубокая тишина, и, казалось, здесь никто никогда и не жил. Только вдали, за горным кряжем, колыхалось пламя — это горели нефтяные склады.

Когда над городом замигали редкие красновато-тусклые электрические огни, мельник вынул из-за широкого солдатского ремня молоток и зубило для отбивки жерновов, взял их в руки и, следуя той же балкой, вышел на окраину Щебелиновки. Оттуда, шагая кривыми улочками и закоулками, он стал пробираться в ту часть города, где жили рабочие керосинового завода Ахвердова.

...Город хранил угрюмое молчание. Только вдруг где-то совсем недалеко раздался паровозный гудок. Вырвавшись из этой тягучей тишины, он тут же снова потонул в ней. Из открытого окна низенького домика донесся плач ребенка, малыш плакал захлебываясь, надрывно. Потом притих так внезапно, словно заплакал по ошибке. «На, на... родненький мой», — послышался из окна полусонный женский голос. Все это было так знакомо! Мельник хорошо знал город и потому шел уверенно, выбирая самые сонные, пустынные переулки...

На тускло освещенном городе лежала печать какой-то подавленности и запустения: пыльные, немощные улицы были усыпаны грязными бумажками, консервными банками, осколками битого стекла, окурками. На каждом шагу попадались зияющие провалами кирпичные стены разбитых и недостроенных домов; люди проходили редко.

Порой слышалась то русская, то чеченская, то грузинская речь. На углу Бульварной и Свистуновской тротуар был загорожен сложенными в штабеля винными бочками. Время от времени доносились крики и ругань пьяных гуляк, но большинство домов молчало, словно давно оставленные жильцами.

На полдороге, миновав винные бочки, мельник почувствовал, что за ним кто-то идет. Он замедлил шаг, с намерением пропустить неизвестного вперед. Вскоре какой-то человек действительно обогнал

его. Проходя, он окинул мельника равнодушным взглядом и вдруг замер, словно споткнулся. Встретившись с ним глазами, мельник тоже тихо ахнул:

«Вадим!..»

Имя это он не произнес вслух, оно только мелькнуло у него в голове.

Человек этот был в форме офицера.

Лишь один взгляд успел он бросить на широкое, покрытое мукой и пылью лицо встречного — мельник тут же исчез, как бы растворился во мраке. Офицер схватился рукой за лоб, видно что-то припоминая. Потом пробормотал: «Не может быть!» — и вдруг бросился вперед. Но мельника уже нигде не было видно.

Выхватив из кармана пистолет, офицер длинными прыжками побежал вдоль переулка. Выскочив на освещенную улицу, он с

неистовым криком «Стой! Стреляю!» — принялся хватать то одного, то другого из прохожих, но все они были совсем не похожи на мельника.

А мельник тем временем, скользнув в темный двор духана, выскочил в переулок и устремился к берегу Сунжи. Там он зашел в маленький книжный магазинчик. Через минуту владелец магазинчика, Камакин, повесил на дверь большой замок и торопливо ушел. Вернулся он только через час.

Внимательно оглядевшись, Камакин привычным движением снял с дверей магазинчика замок и вошел к себе. А через какую-нибудь минуту из двери выскользнул мельник и зашагал прочь, тщательно обходя редкие фонари.

Теперь мельник держался очень осторожно, опасаясь белогвардейских патрулей. Поэтому во двор на Поселянской улице он проник через старый деревянный забор и притаился возле сарайчика в надежде, что кто-нибудь выйдет из дома. Так он простоял довольно долго и начал уже терять терпение.

Наконец хлопнула наружная дверь, и стройная женщина с ведром тихо прошла мимо мельника. Очевидно узнав ее, он смело вышел ей навстречу.

— Кто это? Боже милостивый! — произнесла та испуганным голосом.

Мельник приблизил к ней обросшее черной щетиной лицо, но она, как видно, все еще не узнавала его.

— Как это вы сюда... — начала было она, сделав шаг назад.

— Здравствуй, Настя, — вдруг перебил ее незнакомец. — У вас никого чужих нет?

Сквозь туманную дымку, затянувшую небо, едва пробивался рассеянный свет луны, и потому трудно было разглядеть бледное лицо Насти.

— Нет, — ответила девушка дрожащим от испуга голосом.

— Дмитрий дома?

— Дома, только что пришел...

— Тогда идем в хату, — сказал мельник и сам пошел вперед.

Услышав топот мужских ног и скрип двери, Дмитрий Халов вскочил из-за стола, бросив недочитанную книгу, и привычным жестом

поправил свою темно-русую шевелюру. На пороге стоял молодой человек с веселой улыбкой на добродушном лице.

— Асланбек! Да никак это ты?.. Здравствуй, дорогой! — вскрикнул пораженный Халов, бросаясь к товарищу и горячо обнимая его.

— Ну как, Митя, похож я на себя? — спросил Шерипов, заглядывая в лицо Халову.

— Господи, а я-то с перепугу и не узнала вас! — Настя, улыбаясь, всплеснула руками.

— Неужели моего полоса не узнала?

— Все пыталась вспомнить, да никак не могла.

— Испугалась?

— Конечно.

— Ну а как же это ты о конспирации забыла? Не зная меня, стала отвечать на вопросы, — весело улыбаясь, упрекнул ее Асланбек.

— Когда вы спросили: «У вас чужих нет?», я почему-то сразу решила, что это свой. Потому и ответила. Да к тому же я сильно испугалась, — стала оправдываться девушка, краснея.

— Пугаться в нашем деле опасно, Настенька, — заметил Дмитрий.

Сестре Дмитрия Халова, Насте, было около двадцати. Ее голубовато-серые глаза искрились и смотрели прямо. В подпольной организации она работала связной, под кличкой «Настенька».

— Какой же ты все-таки молодец! А не заметили тебя, случаем? — Дмитрий озабоченно посмотрел на Асланбека.

— Как видишь, цел и невредим со всем своим инструментом, — пошутил тот, выкладывая на подоконник молоток и зубило.

— Молодец! И никто так и не остановил тебя?

— Ну кто будет интересоваться мельником, у которого ничего нет, кроме мучной пыли! — ответил Асланбек. Сняв с головы кепку, он швырнул ее на пол, отчего в комнате поднялась мучная пыль.

— Скажи, пожалуйста! Это только ты мог придумать!

Друзья весело расхохотались.

— Лучшая маскировка. Если бы меня задержали, я ответил бы, что ходил в аул чинить мельницы. А что у мельников нет никаких паспортов, так это всякий знает, — объяснял Асланбек.

— Надо сказать, прилетел ты вовремя. Как раз сегодня должны собраться товарищи, чтобы подробно поговорить о наших делах.

— За этим я к вам и явился, — посерьезнев, сказал Асланбек. — Нам надо знать, на какую помощь городского подполья мы можем рассчитывать.

— Ну, выкладывай, что нового там у вас, в горах?

— В горах народ готовится к решительной схватке, и готовится крепко. — Шерипов прошелся по комнате. — А вот чего это вы тут любезничаете с контрой?

— Подожди! «Любезничаете»... Ты же не знаешь, какую мы им пилюлю готовим.

— Вот меня и прислали товарищи, чтобы узнать.

— Правильно сделали.

— А как у вас с оружием? — спросил Асланбек.

— Маловато, не хватает, — помрачнев, ответил Халов.

— А патроны?

— Еще хуже.

— Чего же тогда ждать от вас хорошего? — покачал головой Шерипов.

— Народ у нас по-боевому настроен, — ответил Халов, блеснув глазами.

— Это, конечно, хорошо, Митя, — согласился Асланбек, — но без оружия, на одном настроении войну не выиграть.

— Где же его возьмешь, дорогой? Вот если бы оружие росло на огороде, — грустно пошутил Дмитрий.

— Да у тех же беляков достать можно, они народ продажный, — посоветовал Асланбек.

Настя не вмешивалась в разговор, занимаясь хозяйством.

С малых лет она была единственной женщиной в доме, и заботы эти стали для нее обычным делом. Но время от времени молодая хозяйка, как бы между прочим, то выглядывала в окошко, то, выйдя на крыльцо, замирала, прислушиваясь к ночным звукам. Чувствовалось, что подобные опасные разговоры ведутся при ней не первый раз.

— Я, конечно, знаю, что беляки продажны, но мобилизовались они крепко, — сказал Халов после небольшой паузы. — Это особенно заметно теперь. Мечутся, как скорпионы в огне. Видно, чувят конец.

Асланбек вспомнил свою встречу на Бульварной с офицером и невольно подумал: «А ведь может продать, сволочь!» Он сначала собирался промолчать об этом, но сейчас понял, что не имеет права

рисковать, так как дело идет о безопасности организации, и поэтому, вздохнув, сказал:

— Понимаешь, Митя, пробираясь сюда, в темноте на улице я столкнулся с одним офицером... Я с ним когда-то в реальном учился.

— И он узнал тебя? — с беспокойством спросил Халов.

— Не знаю, право. Следы свои я тут же, конечно, запутал. Не успел он и разглядеть меня как следует, я мигом заскочил в духан, вышел оттуда черным ходом, повернул в переулок к реке, чтобы в случае чего скрыться в воде. Затем, пробравшись берегом, спрятался в книжном магазине Камакина. Помнишь его? Он ведь часто радовал нас хорошими книжками.

— Помню. Ну а дальше?

— Камакин закрыл меня на ключ и проверил, не началась ли облава. Явился он только через час, дав мне возможность за это время познакомиться со всеми книжными новинками. Он выпустил меня, сказав, что ничего опасного нет.

— Легко сказать — не опасно! — заметил огорченный Халов. — Ты учти, Асланбек, что за твою голову деникинцы назначили крупную сумму. А это что-то значит. — Он задумался.

Шерипов тоже умолк.

Само появление Шерипова в Грозном, конечно, было дерзким поступком — проникнуть в город, находящийся под тройной властью врага: атамана Грозненской станицы Халеева, правителя Чечни Алиева и городской управы, над которыми сидел еще ретивый генерал Ляхов. Не менее сложно было и уйти из города, поскольку все выезды из него охранялись отборными частями белоказаков. Вот над чем и задумался сейчас Халов.

— А где твой отец, почему я его не вижу? — спросил Шерипов, нарушив неловкое молчание.

— Отца нет дома, уехал к сестре в станицу Калиновскую, — ответил Халов, подвигая Шерипову стакан горячего чаю.

Халов задумался. Асланбек был уже не рад, что рассказал ему о своем приключении.

— Вот что, — нарушил наконец молчание Дмитрий, — на всякий случай заседание перенесем в дом Ярьеско, там надежнее будет. В случае, если кто и налетит, скажем, что принесли больного. А кого-нибудь подготовим, чтобы он умно притворился.

— А кто такой Ярьсько? — спросил Шерипов.

— Член нашей организации, врач он.

— Что ж, придумано хорошо!

— А как же, — повеселел Халов. — Настя, ты оставайся во дворе и всех наших направляй туда. А мы с Асланбеком пойдем сейчас же, — предупредил он сестру и первым вышел из дома.

Не успел доктор Яресько усадить Халова с Шериповым, как с крыльца донеслось шарканье ног, и дверь без стука отворилась. В комнату вошел невысокий мужчина в очках, с тронутым оспой лицом, одетый в косоворотку из серого полотна. Это был Виктор Чертков, военный руководитель грозненской подпольной организации большевиков. Вслед за ним вошли еще двое. Постепенно скромный врачебный кабинет Яресько стал наполняться. Были тут люди, давно знакомые Асланбеку, других он едва знал в лицо и силился припомнить, когда ему довелось встречать их. Так, пришлось ему поломать голову по поводу горбоносого брюнета со свежим номером газеты «Терский казак» в руках, пока не вспомнилось, что во время стодневных боев он сам однажды посылал его с каким-то поручением. Но были и совсем незнакомые. Шерипов поделился этим своим наблюдением с Халовым, и тот вспомнил об огромных потерях организации во время провокации с заключенными.

— Но можешь быть спокоен, люди здесь все надежные! — заверил он.

Халов хорошо знал всех присутствующих — членов революционного подпольного комитета. Он представил им Асланбека, о котором они были наслышаны. Имя его уже было окружено легендой, и его повторяли в Терской области все.

Виктор Чертков скупно, не называя срока, изложил план вооруженного восстания.

— Мы должны быть очень осторожны, — говорил Чертков. — Враг старается напасть на след нашей организации и снова, уже окончательно, разгромить ее...

Горбоносый заерзал на диване, отчего пружины под ним жалобно заскрипели. Халов вопросительно посмотрел в его сторону.

— Ты хочешь что-то сказать? — спросил он.

— Не пойму я, товарищи, — хмуро отозвался тот. — Сами говорим, что деникинская контрразведка не дремлет, хватает то одного, то другого из наших товарищей, а все словами отделяемся. Что же это такое, сколько это можно терпеть?

— А что ты предлагаешь? — спросил Халов.

— Я-то? — Горбоносый поймал на себе внимательный взгляд Шерипова и теперь смотрел на него.

— Да, ты, — повторил Халов.

— Меньше надо разговорами заниматься. Не знаю, почему мы так долго тянем с восстанием. Его ждут от нас все честные люди и здесь, и в горах...

Халов пытливо оглядел присутствующих. Потом посмотрел на Шерипова. Поняв, что теперь ждут его мнения, Асланбек взял слово.

— Вы извините меня, товарищи, — начал он. — Чеченцы говорят: «Торопливая речка до моря не дошла». Торопливостью можно испортить дело, и все же ваша организация должна быть готова в любой момент начать восстание. Не сегодня, не тогда, когда душа потребует, — он бросил взгляд на горбоносого, — а тогда, когда это будет необходимо. В ближайшее время мы намечаем выступление против деникинских частей. Вот тогда-то и потребуются особенно остро ваша поддержка с тыла. Но для этого вам нужно иметь надежную связь с нами...

Заседание подходило к концу, и члены комитета уже поднимались, чтобы расходиться, когда в комнату заглянула Нина Лозанова. Увидев Асланбека, она радостно кивнула ему, но тут же помрачнела, очевидно вспомнив недавнюю трагическую гибель отца.

Асланбек шагнул навстречу Нине, крепко сжал ее руки, и так с минуту они молча стояли друг против друга.

— Я думал, что ты тоже погибла... там... в тюрьме, — с трудом вымолвил Шерипов.

— Нет, как видишь. — Девушка смотрела ему в глаза. — Ты знаешь, ведь меня спасла Хава.

Асланбек вздрогнул, но ничего не сказал...

Нина пришла:, чтобы предупредить собравшихся о том, что на улицах города в этот вечер особенно много патрулей и нужна осторожность. Было решено расходиться строго по одному, по два человека. При этом первыми должны были покинуть дом Шерипов с Халовым, за ними — Чертков.

Сын Ярьеско, надевая на ходу фуражку, вышел во двор и, вернувшись через две минуты, сказал:

— Настя на месте. Вроде все спокойно.

— Товарищи, — сказал Халов, — каждый знает свою тропку, исчезайте так же незаметно, как и появились.

Все тепло прощались с Шериповым:

— Счастливого пути, Асланбек! Передайте там всем нашим привет.

— Привет от нас товарищу Гикало. До скорой встречи!

— Не забывайте нас...

Выйдя из дома Яресько и свернув в темный переулок, Халов с Шериповым остановились, чтобы подождать Черткова. Асланбек хотел сообщить лишь им двоим некоторые детали предстоящих операций чеченской Красной Армии.

— А то есть у вас горячие головы, как бы не натворили чего сгоряча, — сказал он.

— Это ты Нечволода имеешь в виду? — весело спросил Дмитрий.

— Кого, кого?! — Асланбек почувствовал, как кровь отливает у него от лица.

— Нечволод, говорю, ну этот, горбоносый, — объяснил Халов.

Шерипов, как клещами, схватил товарища за руку.

— Нечволод ваш — предатель, — прошептал он. — Этот человек погубил заключенных. Об этом рассказал нам с Гикало Решид, который был свидетелем последних минут Лозанова.

Теперь уже и Халов замер от ужаса. В этот момент к друзьям присоединился Чертков. Сдавленным от волнения шепотом Дмитрий передал ему страшную новость, только что сообщенную Асланбеком. Виктор размышлял не больше минуты.

— Вот что. Подлец этот еще не вышел. Надо немедленно перехватить его и уничтожить.

— Узнав, что я в городе, — высказал свое соображение Шерипов, — он по логике должен немедленно побежать в контрразведку. Неплохо было бы вам проследить его до самых дверей.

— Верно! — понимающе кивнул Чертков и тут же бросился назад к дому Яресько.

...Тюремный надзиратель Губарев, на квартире у которого должен был переночевать Шерипов, был на дежурстве. Дома находилась только его жена, Мария Николаевна, двоюродная сестра Нины, связанная через хозяйку с подпольной организацией.

Мария сама вышла в коридор и пригласила запоздалых гостей в дом. Этой еще довольно молодой женщине, видно, нелегкая доля выпала в жизни. Тихая и внешне невозмутимая, Мария Николаевна была полна доброты. Она искренне сочувствовала всем попавшим в беду, но была немногословна. Вот и сейчас, поздоровавшись и перекинувшись с Асланбеком несколькими словами, Мария тут же вышла в другую комнату.

— Хорошее у вас убежище, Митя. Надо же — в доме самого тюремного надзирателя! — весело сказал Асланбек, когда они остались вдвоем.

— Это-то мы умеем, — согласился Халов. — А вот провокатора проворонили! Как-то там сейчас дела у Черткова?

— Боюсь, что ваш горбоносый, даже если Виктору сейчас удастся ликвидировать его, уже успел сообщить немало сведений контрразведке, — сказал Шерипов. — Так что вам надо быстро перестроить всю работу организации и уйти в еще более глубокое подполье.

Халов согласился с ним. Но мысли его сейчас все время возвращались к Черткову и его ответственной операции.

— Знаешь, — сказал он вдруг, — ты спи, а я, пожалуй, перехвачу Виктора с товарищами. Если им удастся схватить Нечволода, они наверняка поведут его в дом у Каменного моста... Судить негодяя надо!.. Но ты без меня никуда не выходи.

Дмитрий ушел, а через несколько минут в комнату вошла Настя Халова.

— Мы с Машей будем та кухне, — оказала она, — в случае опасности я разбужу вас, прилягте немного.

— А когда должен прийти с работы Губарев? — поинтересовался Асланбек.

— Он ушел на сутки. Не волнуйтесь, я знаю об этом. — Девушка вышла.

В маленькой комнатке с черным ходом в сарай для дров воцарилась тишина, только мерно постукивали ходики с подвешенным грузом.

Чертков в сопровождении двух верных товарищей шел за Нечволодом, пока тот не вышел на Фрейтаговскую улицу. Теперь, поняв, куда он держит путь, и убедившись, что догадка Асланбека была

правильной, Виктор послал товарищей в обход, а сам продолжал преследование, стараясь не выпускать врага из виду.

Ночь была глухая, темная. Горбоносый двигался медленно, поминутно оглядываясь и прислушиваясь. Но вот он подошел к парадному подъезду большого дома на углу Осипова, бросил окуроч, постоял с минуту и потянулся к колечку звонка. Но не успел: его оглушили тупым ударом по голове, тут же уволокли за угол, а оттуда — к берегу Сунжи.

Товарищи уговаривали Черткова утопить горбоносого в реке. Но Виктор сказал:

— Нет, мы не палачи, а судьи. К тому же он еще должен кое-что рассказать нам.

— Да что возьмешь с этой собаки? Возня дороже обойдется!

— Я уже сказал, что самосуда не будет. Слушайте лучше. Возьми ремень, Вася, затяни ему посильнее руки.

Так они приволокли предателя к дому на отшибе у Каменного моста и, открыв полуподвальную комнату, бросили его на пол. Халов

уже поджидал их.

Виктор Чертков опустился на скамейку у стены, откашлялся, заправил выбившуюся штанину в голенище и сказал:

— Выньте у него изо рта тряпку и пусть отвечает на вопросы революционного суда. Садись, Митя. И Василий тоже. А ты держи этого негодяя покрепче. — Лицо у Черткова было серое, утомленное, упрямые губы крепко сжаты. — Ну а теперь, подлюга, — обратился он к Нечволоду, — рассказывай, как и зачем пробрался ты в ряды революционеров...

Через некоторое время Нечволод признался в том, что действительно шел в явочную контрразведки, что он уже давно завербован деникинской охранкой и выдал в свое время Конона Лозанова, Ивана Радченко и других революционеров...

— Что ж, по-моему, все ясно! — сказал Чертков, вопросительно взглянув на товарищей. Он встал и, прямо глядя перед собой, будто читая написанное на стене, произнес: — Именем революции провокатор Нечволод приговаривается...

...Когда уже утром Халов вернулся в квартиру Губаревых, он застал растерянных и полных беспокойства женщин: Асланбека не было. Пока Мария Николаевна и Настя спали, он исчез.

XII

В то утро Шерипов проснулся чуть свет. Вчера вечером он дал обещание Дмитрию во что бы то ни стало дождаться его возвращения, но время тянулось так томительно долго, что Асланбек не выдержал. Решив не будить женщин, он незаметно выскользнул из дому. День он провел за книгами у друга своего детства Халида Хасалиева и уже поздно вечером появился в Гостином ряду — у дома Абдул-Муслима Билтоева.

Парадную дверь отворила незнакомая прислуга.

— Хава дома? — спросил Асланбек.

— Да, — ответила та, с недоумением разглядывая странного гостя. — А вам что угодно?

— Попросите ее на минуту.

Прислуга еще раз оглядела подозрительного незнакомца, пожала плечами и удалилась.

Через несколько минут появилась Хава.

— Дакаш! — еле слышно прошептала она и так побледнела, что, казалось, сейчас упадет. Но эта растерянность длилась лишь секунду. — Входи в дом, — быстро проговорила девушка, за рукав втащила Асланбека в парадную и тотчас же заперла входную дверь.

Они молча поднялись наверх, в комнату Хавы.

— Отец дома? — спросил Асланбек.

— Нет. Он во Владикавказе.

— А мама?

— Дома. Вчера только вспоминала тебя. А ты вот легок на помине... Но как ты мог решиться прийти в город?!

Асланбек только пожал плечами и весело улыбнулся. Он внимательно и даже с какой-то нежностью разглядывал комнату Хавы. Многие предметы были ему знакомы с детства.

Вдруг послышался сильный стук в парадную дверь.

Хава, почувствовав неладное, бросилась к окну и незаметно выглянула на улицу. У подъезда стояли двое белогвардейцев. Увидев их, девушка моментально отскочила от окна и заметалась по комнате. Потом схватила Асланбека за руку.

— Уходи отсюда, уходи скорее! — заговорила она взволнованным шепотом, толкая его куда-то.

Юноша в последний раз окинул взглядом комнату.

— Подожди, — сказал он. — Можно, я возьму твою фотографию?

— Бери. Только скорей уходи! Они убьют тебя!

Асланбек схватил фотографию с туалетного столика, сунул ее в карман и покорно последовал за Хавой, тянувшей его куда-то в глубь дома. Так они попали в темный, длинный коридор. Здесь девушка показала ему лестницу, ведущую на чердак, и, умоляюще протянув обе руки, сказала:

— Прощу тебя, уходи. Там ты найдешь выход. — Она показала на чердак и побежала в прихожую, откуда уже раздавался взволнованный голос матери, звавшей ее.

Когда Хава опустилась вниз, величественная Падам разговаривала с двумя белогвардейцами.

Рядом стояла давешняя служанка.

— Хава, — строго сказала мать, — эти вот господа утверждают, что к нам в дом стучал какой-то нищий мельник. Говорят, он позвал тебя...

Девушка смерила белогвардейцев презрительным взглядом и спокойно ответила, обращаясь к матери:

— Да. Это какой-то бедный родственник отца. Я ответила, что отца нет в городе, и мельник этот тут же ушел...

Спорить с такой знатной и гордой девушкой белогвардейцы не решились.

А Шерипов тем временем быстро поднялся на чердак и оттуда через слуховое окно выбрался на крышу соседнего дома. Гладкие подошвы сапог скользили по мокрой черепице. Он прошел по ним осторожно, словно кошка. Потом, цепляясь руками за выступы, опустился в чужой двор и исчез в темном переулке.

— Где же ты был? Я чуть с ума не сошел! — бросился Дмитрий к Шерипову, когда тот вошел в приемную доктора Ярьско.

— Я у товарища был, — ответил Асланбек, еле слыша от волнения свой голос.

— Ну что с тобой делать! Разве ты не понимаешь, что за тобой охотятся, как за тигром!

Шерипов молчал.

— Кто же этот твой товарищ? — поинтересовался Дмитрий.

— Да ты, наверно, его не знаешь. Халид Хасалиев.

— Хасалиевы? Знаю. И отца их помню. Хорошие ребята, — сказал повеселевший Халов. Он помолчал немного и принялся рассказывать о трагических событиях минувшей ночи.

— Значит, судили, говоришь? — оживился Шерипов.

— Да.

— Молодец, Виктор! — сказал Асланбек. — С таким негодяем так только и нужно было поступить.

— А если белые обнаружат его исчезновение? — забеспокоился доктор Ярьско.

— Ну и пусть, — отозвался Халов, — Мы же не обязаны отвечать за каждую пропавшую сволочь.

Все умолкли. Асланбек не был склонен к разговорам. Дмитрий почувствовал это, но не знал, в чем дело.

— Знаешь, друг, давай уйдем отсюда, — предложил Халов. — Пусть доктор занимается своим делом, а мы побудем у Марии Николаевны.

— А хозяин дома? — опросил Ярьско.

— Нет. Говорят, что снова ушел на дежурство.

— Что это он так часто?

— Да, видно, охотников мало ходить в надзирателях. Людей у них не хватает.

...Попрощавшись с Ярьско, Шерипов с Халовым вернулись в ту самую небольшую комнату Губаревых, откуда Асланбек ушел рано утром.

Эту ночь друзья провели за нескончаемыми разговорами. Уже светало, когда в комнату вошла Настя. Девушка сказала, что, по мнению товарищей, проверявших посты на дорогах, лучшее время для выхода из города — это утро: в этот час народ выгоняет скот на пастбища.

— Ты опять не спишь, Настя? — удивился Асланбек.

— Нет, — ответила она, по-детски улыбнувшись, — все некогда.

— Митя, — сказал Асланбек, поднимаясь, — не найдется ли у тебя какой-нибудь одежды для меня? А то в этом моем одеянии меня могут узнать.

Халов внимательно оглядел его с головы до ног.

— Да-а, — протянул он. — Конечно, опасно оставаться в костюме мельника. Тем более, что тебя приметил этот офицер, твой школьный товарищ. — Дмитрий задумался. Если бы Асланбек рассказал ему, что вчера вечером он был примечен еще двумя белогвардейцами, Дмитрий бы ужаснулся.

Асланбеку очень хотелось поведать другу о своих приключениях, но он не стал лишним раз расстраивать его.

— Настенька, — обратился Дмитрий к сестре, — сбегай домой, найди там что-нибудь подходящее для Асланбека...

— Подождите, — сказала стоявшая в дверях Мария Николаевна и, выдвинув из угла старый окованный сундук, достала оттуда сатиновую рубаху, поношенный пиджак и брюки из грубого сукна, которые муж надевал для работы на огороде.

Асланбек вышел в другую комнату и переоделся. Правда, новая одежда была немного тесновата для широких плеч Шерипова, но он почувствовал себя как-то более уверенно, когда влез в нее.

Теперь Асланбек выглядел обычным рабочим, каких немало в этом большом городе.

Дмитрий крепко сжал Асланбека в своих объятиях, потом слегка оттолкнул его и критически осмотрел со стороны. Поправил потрепанную фуражку на коротко остриженной голове Асланбека, но тот снова натянул ее себе на лоб.

— Теперь ты на время станешь пастухом, — сказал ему Дмитрий. — Настя выгонит корову со двора Багаевых. Гони ее по Алдынской так, чтобы до выхода из города не догнать стадо. А то мало ли что — и среди пастухов могут оказаться предатели. Понял?

— Понятно, товарищ командир, корову гнать неторопливо, чтобы до выхода из города не догнать стадо! — шутливо козырнул Асланбек и повернулся так энергично, что чуть не свалил вешалку, стоявшую у выхода. Затем он покрутил барабан нагана и спрятал его во внутренний карман пиджака.

...По улице, параллельной Алдынской, на окраину города скоро вышел стройный, высокий молодой человек, толкая тачку с мусором. Это был Дмитрий Халов. Он долго смотрел вслед уходившему Асланбеку. Потом ушел, боясь обратить на себя внимание стоявшего поблизости белоказачьего патруля. Его мягкие темно-русые кудри трепал свежий утренний ветер.

XIII

На партийное собрание пришел почти весь отряд, хотя коммунистов в нем было не больше двух десятков. Собрание проходило в лесу. Горный ветер крутил пожелтевшую осыпь листьев, гнал ее вместе с пылью и сбрасывал с обрыва в воды Аргуна.

Бойцы сидели на старом валежнике или просто на земле. Некоторые стояли, опершись о ружья или прислонившись к могучим деревьям.

Президиум разместился вокруг пня давно спиленной гигантской чинары.

Собравшиеся слушали Хамида, вернувшегося из Астрахани. Он привез письмо товарища Кирова и рассказал, что остатки Одиннадцатой армии оправились после тяжелых поражений и теперь наступают в направлении на Червленую. Это был серьезный успех, однако рассчитывать на непосредственную помощь Одиннадцатой армии еще не приходилось.

Когда умолк Хамид, поднялся Николай Гикало. Сдвинув на затылок коричневую папаху, он вытер широкий крутой лоб ладонью и заговорил:

— Я призываю всех вас, коммунистов и беспартийных, бойцов и командиров, всегда помнить, что мы сражаемся за счастье народа — Он на минуту задумался, еще раз оглядел ряды и добавил: — Сегодня мы численно меньше своего противника, но мы сильны духом и верой в победу, и наше дело восторжествует!..

...В этот же день в штаб повстанческих войск, расположенный в Чишкинском лесу, возвратился Шерипов. Вместе с ним из Гойт прибыл отряд Хату Давлиева.

Асланбек с увлечением рассказал товарищам о своих приключениях в Грозном, но, увидев их серьезные лица, понял, что положение в его отсутствие значительно осложнилось. Старый Элса озабоченно качал своей белой головой, брови Газиева были сурово сдвинуты, и лишь Николай Гикало с нескрываемой нежностью поглядывал на своего неугомонного юного друга.

— Надо хотя бы с месяц подождать, чтобы товарищи в городе успели вооружиться. Они очень просили об этом, — закончил свой

рассказ Асланбек.

Все сидели задумавшись. Свежий ветер трепал край брезентовой палатки. Гикало выдернул колышек с ослабевшим шнуром и воткнул его на новое место, натянув брезент. Этот мирный жест подействовал на всех как-то успокаивающе.

В палатку вошел Алексей Костров, начальник оперативного отдела штаба, тридцатилетний здоровяк с черной волнистой шевелюрой. Он поздоровался с Асланбеком и присел рядом с Гикало. Алексей собрался было что-то доложить, но Гикало остановил его и, обращаясь к Асланбеку, сказал:

— Я согласен с тобой и с товарищами из города. Но время, время! — Он покачал вихрастой головой. — Знаю, что большой риск, и все же склонен варить, что операция завершится нашей победой.

С минуту все молчали. Вдруг Асланбек вытащил из кармана брюк аккуратно исписанные листы ученической тетради и сказал:

— Я хотел бы успеть разослать вот это, если вы одобрите. — И он передал листы Николаю Федоровичу. Гикало стал читать:

— «Солдатам Воздвиженского гарнизона. Товарищи солдаты, опомнитесь! Вашей кровью хотят залить революцию и ее завоевания... От имени Советской власти обращаюсь к вам: перебейте своих офицеров и переходите к нам...»

Гикало читал медленно, стараясь выделить каждое слово этого короткого, но яркого воззвания.

— Все это я понимаю, Асланбек, — мягко сказал он, возвращая Шерипову листы бумаги. — Было бы, конечно, хорошо, если бы ты успел передать этот призыв солдатам. Но давать противнику лишний час опасно. — Гикало склонился над топографической картой, лежавшей перед ним, и указал на черный квадратик. — Вчера ночью в крепость вошли еще два пехотных полка деникинцев!

Крепость Воздвиженская, одна из цитаделей, воздвигнутых на чеченской земле царем по планам колонизаторов, прочно закрывала въезд в Аргунское ущелье.

— Белогвардейцы давно пытаются закрепиться здесь, — продолжал Гикало, — и запереть нас в горах. И если сейчас не опередить их, то потом это может обойтись нам значительно дороже. Доложи, товарищ Костров, более подробно, — попросил он.

Костров сообщил, что вчера белые, воспользовавшись туманной ночью, перебросили в крепость крупные подкрепления. Стала известна и их тактическая задача: они намереваются напасть на красных тремя группами, причем одна из них попытается прорваться в тыл. В ауле Дуба-Юрт расквартирован полк эмира Узун-Хаджи, но неизвестно даже, на чьей стороне он выступит. Командир этого полка не склонен выполнять союзнические обещания, данные эмиром посланцам повстанческих войск.

— У противника значительные силы, он хорошо вооружен и знает, что у нас не более двух десятков патронов на бойца, — оказал Гикало. — Это поколебало и наших «союзников». Но все же... — Николай поднял сжатый кулак, — мы должны напасть первыми. Если мы захватим Воздвиженскую, белые сами удерут из города...

Обстановка была ясна. Все замолчали, молчал и Асланбек. Предстоящий бой волновал его воображение.

«Что ж, — думал он, — и более рискованные предприятия кончались подчас победой. Завтра бойцы покажут, как они умеют сражаться и умирать за свободу».

XIV

В лесу пахло палым листом, и в ветвях деревьев еще висела густая, смешанная с дымом костров пелена утреннего тумана. В тихом шелесте листьев и треске сучьев невнятно слышались сдержанный людской говор, звон котелков, всхрапывание лошадей.

Гикало с Шериповым вышли с командного пункта, намереваясь осмотреть местность. Сквозь редкие кусты они видели, как бойцы проверяли подпруги, осматривали вьюки. Откуда-то из-за молодой поросли доносилась песня:

Мы восстали против царской власти,
Вырвались мы из змеиной пасти,
Пусть же знает злая вражья свора —
Наша рать ее растопчет скоро!

— Подожди, постоим немного, — попросил Асланбек, хватая Николая Федоровича за руку. — Это поет Сулейман.

— Переведи мне слова, — попросил Гикало.

— Так ты же понимаешь их.

— Не совсем.

Шерипов перевел содержание песни и сказал:

— Удивительный человек этот Сулмейман! Его самодельный дечиг-пондар^[7] кажется таким неказистым. А вот послушаешь, и кажется — слышишь звон металла и клекот орла. Сулейман славит доблесть и мужество.

— Меня и то захватывает этот голос, хоть я и плохо понимаю слова песни, — откликнулся Гикало. — Скажи, откуда он родом?

— Сулейман из очень бедной семьи, мальчишкой потерял родителей, познал нужду. А родился он, кажется, здесь недалеко, на Гехинских хуторах...

Пройдя еще несколько шагов, друзья увидели курносого бойца с волосами пепельного цвета, в помятой серой гимнастерке. Он с руки кормил коня початками кукурузы. Асланбек спросил:

— У тебя был когда-нибудь верховой конь?

— Нет, товарищ Шерипов, — ответил тот растерянно.

— Кукурузой кормят рабочую лошадь или быка на убой, а верхового коня надо кормить ячменем, а коли уж его нет, то травой, — сказал Асланбек.

Он отвязал коня, разнуздal и пустил пастись. Конь тряхнул головой и тут же жадно припал к сухой, пожелтевшей траве.

— А знаешь, почему нельзя кормить коня кукурузой? — спросил Гикало.

Молодой краснощекий боец пожал плечами:

— Не знаю, товарищ Гикало.

— Это для того, чтобы конь в походе был легким и подвижным. Понятно?

— Понятно, товарищ Гикало.

Партизаны доставали из сумок чуреки, отварную баранину, брынзу, репчатый лук и выкладывали все это на разостланные бурки. У костров также собрались бойцы, они жарили шашлыки на срезанных прутьях, а некоторые прилаживали над огнем помятые солдатские котелки.

— Эх, жаль, нет у нас большого котла, — говорил Элса, глядя, как прозрачный сок стекает с шашлыка на горячие угли, — я сварил бы хорошую чорпу. — И посоветовал: — Эй, молодой, поверти шампур, что же ты весь сок спускаешь!

— Чорпу, Элса, еще лучше приготовила бы хорошая хозяйка. Бросила бы туда галушек да добавила еще чесночного соуса, — сказал невысокий партизан в серой потертой черкеске.

— О хозяйке, молодой человек, пока забудь, — махнул сухощавой рукой старик.

— Забыл, Элса, давно забыл, — засмеялся партизан.

— То-то, молодец! Войну и домашнее тепло не совместишь. Так говорили еще наши деды.

— Чорпу мы уж дома попробуем, заметил кто-то.

— Да вознаградит нас этим сам аллах, — важно произнес Элса молитвенным голосом.

— А вот вяленое мясо еще вкуснее, — заметил молодой боец, жаривший шашлык, и даже облизнулся. — Вытаскивай, Ахмат, пора! — крикнул он соседу. — Лучше есть недожаренное, чем горелое...

Гикало с Шериповым шли молча, словно обо всем уже переговорили. Николай Федорович грустно думал:

«Кто из этих людей снова присядет к костру после боя? Отчаянный Асланбек все равно понесется первым в самое пекло сражения, его не удержишь».

— Асланбек!

— Что, Николай?

Гикало молчал, ощущая неприятную горечь во рту. Он швырнул и затоптал окурок папиросы. Но горечь не проходила.

— Ты что-то хотел мне сказать, Николай, я слушаю, — напомнил Асланбек.

— Да нет, ничего, просто задумался, — ответил Гикало, скрывая свою тревогу.

Шерипов вынул из нагрудного кармана записную книжку и показал Гикало фотографию девушки.

— О, вот это да!.. — восхитился Гикало, сдвинув на затылок папаху. — Хороша! Как ее зовут?

— Хава.

— Ведь родятся же на свет такие красавицы!

— Правда, Николай, хороша?

— Очень даже. И костюм-то какой чудесный! Мне нравится девичий костюм чеченок, только почему-то они не носят его постоянно. Право, жаль!

— Эх, все хорошо, — тяжело вздохнул Асланбек, — да вот только из чужих она.

— Как — из чужих? Не понимаю.

— Из богачей, — пояснил Шерипов.

— Ну и что же? — удивленно взглянул на друга Гикало. — Неужели ты не понимаешь, что скоро никаких богачей не будет? А тебя она любит?

— Как будто любит.

Шерипов хотел было рассказать, как Хава дважды рисковала из любви к нему, но воздержался, боясь разочаровать Николая своим неосторожным поступком.

В долине Аргуна было светло. Только там вдали, над Грозным, лежала мутная мгла от пожара на промыслах, за которой еле вырисовывались Ханкальские горы.

Молодые люди вышли из леса и осторожно спустились к реке, осматривая местность. Здесь, у крутых склонов каменного карьера, зеленым кружевом раскинулись заросли колючего терновника, мушмулы и уже красного кизила, а у самой реки рос такой же густой тальник. Отсюда один из партизанских отрядов должен был выйти в тыл противника, чтобы ударить белогвардейцам в спину. Сейчас здесь было тихо и безлюдно, только буйная река с рокотом несла свои воды, над которыми кружили чем-то встревоженные ласточки, да несколько поодаль одинокий старый мельник увлеченно чистил плотину своей мельницы. Высокие тополя и ивы у мельницы покачивались на ветру, скрипели, перешептывались, как добрые великаны, охраняющие ненадежный покой утомленных людей.

В окулярах бинокля Асланбек увидел вдали густые кукурузные плантации и кустарники, которые в случае отступления могли служить для противника хорошим естественным укрытием. Там, внизу, через Аргун переправлялась груженная арба. Возница сидел на мешках и длинным прутом хлестал быков, осторожно шагавших через бурную реку. Другой рукой он придерживал винтовку, положив ее на правое колено. Асланбек еще раз поднял бинокль и узнал в возчике Хамида, посланного им в Дуба-Юрт за продуктами для отряда. С южной стороны по кособогу в аул съезжал фургон, груженный дровами.

— Ну, какова позиция у противника? — спросил Гикало.

— Приличная, — отозвался Шерипов. — Но ее можно превратить в ловушку для него же, — добавил он, подумав.

— Каким образом?

— Они побоятся встретиться с нами в открытом поле, — объяснил Асланбек, — попытаются заманить нас в кукурузу, чтобы бить из засады. А что, если мы пошлем не одну, а две группы партизан, справа и слева от дороги, чтобы взять белых под перекрестный огонь?

— Неплохо придумано. — ответил Гикало, оглядывая местность в бинокль. Говорил он необычно для него вяло, так, что Асланбек не мог не заметить этого.

— Тебе, пожалуй, пора вернуться в штаб, — сказал он. — Ты очень плохо выглядишь, Николай, у тебя под глазами отеки. Вернись и поспи немного. Да скажи там, чтобы привели сюда моего коня.

— Зачем? — встревожился Гикало.

— Хочу съездить на часок в Дуба-Юрт и узнать, что там затевают узун-хаджинцы. Что касается белогвардейцев, так с ними мы столкнемся на поле боя. Но вот с этими не разберешь. Говорят, что «наши», а это такие «наши», которые при случае первыми ударят в спину.

— Пожалуй, ты прав... — согласился Гикало.

— А для того, чтобы они ничего не затеяли, надо организовать дуба-юртовцев. Пусть знают узун-хаджинцы, что на них тоже есть управа.

Притихли высокие тополя. Солнце выглянуло из-за леса и мягким светом своим залило долину, которая через несколько часов, обильно политая кровью, должна была превратиться в поле боя.

В этот предосенний день, когда леса и сады, поля и даже, кажется, край неба отливали коричнево-желтым цветом высохших на солнце кукурузных плантаций, на восточной окраине аула Старые Атаги появилась группа всадников. Это был полковник Булгаков в окружении офицеров своего штаба. Въехав в заросли густого тальника, он слез с белого коня и стал разглядывать незнакомую местность. Здесь его полк должен был устроить засаду и ударить в тыл красным, если те попытаются наступать в направлении Воздвиженской.

Полковник извлек из полевой сумки карту и там, где кончалась посева кукурузы староатагинцев, нарисовал длинную цепочку. «Отсюда, из гущи леса и кукурузной листвы, очень удобно будет расстреливать беспорядочно наступающих партизан. Это будет прекрасно!» — думал он, водя карандашом по карте.

Честолюбивого и эгоистичного Булгакова в войсках остерегались и не любили, так как знали, что люди для него — лишь безликие фигуры, не более как пешки, которыми можно жертвовать без особого сожаления. Он не слишком задумывался, во имя чего умирают его подчиненные. Любое сражение для него казалось очередным представлением, партией в азартной игре. Хотя, по укоренившейся привычке, он все еще произносил «Во имя бога, царя и отечества», но формула эта уже давно осталась лишь фразой. Теперь он воевал более всего по привычке, не говоря о том, что занятие это давало ему возможность жить, не теряя всех прежних благ.

Булгаков был на Кавказе не новым человеком и гордился хорошим знанием местных особенностей. Так, он нередко поучал своих подчиненных:

— Когда займете аул, господа, делайте что хотите, вам все дозволено, но будьте осторожны с чеченками, а то все живое здесь против вас поднимется. Я хорошо знаю этих азиатов!..

В том, что за операцию под Воздвиженской ему обеспечен золотой «Георгий» от самого генерала Деникина, полковник не сомневался, и все же ему хотелось заслужить еще большую награду.

Покончив с картой, Булгаков вооружился биноклем и принялся уже всерьез рассматривать поляну за кукурузными посевами. И тут

настроение его сразу изменилось. Поляна выглядела совсем не так, как на карте. Вся она была покрыта цепью окопов, вырытых по всем правилам военного искусства. Тысяча пятьсот отборных головорезов из «волчьей дивизии», находившихся под его командой, перед этими окопами и траншеями показались ему теперь ничтожной силой, и четвертый «Георгий», о котором он только что мечтал, как-то сразу потускнел. Все же Булгаков отдал распоряжение младшему офицеру прочесать кустарник до излучины Аргуна и протянуть туда связь для командного пункта...

А там, в окопах, партизаны слышали шелест кукурузной листвы, приносимый ветром. Бойцы ели еще теплые кукурузные лепешки, отварное мясо, запивая все это холодной водой из медных кувшинов. Часовые несли караульную службу: не отрывая глаз, следили за поляной, чтобы любого, кто появится на ней, скосить пулеметным и ружейным огнем.

Элса с Хамидом кинжалами нарезали для товарищей отварную конину, темного цвета и неважную на вкус.

— Скажи, Хамид, не ослятиной ли, случайно, ты нас угощаешь? — шутливо, поблескивая ровными белыми зубами, спросил Решид Газиев у разносчика мяса.

— Да что вы, товарищ командир, побойтесь аллаха! Разве можно так говорить про добро! — обиделся Хамид, сдвигая со лба черную папаху.

— Нет, ты не обижайся. Просто не помню, чтобы когда-нибудь я ел такое мясо, — сказал Решид, продолжая тем не менее обглаживать ребро. Он подмигнул своему соседу Абдул-Кериму из Чир-Юрта.

— Им, чинхоевцам, не привыкать ослятину есть, — бросил известный балагур Абдул-Керим.

Ехидно улыбнувшись, Хамид ответил:

— Это не мы, а вы, чантийцы, съели осла!

— Э-э, нет, не говори так, Хамид, — возразил тот, — как раз не мы, а вы, чинхоевцы, съели однажды бедного осленка, приняв его за взрослого зайца.

Все весело рассмеялись, кроме Хамида.

— Абдул-Керим, расскажи нам, пожалуйста, как это было, — попросили остряка.

— Расскажи, расскажи, — снова подмигнул ему и командир.

— А что тут рассказывать? Получилось все очень просто, — начал Абдул-Керим, вытирая узловатые пальцы о полу коричневого бешмета. — Однажды разбушевавшийся Аргун унес бедного осленка. Чинхоевцы вытащили его на берег и прирезали. Молодой ослик был, видно, очень жирный, выбросить жалко: все же добро! Вот чинхоевцы и затеяли спор: одни доказывали, что это осленок, а другие утверждали, что это самый настоящий старый заяц. Спорят и никак друг друга переспорить не могут. Тогда решили просить совета у мудреца. Но в ауле мудрец ясно кто — мулла. Позвали муллу и спрашивают: «Разреши, пожалуйста, наш спор. Кто это: осленок или заяц?» Мулла осмотрел жирного годовалого осленка, подумал немного и сказал: «Ни те, ни другие из вас неправы. Это и не сын осла, и не сын зайца. Вы посмотрите на его длинные уши и туповатую морду, разве вы не видите, что это отец всех зайцев?». Так с позволения муллы съели чинхоевцы бедного осленка, — закончил Абдул-Керим свой рассказ.

— Ловко ты басни выдумываешь, — нахмурившись, заметил Хамид.

— Да поможет мне аллах, я говорю только истину...

Но Абдул-Керим не договорил. Где-то близко застрочил пулемет.

— По местам, к бою приготовиться!.. — крикнул Газиев, поднимая бинокль и поворачиваясь в сторону противника.

Выйдя из зарослей кукурузы и густого кустарника, в серых гимнастерках, поблескивая штыками винтовок, взятых наперевес, белогвардейцы тройной цепью двигались на окопы. А на флангах уже выкатывали пулеметы «максим», готовые подавить красных, если они поднимут голову. Вскоре цепи с ходу подняли стрельбу из винтовок, пули ударились о камни, лежавшие перед окопами, и, отбивая от них мелкие кусочки, тут же падали.

— Стрелять только по команде, беречь патроны! Беречь патроны!.. — пронеслось по окопам приказание командира.

Белогвардейцы, шли во весь рост и, когда до рубежа оставалось не более ста шагов, с криком «ура» бросились в атаку.

И тут молчаливые окопы вдруг обрушили на головы деникинцев свинцовый ливень. Пулеметы и винтовки била со всех сторон, и белым пришлось залечь.

В самый разгар боя над крутым берегом Аргуна проскакала орудийная упряжка. Валясь с боку на бок, орудие несло между кустами. Ездовые били замученных лошадей, пытаясь поднять пушку на высокий бугор. Кони кидались то вперед, то назад, путались в постромках. Наконец орудие развернулось и открыло огонь по траншеям.

Но вот среди залегших цепей белых появился полковник Булгаков. Он был человеком храбрым и старался теперь личным примером воодушевить наступающих. Он вертелся на коне с биноклем в руке, кричал не то ездовым, не то дрогнувшим рядам солдат, отдавал какие-то приказания. Много партизанских винтовок выбрало себе эту мишень, и неизвестно, чья пуля поразила наконец полковника — старого Элсы или Хамида, а может быть, весельчака Абдул-Керима, — только вдруг полковник откинулся назад, бинокль взлетел вверх. Белоногий конь дико шарахнулся в сторону и понес седока, волоча его за ногу, застрявшую в стремях.

На какой-то момент смерть командира внесла растерянность в цепи наступающих, но опытные офицеры скоро восстановили порядок. Перестроившись и получив пополнение, деникинцы снова шаг за шагом стали придвигаться к окопам. Положение партизан становилось отчаянным: патроны были на исходе. Вдруг за клубилась пыль на дороге. Это мчались всадники Шерипова с обнаженными клинками.

На ветру, словно крылья, развевались полы их черкесок и разноцветных башлыков. Вся степь оглохла от неистового и протяжного «вур-ра». От неожиданности белогвардейцы повернули назад, оставляя на поле боя убитых и раненых.

И тут вперед вырвался всадник в серой папахе, на горячем коне. Размахивая в воздухе высоко поднятым над головою маузером, он опередил знаменосца. «Асланбек, Асланбек!» — закричали горцы.

Стремительно мчавшийся конь Шерипова внезапно вздыбился, преграждая путь отступавшим белогвардейцам.

— Солдаты! — крикнул юноша, во весь рост поднимаясь на стремях. — Сдавайтесь, и вы будете свободны! Я — Асланбек! — и вдруг замолк...

Решид Газиев первым подскочил к раненому командиру, но помочь не успел. Асланбек рухнул с коня на камень, лежавший под Печальным курганом.

Решид поспешно склонился над Шериповым, приподнял его голову.

— Асланбек, Асланбек, — хрипло шептал он имя друга...

Узнав о гибели своего командира, ожесточенные горем, партизаны снова бросились в атаку.

Сквозь груды человеческих тел и конских трупов, в клубах порохового дыма ползли, бежали люди. Мчались кони со сбитыми седлами и распущенными поводьями. Кругом слышался беспорядочный треск винтовочных выстрелов и стрекот пулеметов.

Тяжело раненный Элса, опершись на ствол винтовки, с трудом приподнял голову и гневно посмотрел вслед убежавшим белогвардейцам. Он попытался что-то произнести, но не смог. Все еще опираясь на винтовку, старик опять пристально посмотрел на помутневшее от дыма и пыли солнце и, потеряв последние силы, опустился на землю. Старая солдатская винтовка так и осталась у него зажатой в руке.

А грозный шум боя откатился уже далеко вперед. Над истерзанным полем, где еще не так давно колыхались пожелтевшие хлеба, стояло только желтовато-серое облако, из-за которого выглянуло солнце.

Стали сгущаться вечерние сумерки. Решид отвязал от седла простреленную в нескольких местах бурку и бережно укрыл тело Асланбека. Серый конь командира, словно понимая случившееся, стоял рядом, понуро опустив голову, и грыз удила.

Из ущелья Аргуна, с восточной стороны Старых Атагов, подскакала группа всадников.

Бросив поводья на шею взмыленного коня, Гикало быстрыми шагами подошел к лежащему под буркой Шерипову. Сорвав с головы запыленную папаху, он откинул полу бурки, наклонился к бледному лицу Асланбека и некоторое время стоял неподвижно.

— Вот как оно получилось, дорогой... — сказал он тихо, будто самому себе и Асланбеку. Больше он ничего не мог произнести: волнение перехватило дыхание, да и слов настоящих, единственно возможных не было.

Главнокомандующий отошел в сторону и попросил закурить. Он курил, жадно глотая табачный дым, и молча смотрел в землю. Казалось... Казалось, он разговаривает сам с собой. А все вокруг

стояли также молча, ожидая его приказа. Гикало поднял глаза и обвел взглядом присутствующих, будто проверяя, кого он еще недосчитался. Можно было подумать, что он сейчас только заметил их.

В небе кружились птицы, и их разноголосый щебет звучал печально, словно и они горевали вместе с бойцами.

Гикало снова приблизился к Газиеву, стоявшему у тела Асланбека, и что-то тихо оказал ему. Тот слегка кивнул головой. Затем, обращаясь к покойному другу, Николай сказал уже громко:

— Прощай, Асланбек! — Ему вспомнились любимые слова Шарипова из «Песни о Соколе»:

«О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!»

Асланбек лежал на Чахкаринской равнине, у Печального кургана, где предки его бились за свободу и независимость, против кровавых полчищ Чингис-хана, против аскеров персидского шаха и царских генералов. Он уже не слышал прощальных слов верного друга, не видел ни пленных белогвардейцев, которых гнали мимо него в горы, ни синеголубого сентябрьского неба...

— Пора ехать, — сказал наконец Гикало, обращаясь к Решиду Газиеву.

Командиры частей отдавали какие-то приказания. В войсках началось движение.

Тело Шарипова везли на фургоне под черной буркой. За ним, по старинному воинскому обычаю чеченцев, вели укрытого черной буркой коня. Далее следовали верные соратники Асланбека, среди которых шагал и певец Сулейман, печальный, с опущенным, как тяжелая ноша, дечиг-пондаром в руках.

Траурная процессия двигалась вдоль реки, по узкому карнизу, теснимая глыбами базальтовых скал, где над рыдающим Аргуном почтительно склонялись мрачные горы, вековые дубы и чинары: сегодня они прощались со своим верным сыном.

Асланбек, как поэт, любил первозданную красоту своей земли и верен был ее могучей силе. Теперь казалось, что вся окружающая природа оплакивает его гибель, провожая траурный кортеж.

Люди сурово молчали. Как это всегда бывает с горцами в тяжелый момент, свою невозвратимую утрату они переносили с мужеством и твердой решимостью отомстить за своего юного командира.

Ведь Асланбеку было всего двадцать два года.

Гикало с двумя спутниками отправился в Шатой несколько раньше.

Подъехав к аулу, Николай и его товарищи спешили и, ведя коней, молча, с опущенными головами шли по узкой каменистой улице.

Женщины и дети сторонились их и также молча провожали печальными взглядами.

К старому дому Шериповых, крытому потемневшей от времени черепицей, со всех сторон стекались люди. Из дома едва слышно доносился надрывный и приглушенный плач женщин. Там старая Баянат, сама еле сдерживая рыдания, говорила:

— Не надо, не плачьте. Асланбек не любил слез... Разве слезами мы поможем ему? Не плачьте...

А истерзанное горем сердце матери билось так сильно, словно хотело вырваться из груди. Баянат готова была сама броситься в могилу сына раньше, чем его принесут туда, и занять его место там, чтобы сын остался жить на земле, под солнцем.

Старый Джамалдин встретил посланцев у двери. С минуту все они стояли молча, затем Гикало взял руку старика.

— Отец... — произнес Николай Федорович и посмотрел ему в глаза.

Седые брови Джамалдина слегка дрогнули.

— Не надо, Николай, не говори: я все знаю. Прискакал гонец и все рассказал: Асланбека нет... Слова не помогут, память о мертвых требует хороших дел. Трудно, я понимаю. Многих мы потеряли: война — такое дело, без потерь не обходится. Не я один потерял любимого сына, сегодня в Чечне многие хоронят своих сыновей. Не надо... Нам нужны хорошие, достойные памяти храбрых дела.

ЭПИЛОГ

Теперь на развалинах этого захудалого духовенства мы создадим новую, свободную и сильную Чечню.

Асланбек Шерипов

Дорогой читатель! Как трудно было мне поведать, что нет больше с нами славного героя. Я несколько раз переписывал последнюю главу романа...

Умер Асланбек. И, хотя это было неумолимой правдой, я никак не хотел, не мог примириться с ней! Каждый удар моего сердца, каждый вздох мой протестовал против этой смерти! И, переживая тот далекий день, я живо представлял картину боя и говорил себе: «А если б пуля миновала его? А если б...» Так хотелось, чтобы Асланбек был жив, увидел новую жизнь, о которой он мечтал, за которую боролся, не щадя жизни!

Боевые товарищи Асланбека дали клятву на могиле героя и сдержали ее. Не успели прорезаться всходы на могильном холме Шерипова, как революционные войска водрузили красное знамя над самым высоким зданием в Грозном и навсегда утвердили в Чечне Советскую власть.

Шли годы. Бойцы сменили винтовки на токарный станок и плуг и теперь боролись с трудностями, восстанавливали хозяйство. Строились новые дома, открывались светлые школы, прокладывались в горах новые дороги.

Оружие, закаленное в огне классовых битв, красноармейцы сдали в музей, чтобы молодое поколение помнило годы сражений. Почетное место среди этого оружия заняла древняя кремневка Ваши из Хадис-Юрта.

...Ясным росистым утрам вышла Хава из дома. Она шла быстро, ноги ступали по камням, будто изъеденным ржавчиной. Седина, осевшая на висках, задумчиво опущенные черные глаза и черное платье выдавали постоянную, затаенную грусть.

Она, когда-то мечтавшая связать свою судьбу с судьбой Асланбека и быть счастливой с любимым, отдала всю свою жизнь людям.

Хава работала в школе, она учила чеченских детей.

Почти каждый выходной день рано утром она ходила к Печальному кургану.

На кургане высился памятник, высеченный из серого камня. Его поставил благодарный народ на месте гибели своего верного сына.

Крупными буквами на камне было начертано:

СЛАВНОМУ СЫНУ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

АСЛАНБЕКУ ШЕРИПОВУ

1897–1919

Каждый раз около этого памятника Хава во всех подробностях вспоминала свои встречи с Асланбеком и даже будто слышала его голос, видела его глаза, улыбку. Часто на глаза ее набегали слезы. Она долго и молча сидела недалеко от памятника и думала не только о своей жизни, но и обо всем, чем жил все прошедшие годы ее народ, какие произошли изменения, и о том, какое растет новое поколение. Она мысленно обращалась к своим ученикам, и ей хотелось им оказать:

«Дети мои, о нашем сегодняшнем дне отцы ваши мечтали веками. Помните, какой дорогой ценой добыто для вас нынешнее счастье». Но она и так знала, что подрастающее поколение навсегда сохранит память об этом дне и будет оберегать ее до конца своей жизни...

В весеннем поле, звенящем голосами птиц, жили люди, земля, травы, полевые цветы и светило солнце.

Жизнь продолжалась...

1962–1968

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Так чеченцы называли кавказского наместника.

2

Так в семье Шериповых дети называли своего отца Джамалдина.

Газават — «священная война», распространявшая силой оружия религию ислама.

4

Восклицание в трагические минуты жизни.

Так называли крестьяне-чеченцы Гикало. «Дикало» означает по-чеченски: «хорошее пламя».

6

Сосунок-Хаджи.

Дечиг-пондар — музыкальный инструмент, несколько напоминающий балалайку.

Отсканировано
в феврале 2016 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бэрзэфцэг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд эрцыд
2016 азы февралы
сэрмагондэй паблик
«Бэрзэфцэг»-ы чиньгдонән.

<http://vk.com/barzafcag>